

география/этнография

Арии

Дмитрий Колосов

Арии

Дмитрий Колосов

Дмитрий Колосов

Арии

Издательство «Ломоносовъ»
Москва • 2015

УДК 94(3)
ББК 63.3(0)2
К61

Составитель серии Владислав Петров

Иллюстрации Ирины Тибиловой

Scan by Greego

ISBN 978-5-91678-246-2

© Д. Колосов, 2015

© ООО «Издательство «Ломоносовъ», 2015

Глава 1

Гипотеза эпохи ледников

Если довериться Библии, человек был сотворен Богом за один-единственный день. Наука же утверждает, что мать-природа, прежде чем создать человека, долго экспериментировала с самыми разнообразными созданиями — от примитивных одноклеточных до гигантских, но почти столь же примитивных динозавров. Минули геологические периоды докембрия, палеозоя и мезозоя, был в самом разгаре кайнозой, когда около десяти миллионов лет назад на свет наконец появился рамапитек — примат, отдаленно схожий с человеком. Но лишь отдаленно, ибо рамапитек все же был обезьяной; ничего по-настоящему человеческого ни в его психике, ни в поведении, ни во внешности не было.

Затем на смену рамапитеку явились существа, прозванные гордым именем человека — *Homo africanus*, *Homo boisei* и *Homo robustus*. Но человеком, в полноценном смысле этого слова, ни одно из этих существ не являлось. Как не был им и *Homo habilis* — человек умелый, хотя это до сих пор и спорно.

Проходят новые миллионы лет, и наконец примат делает решительный шаг, дерзнув занести ногу, чтобы преступить ту самую грань, отделяющую животную тварь от человека. Пока эта грань преодолена более на биологическом, нежели на пси-

хическом уровне. Сознание первочеловека, названного впоследствии *Homo erectus* — прямоходящим, куда более животное, нежели человечесно, но ему уже присущи некие свойства, выделяющие его из животного мира. Кто-то считал основным из этих свойств относительно развитые мозг и психику, кто-то — руку, способную умело обращаться с камнем или палкой. Но наиболее верным признаком человеческого следует считать изготовление и широкое применение пращеловеческих орудий труда.

Именно изготовление орудий, положившее начало каменному веку, выделило тварь из первичного животного стада и позволило ей претендовать на гордое имя человека. Первая из человеческих революций — палеолитическая — приключилась около полутора миллионов лет назад, и с тех пор отсчет времени шел уже на тысячи лет. Примерно двести тысяч лет потребовалось палеоантропу, чтобы овладеть навыками использования и сохранения огня, спустя еще триста тысяч он научился строить примитивные жилища из веток и шкур и начал устраивать массовые облавы на оленей, лошадей, слонов и другие ходячие запасы продовольствия.

Около ста тысяч лет тому назад появился неандерталец — как долгое время считалось, существо, ознаменовавшее переход от человека прямоходящего к человеку разумному. Появление неандертальцев совпало с последним и самым мощным оледенением, изменившим всю жизнь человека.

Что было причиной образования ледников — с полной определенностью сказать невозможно. Одни исследователи полагают, что этой причиной было поднятие суши, другие видят изменение наклона земной оси, третьи считают, что ледники образовались вследствие уменьшения уровня солнечной радиации...

Наползшие многометровым панцирем ледники изменили саму географию обитания перволюдей. Кое-где перемена климата оказалась благодатна для человека. Именно в это время расцвела Сахара, раскинувшаяся озерами и реками, питавшими травянистые равнины и стремительно расползающиеся тропические леса. Но в целом ледник омрачил жизнь людей. Холод и лед вытеснили неандертальцев из большей части Европы, образовавшиеся пустыни сделали необитаемой боль-

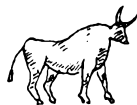
шую часть Африки. Чтобы выжить, неандертальцы вынуждены были объединиться в «бригады», заселить пещеры, а потом и научиться строить достаточно прочные жилища, овладеть более сложными приемами охоты и обработкой шкур, познать, что есть жалость и взаимовыручка. Именно в эпоху оледенения наш предок научился бороться за свою жизнь, именно эта борьба во многом определила его как человека.

Коротышка-неандерталец не обладал красотой и статью микеланджеловского Давида и мозгом Эйнштейна, но и в ту- пые скотины его записывать несправедливо. Он был умелым и отважным охотником, дубиной и копьем одолевая таких ужасных хищников, как пещерные медведи и львы; он обладал обширным арсеналом орудий и сооружал жилища, какими не погнушался бы современный турист. Ему были известны любовь и сострадание, хотя, наверное, все это он воспринимал иначе, чем мы.

Неандертальцы ушли в никуда, их исчезновение и по сей день остается одной из величайших загадок истории. Согласно ныне преобладающей точке зрения, неандертальцы были вытеснены более развитым кроманьонским человеком.

Вытеснены — читай истреблены. Физически неандертальцы были сильнее кроманьонцев, они были неплохо организованы, о чем свидетельствуют великолепные результаты их загонных охот. Но при всем этом неандерталец уступал кроманьонцу, ибо обладал лишь ассоциативным мышлением и зачатками коммуникативности: жест плюс нечленораздельные звуки, а кроманьонец уже обладал потенциалом к абстрагированию и вполне сносной речью. Именно эти превосходства младшего братца оказались губительными для старшего.

Ледник, навалившийся на землю скользким и обжигающе холодным панцирем, заставил человека задуматься об одежде и обильной мясной пище. Без них он просто не мог выжить, а отступить было некуда: ледниковые торосы накрыли большую часть заселенного перволюдьями мира. И человек изготовил совершенное рубило, а также проколку, достаточно острую, чтобы проделать отверстие в прочной оленьей шкуре. Холод заставил задуматься о теплом крове. И люди перешли из-под примитивных навесов в пещеры, где можно было не бояться не только дождя и снега, но и секущего ветра. В пе-

щерах ярко запылал огонь, не только согревающий озябшие на промозглом ветру тела, но и обрабатывающий пищу, делая ее мягкой и более усвояемой, а также помогающий бороться с ужасными тварями, о сопротивлении которым человек прежде даже не помышлял. Пылающие факелы и увенчанные бритвенно острыми наконечниками копыя, мстасмы с помощью копьеметалки, а позже и луки стали достойным оружием в схватках с пещерными медведями и львами. Холод изменил привычный растительный рацион. Он заставил уйти большую часть животных, бывших до сих пор объектом охоты. На смену теплолюбивым гиппопотаму, носорогу, слону пришли мамонт и мускусный овцебык, а главное, огромные стада северных оленей и диких лошадей, быстрых и смертельно опасных в стадном порыве для одинокого охотника. Человек был вынужден сплотиться и добывать пищу сообща.

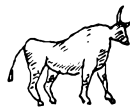
Заслуга в том, что тварь начала постепенно превращаться в человека, принадлежала не столько абстрактному труду, сколько природе, подвергшей тварь жестокому испытанию. Невзирая на бесчисленные тяготы, в эпоху оледенения человек приспособился к природе, став с нею на «ты». Он обрел постоянное или сезонное жилище и привязался к нему. Человек льда научился изготавливать и применять более ста (!) видов орудий: ножи для нарезания мяса, ножи для обстругивания дерева, скребки для шкур, скребки для кости, каменные пилы, стамески, проколки, сверла, гарпуны, резцы, рукояти из кости и оленьего рога.

Ушло на это каких-то 20—30 тысяч лет — срок ничтожный в сравнении со временем генезиса человекообразного рода. Под воздействием ледника тварь обрела речь и умение связанного общения, была создана материальная культура, несравнимая с теми, что существовали прежде. Человек обрел способность не только потреблять, но и творить. Великолепные быки Альтамыры и Ласко — разве то не шедевр?! Поражающие естественным изяществом и совершенством статуэтки из Виллендорфа, Гагарино, Лепюга, Кьеццы — в них чувствуется рука, достойная гения. Человек стал велик, хотя наверняка не сознавал себя таким, напротив, он ощущал свою беспомощную слабость перед жестокой мощью мира. В глубине сердца человек льда мечтал о более сладкой доле, ибо человеку чуждо

состояние полного счастья и оттого ему свойственно мечтать. И случилось чудо, какого никто не ждал. Ледник вдруг медленно пополз — на север, откуда пришел.

Казалось бы, таяние ледников, повлекшее общее потепление климата и создавшее более благоприятные условия для жизни, должно было послужить толчком к развитию человека как биологического индивида в частности и человеческого общества в целом. Однако на деле наблюдается обратный процесс. По мере того как ледники отползали к северу, освобождая от хладного панциря огромные пространства Евразии, происходили резкие перемены с человеком, жившим на этих территориях. Человек просто-напросто исчез. Те самые кроманьонцы, чье умение обрабатывать камень и кость, чье искусство до сих пор восхищают потомков, бесследно испарились, словно были выкошены неведомой эпидемией, не оставившей ни могил, ни предсмертного вопля.

Куда же они подевались? Аксиоматического ответа нет, есть лишь гипотезы, подтвержденные не более чем отчасти. Осмелимся высказать собственную версию. К XIV тысячелетию до н. э. лед освободил нынешние территории Германии и Польши, еще через три тысячелетия — север России, Британию и Скандинавию. На прежде покрытых льдом камнях вырастала трава, а затем и карликовые деревца с неприхотливым кустарником. Природа, питаемая потеплевшим солнцем и обилием воды, расцветала, радуя глаз своим многоцветьем, а брюхо — изобилием легкой в добыче пищи...

Поначалу отступление ледника повергло человека в замешательство. За многие тысячи лет люди привыкли к жизни в царстве холода и льда. Но ледник начал отступать, и человек растерялся. Мир людей льда раскололся на трое. Одни, инертные, решили остаться. Другие покинули обжитые за тысячелетия пещеры и устремились вслед за отползающим к северу ледником. Третьи двинулись навстречу благодатному теплу, надеясь поскорее обрести новое счастье.

Оставшиеся постепенно освоились с новыми условиями и нашли их весьма пригодными для жизни. Их больше не мучил холод, исчезли ужасные хищники, привлекаемые громадными стадами северных оленей. На смену влажному травяному покрову пришли обильные степи, а потом и леса, какие

заселили благородные олени, кабаны, лоси, дикие быки. Кроме животной, рацион обогатился растительной пищей — корнями, злаками, плодами деревьев и кустарников. Постепенно канула в небытие столь всегда острая проблема питания. Человек не испытывал больше насущной потребности в большом количестве шкур. Сытому и согретому лучами непривычно теплого солнца, ему не нужно было изготавливать сложные и разнообразные орудия труда. Исчезла потребность в развитии общения. Человек мог позволить себе вернуться к многим членораздельным звукам. Род охотников постепенно распадался на отдельные семьи, вполне способные выжить в новых условиях.

Природный каприз сыграл с обитателями Ойкумены злую шутку. На землях, сбросивших ледяной панцирь, произошло вырождение человечества. Эти люди не только не шли в ногу со временем, они повернули назад, удовольствовавшись минимумом забот и трудов, даровавшим необходимый для жизни минимум благ. Для жизни повседневной, но не для развития. Человек превратился в слабого телом и духом дикаря. Пройдет время, недолгое с точки зрения вечности, и могучие и организованные пришельцы с юга и севера истребят *Homo inertiis*.

Куда счастливее оказалась судьба ушедших, которые не только выстояли под разлагающей нежностью природы, но и сумели окрепнуть духом и общностью. Эти люди положили начало двум главным ветвям современного человечества: индоевропейцам и афразийцам, коим суждено было в будущем сыграть ведущую роль в истории, положив начало самому существованию ее...

Глава 2

Чудесная Гиперборея

Ледник катком прошелся по счастливому в своем неведении человечеству, раздробив его на части. Возникли три основных этнических очага при одновременном существовании множества мелких, по большей части обреченных на угасание.

Оставшиеся в Южной Европе, вдоль полосы теплых морей, и на островах Средиземного моря составили средиземноморскую расу, которой — языково, конечно же, не генетически — предстояло исчезнуть.

Ушедшие навстречу подступающей жаре осели в основном на севере Африки, там, где в наше время раскинула пески величайшая из пустынь — Сахара. То были люди деятельные, но со слегка гипертрофированным инстинктом самосохранения. Не желая принимать малую милость природы, дарящей теплом и солнцем, они устремились навстречу этому теплу, солнцу — к лучшей жизни, рассчитывая обрести не просто сытный кусок, а рог Амалфеи. Это были мечтатели, грезящие об абсолютном изобилии и избавлении от трудов. Они жаждали рая, и они обрели его, ибо тогдашняя Сахара была благодатнейшим на Земле местом — зеленой саванной, изобилующей водой, дичью и съедобными растениями. Человек здесь не просто существовал, а жил, благоденствуя, умножая свой век и род, заодно меняя цвет кожи круглогодичным загаром. Здесь, на плато Тассилин-Аджер, люди создали великую культуру, стремительно шагнувшую от примитивного потребления: охоты и собирательства — к производству: скотоводству и земледелию. Сахара стала местом формирования большой группы семито-хамитских или афразийских этносов, которым суждено будет доминировать в Ойкумене всю раннюю Древность.

Другой крупный этнический очаг образовали племена, ушедшие за ледником. То были люди иного склада. Их занимала мысль сохранить ледник для себя и себя для ледника. Что двигало ими — привычка ли, страх перед неизведанным или банальная обида: как он, ледник, посмел, не испросив на то разрешения, покинуть родные края — кто знает! Но хочется верить, что эти люди, пусть подсознательно, оценили ту роль, которую играл в их жизни ледник — грозный покровитель, заставляющий быть изощренным разум и сильным сердце. И потому эти люди, у которых энергия и уверенность в собственных силах превосходили инстинкт самосохранения, пошли за ледником. Они образовали второй этнический очаг цивилизованного человечества — индоевропейскую семью.

Тот факт, что значительнейшим первоначальным ареалом обитания семито-хамитов была Сахара, не вызывает сомнений, по крайней мере достойно аргументированных. С изначальным ареалом обитания племен индоевропейской группы не все так просто. Можно определенно сказать, что на рубеже V—IV тысячелетий до н. э. индоевропейские племена обитали на обширных степных пространствах юго-востока Европы. Но не менее очевидно и то, что степи не были изначальным ареалом их обитания, что индоевропейские племена откуда-то пришли сюда. Возникает резонный вопрос — откуда?

В конце XIX века американский ученый Уоррен высказал предположение о том, что прародиной человечества была арктическая зона. Предвидя вполне предсказуемый скепсис оппонентов по поводу реальности проживания человека в столь малопригодных для существования местах вообще и в целесообразности подобного проживания при наличии заведомо более благоприятных в климатическом отношении регионов в частности, Уоррен в качестве аргумента выдвинул гипотезу, обобщающую достаточно распространенные в то время в научных кругах взгляды о несоответствии современных природных условий тем, что были в то далекое время. По версии Уоррена, многие тысячи лет назад климат арктических районов был теплым и вполне благоприятным как для растительного и животного мира, так и для человека.

Как бы то ни было, люди все же жили где-то здесь — в Арктике или сопредельных районах. Эллины верили в существование загадочной страны Аполлона — Гипербореи, некоего отстраненного мира, населенного блаженными людьми. Местоположение Гипербореи неопределенно. Легендарная страна не имеет сколь-нибудь четкой локализации — «В страну гиперборейцев ты не найдешь чудесного пути ни морем, ни сушей» (Пиндар). Античные авторы помещали неведомую страну на крайнем западе, поблизости от державшего свод Атланта и чудесного сада Гесперид, на востоке, юге, но большинство — на севере.

Гиперборею помещали на некоем северном острове то напротив земли кельтов, то в Галлии, то в Германии, то в Центральной России. Речь шла об одной и той же Гиперборее, только со временем местоположение ее менялось. Следовав-

ший за ледником человек называл своим раем различные территории. И лишь в период окончательного отступления ледника, в период интенсивного формирования индоевропейской общности, Гиперборея окончательно сместилась в Приуралье.

В представлении иранцев Золотой век связан с именем Йимы — прародителя человечества. Это именно тот первобытный рай, который имели все народы, но отчетливую память о котором сохранили лишь индоевропейцы.

Персы не локализовали царство Йимы, но вне сомнения оно находилось подле Высокой Хары, мировой горы, того самого центра, что определяет пространство мира. Высокая Хара «окружает страны с заката до восхода...» (Авеста). То есть, собственно говоря, Хара — не просто гора, но цепь гор, отсекающая чудесное царство Йимы от прочего мира. Здесь восходит солнце, отсюда берут начало все реки, здесь обитель богов, сюда отправляются после смерти души праведников.

О такой же горе — чудесной горе Меру, обители богов и героев, сообщают нам сочные строки «Махабхараты»:

Есть в мире гора, крутохолмная Меру,
Нельзя ей найти ни сравненье, ни меру.

В надмирной красе, в недоступном пространстве,
Сверкает она в золотистом убранстве.

Блистанием солнца горят ее главы.
Живут на ней звери, цветут на ней травы.

Там древо соседствует с лиственным древом,
Там птицы звенят многозвучным напевом.

Повсюду озера и светлые реки,
Кто грешен, горы не достигнет вовеки.

Презревшие совесть, забывшие веру,
И в мыслях своих не взберутся на Меру.

Меру — резиденция богов, здесь они собираются на пиры, здесь расположен чудесный дворец Индры. Вершина Меру блистает чистым золотом, в яркоцветье растений бродят дико-

винные звери, воздух напоен ароматами и колеблется не потоками ветра, а дивными голосами богов и вдохновенных сказителей-риши. Меру — верх земли, что на санскрите — «рип» (ср. Рипейские горы!). Это не просто абстрактный или конкретный географический объект. Меру скрывает в себе начала мира.

Местоположение Меру представляется странным. С одной стороны, Меру — несомненно, Мировая Гора и в силу этого не может быть сколько-нибудь четко локализована. С другой стороны, авторы преданий о Меру наделяют чудесную страну весьма характерными признаками.

Здесь «полгода — день, полгода — ночь». Здесь высоко в небе — Полярная звезда, вокруг которой водят бесконечный хоровод Семеро Риши, Арундхати и Свати. При этом Семеро Риши — не что иное, как звезды Большой Медведицы, Арундхати — созвездие Кассиопеи, Свати — звезда из созвездия Персея. Наблюдать все эти звезды высоко над горизонтом можно лишь в северных широтах, где они действительно описывают в течение ночи круг, примерно в центре которого находится Полярная звезда.

Кроме диковинно расположенных звезд легенды упоминают о других чудесах: о сутках богов, продолжающихся человеческий год с шестимесячной холодной ночью и столь же долгим днем. Другие сказания повествуют о «пленных водах» и о «принимающих красивые формы ниспадающих водах», о десяти сияющих апсарах, происходящих от радуги, о «молочном» океане, полном священной амриты. Не правда ли, «пленные» и «ниспадающие» воды напоминают нагромождения ледяных полей и громоздящихся одна на другую глыб льда? Десять сияющих апсар, подобных радуге, — не что иное, как поэтическое изображение северного сияния. Ну а «молочный» океан, согласитесь, весьма походит на перемешанный с водой лед.

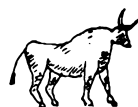
Индийские эпосы содержат упоминания о самых различных явлениях, на основе которых было сделано множество смелых предположений — вплоть до посещения в незапамятные времена Индии инопланетными пришельцами. Но необъяснимо точное описание явлений, присущих арктическим широтам, наталкивает на мысль о том, что индийцам, а вернее, их предкам некогда довелось жить в тех краях, где даже животные добавляют к теплему меху массивный слой жира.

Индийцы пришли из Арктики — кому-то подобная дерзкая гипотеза могла стоять не только доброго имени и репутации. Но предположение об арктической прародине индийцев выдвинул Тилак, лидер индийских националистов, а заодно авторитетный ученый. Тилак был одним из творцов и самым горячим проповедником «полярной теории», посвятив доказательству северного происхождения индийцев две книги — «Орион» и «Арктическая родина в Ведах». Тилак был оригинальным и признанным мыслителем, но в данном случае, будем справедливы, его пером двигала не жажда истины, а политические мотивы. Возводя происхождение индийцев к древним северным предкам, Тилак таким образом стремился подорвать идею превосходства белой расы, усиленно проповедуемую англичанами. Если надменные сыны Альбиона относили начало своей истории к безымянным пиктам, Боудикке, Каравзию и легендарному Артуру, то Тилак доказывал, что задолго, за пять или десять тысяч лет до них на севере Евразии проживал великий народ, со временем по воле судьбы и с благословения богов перебравшийся на изобильный Индостан.

Впрочем, труд индийского мыслителя был неплохо аргументирован. Тилак ссылался на теорию Уоррена и в дополнение приводил выводы астрологов, геологов, палеонтологов, археологов. Если его доводы и уступали тем, что способны при желании дать мы, то это объяснялось лишь слабой изученностью проблемы и общим недостаточным развитием науки.

«Измышления националиста да сказки — подумаешь, доводы! — скажете вы. — А почему упоминаний о “северных чудесах” нет в более ранних Ведах? А почему память об арктической прародине не сохранили другие народы, родственные индоариям? Почему?»

Насчет ранних преданий индоариев, а именно «Ригведы», рискну высказать одно предположение: арии в период создания «Ригведы» полагали, что их земной рай еще впереди. И потому риши не упоминают о Меру. Это воспоминание еще не обрело для них ценности, ибо истинный рай в их понимании грядущ: он на востоке — в Доме, где рождается Солнце. Зато о Меру с придыханием вспоминают творцы «Махабхараты», этого Дома так и не обретшие.

Резонно предположить, что отступление ледника оказало громадное влияние на племена кроманьонцев, проживавшие на территории Ойкумены. Те из них, что остались в привычных местах обитания, постепенно деградировали либо по крайней мере оставались на прежнем уровне развития.

Ушедшие на юг и осевшие на территории цветущей Сахары прогрессировали за счет невиданного изобилия, которое давало дополнительные ресурсы для развития. Эти люди, будучи по натуре своей созерцателями, обладали затаенной энергией, ибо их суть определяло стремление к лучшей доле. Эти племена составили громадную афразийскую семью народов.

Ушедшие на север вслед за ледником были самой мужественной и активной частью человеческой общности. Они не пожелали ни беззаботного счастья в древних долах и весях, где хранились останки предков, ни изобильной доли в краях, где царствовало солнце. Они предпочли сохранить силу, которой наделил их грозный ледник, — постоянную готовность к борьбе, к битве, к испытанию. Они ушли так далеко, что следы их затерялись в бескрайней безвестности Северо-Восточной Европы. Эти люди составят семью индоевропейцев, что разделят в будущем господство с семитами, а позднее оттеснят их на задворки Ойкумены.

Афразийцы и индоевропейцы — сильные, энергичные, организованные, они во всем превосходили инертных людей, оставшихся на просторах, освобожденных ледником. Им назначено было властвовать над миром, который вправе был ожидать грозных завоевателей, но мир покуда не боялся их, ибо те жили в раю и покидать его не собирались.

Глава 3

Вересковый мед

Из вереска напиток забыт давным-давно,
А был он слаще меда, пьянее, чем вино!

Роберт Л. Стивенсон воплотил в великолепной балладе древнее шотландское предание о вересковом меде, какой варили «малютки-мсдовары в пещерах под землей». «Малют-

ки» — это пикты, народ темный, загадочный и древний, по возрасту сравнимый с ариями, кельтами или германцами. Подобно этим народам, пикты готовили волшебное зелье — вересковый мед, — обладавшее чудесными свойствами.

Схожее питье, отличное от вина или пива, наделяющее вкусившего его чудесными дарами: бессмертием, мудростью, силой, — знали и многие другие народы, в первую очередь индоевропейские.

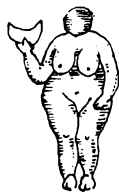
У греков это амброзия — высшая субстанция, назначенная богам. «Сладостный нектар подносит, черпая кубком из чаши» (Гомер, «Илиада»). Амброзия — чудесный нектар бессмертия, принадлежащий богам-олимпийцам. Откуда амброзия взялась — об этом традиция умалчивает, но совершенно ясно, что чудесный нектар не существовал изначально. Так, титаны амброзии не имели, они в ней не нуждались, ибо владение временем гарантировало им бесконечность, а значит, и бессмертие. Захватив власть, олимпийцы не сумели перенять контроль над временем и, дабы обеспечить себе бесконечность, были вынуждены прибегнуть к неведомому зелью. Поначалу они весьма щедро делились амброзией со смертными, но, обозленные неблагодарностью и гордыней людей, лишили их этого дара. Впрочем, лишив людей права на амброзию, боги все же оставили им зелье, приближающее человека к богу — бессмертному, могучему, мудрому.

Мед!

Мед как атрибут бессмертия или по меньшей мере долголетия, а также силы и мудрости был известен другим народам; слово «мед» присутствует во всех основных индоевропейских языках:

Древнеиранское *madhy* — сладкое питье,
греческое *methy* — питье,
латинское *mel*,
немецкое *Met*,
древневерхненемецкое *metu*,
древнеирландское *mid*,
древнеславянское *медь*,
литовское *midus*.

Здесь необходимо заметить, что изначальный смысл слова «мед» несколько отличался от нашего. Наш предок, гово-

ря о меде, имел в виду не продукт, производимый пчелами, а напиток на основе этого продукта, но включающий в себя ряд других компонентов. Напиток мед был не просто сладким питьем, а зельем, обладающим чудесными свойствами, что зафиксировано во многих древних преданиях. Достаточно вспомнить известный скандинавский миф о меде поэзии, замешанном на крови мудреца Квасира.

По древней эддической легенде давным-давно вспыхнула вражда между кланами богов асов и ванов. Долго длилась распря, а при заключении мира, положившего конец войне, побратавшиеся боги собрали в сосуд свою слюну и сделали из нее мудрого человека по имени Квасир. Очевидно, этот Квасир должен был в будущем стать посредником в спорах между богами. Но мир к тому времени уже был несовершенен. Карлики Фьялар и Галар убили Квасира и смешали его кровь с пчелиным медом.

Заметьте, возникает изумительная логическая цепь! Боги, дабы внести в мир гармонию и порядок, примиряются между собой, скрепляя союз соединением божественной слюны — эманации высшей силы, божественного миропорядка, бессмертия. Из слюны возникает Квасир — высший посредник, но карлики — олицетворение зла — убивают его. Кровь Квасира — уже не просто божественное, а еще и человеческое, ибо божественная слюна прошла через человека и обратилась в кровь, соединяющую в себе высшее и земное. Карлики замешивают эту кровь на меду, что гарантирует сохранность драгоценного зелья. Это уже не просто кровь, но эманация высшей истины.

Всякий, кто пробовал этот напиток, прозванный Одрёриром, становился мудрецом и поэтом. Одрёрир — Приводящий в движение дух — название говорит само за себя! Одрёрир дарил сладкий дурман, великое просветление разуму и невиданную легкость речи.

От карликов мед перешел к великанам, потом его выкрал бог-шаман Один. Приняв облик орла, Один унес добычу в Асгард. Несколько капель меда по пути пролилось из чрева Одина и досталось людям, но большая часть мудрости очутилась в распоряжении богов. Так владыки Валгаллы обрели власть

над мирами и бессмертие, толика которого перепала и избранным людям, посвященным в тайну меда Одрёрир.

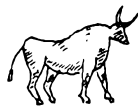
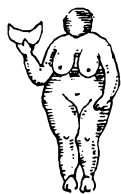
Еще один индоевропейский этнос — славяне — не сохранил память о некоем чудесном напитке; зато в славянском фольклоре невиданно популярна легенда о живой и мертвой воде.

Среди атрибутов арийской культуры в Индии одним из самых загадочных, несомненно, является сома — явление в трех ипостасях: Сомы-бог, сома-растение, сома-напиток. Когда впервые сталкиваешься с явлением сомы, невольно задаешься вопросом: с чего это вдруг люди поставили наравне с могучими богами, нет, пожалуй, даже выше этих богов одурманивающее питье, компоненты для его приготовления да божество-покровителя питания? Откуда это взялось?

Как бог, Сомы появился одновременно с возникновением мира. Не исключено даже, что Сомы был основой мира; по крайней мере, арии готовы были признать и такое. Наряду с Индрой и Агни, Сомы — самый почитаемый бог ведийского периода. Сомы целиком посвящены IX мандала «Ригведы», а также ряд гимнов в других мандалах.

Сомы-Павамана — «Сомы Очищающийся» почитался как царь мира, господин неба, творец, владыка над прочими богами. Сомы заставляет сиять солнце, приносит богатство, жизненную силу, еду, воду, олицетворяет закон, награждает вдохновением певцов-риши, побеждает болезни, врагов, чудовищ, саму смерть. Сомы — бог, отвечающий за упорядоченность и совершенствование мира, предоставляющий человеку в нем достойное место. Сомы присутствует во всех богах и, в свою очередь, готов растворить всех их в себе. Вобрав в свое необъятное чрево Сому, совершает великие подвиги Индра, растворив в себе Индру, воплотившись в нем незримою ипостасью, размахивает ваджрой — то ли боевым топором-молотом, то ли массивной дубиной, увенчанной медным наконечником с двумя изогнутыми крюками, — грозный Сомы.

Выражение высшей силы сухого, пропитавшей каждую частицу оного, Сомы правит миром, присутствуя в мириадах форм и воплощений. Он бесконечно многолик, он нескончаем и всепроникающ. Он — воплощение Вселенной, воплощение мирового закона, воплощение неба и земли, солнца

и звезд, космических вод и течения рек, живых тварей и цветущих растений.

Одновременно с Сомой-богом появились его материальные выражения — сома-растение и сома-напиток. «Эликсир жизни» дарует испившему ему поистине чудесные качества: многолетие, а то и бессмертие, силу тела, здоровье, озарение, победоносность, процветание. Сوما дает понимание мировой гармонии, высшей истины.

Напиток, приравненный человеком к могуществу бога, был несложен в приготовлении. Сложнее было найти исходное сырье — растение-сому, которое обыкновенно росло в горах; лучшую сому собирали на горе Муджават. Затем собранные растения замачивали, дожидались, когда те набухнут, и растирали между давальными камнями; жрец-хотар процеживал смесь через сито из овечьей шерсти.

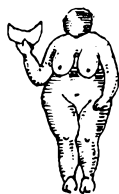
Процесс выжимания сомы не имел ни малейшего сходства с банальным приготовлением браги, пива или араки. Это было священнодействие, и восторг наблюдавших за приготовлением питья придавал зрелищу утрированную масштабность. И тогда даже сам процесс размельчения плоти сомы давальными камнями приобретал грандиозность.

Но на этом приготовление сомы не завершалось. Сок растения был непригоден для питья — слишком резок и слишком пьянил. Подобный напиток мог расстроить желудок и помутить разум. Подобным, по-видимому, напивались воины перед битвой, дабы стать бесстрашными. Обычный сома, предназначенный для богов, жрецов и риши, искусственно смягчался добавлением в него молока — свежего или кислого, обжаренного ячменя, а иногда и других компонентов, в том числе меда.

Распевая молитвы, какие должны были усилить действие напитка, хотар возливал сому богам, после чего зелье пили люди. Пили далеко не все — избранные. Всем прочим предназначалась сура — профаническое питье: брага, пиво, — противопоставлявшееся соме. Сура одурманивала, не даруя человека ни одним из благ, что давал сома, и потому избранные осуждали ее.

Но главным предназначением сомы была жертва богам. Люди словно подманивали сладким питьем богов, прося их быть щедрыми и милостивыми.

Первым из богов сому вкушал ветер-Ваю, доносивший сладкие пары до неба. Потом пил Индра, «владыка огненно-рыжих коней». Это он облагодетельствовал богов и людей, организовав похищение сомы. Орел принес чудесное растение Индре, и тот первым приготовил священный напиток. Победив при помощи сомы демона Вритру, Индра рьяно уверовал в силу чудесного зелья. Теперь Индра не совершает ни одного подвига, не испив сомы. Индра пьет чистый сому и расширяется в своем могуществе во все пределы Вселенной. Он пьет сому, смешанный с молоком, и дарит вдохновение поэтам. Он пьет выдержанный сому с примесью кислого молока и с охватывающей яростью сердцем идет поражать врагов.

Но сома не просто дарует ярость или вдохновение. Его могущество выше. Он способен раздвинуть границы ближнего бытия, обратить «Я» во «Все», разорвать индивидуальное сознание до пределов Вселенной. Благодаря соме Индра, а следом и прочие, испившие чудесный напиток, становятся всеобъемлющими, всемогущими.

А так как мир в представлении ария бессмертен, слияние с ним дает право на бессмертие, а значит, сома — проводник к вечной жизни. Сомы — выражение бессмертия, сома — условие бессмертия, сома — атрибут бессмертия. Недаром в некоторых древнейших текстах сома отождествлялась с повелителем загробного царства Ямой, в чьей власти была смерть, а значит, и бессмертие.

Сомы приближал человека к божественному, а значит, и к бессмертному. Чудесный нектар открывал пути в неизведанный, но при этом родной мир — тот, что рядом, но который из-за человеческой слепоты невидим, незрим, непознаваем.

Идентификация сомы спорна, и споры по этому поводу ведутся уже третье столетие. Какое же растение древние арии знали как сому? Одни исследователи считают, что под сомой подразумевалась эфедр, другие ставят на это место коноплю, третьи отождествляют сому с дикой рутей.

Сохранилось немного свидетельств о внешнем облике сомы. В «Ригведе» упоминаются побеги, стебли, достаточно твердые, чтобы оставлять в цецилке волокна; но, с другой стороны, совершенно нет упоминаний о листьях, цветах, корнях, семенах. Последнее обстоятельство позволило популяризатору «гриб-

ного течения» Гордону Уоссону уверенно отождествить сому с *Amanita muscaria* — мухомором. Однако данное предположение встречает гораздо больше возражений, нежели свидетельств в свою пользу. Во-первых, гриб лишь однажды упоминается в «Ригведе», причем упоминание это не имеет никакого отношения к соме. Во-вторых, мухомор не имеет запаха. Между тем как растение-сома обладает специфическим, отчетливым ароматом. В-третьих, растение-сома являлось мощнейшим психическим стимулятором, способным исказить зрительное восприятие таким образом, что все предметы становились малыми в сравнении с испившим сому.

Недостойными даже взгляда
Показались мне пять народов —
Не напился ли я сомы?

Обе половины вселенной —
Ничто против одного моего крыла —
Не напился ли я сомы?

Ригведа, X, 119, 6–7

В пользу мухомора свидетельствуют лишь невнятность описания растения-сомы да широкая известность *Amanita muscaria* среди народов, практикующих шаманизм, хотя все вышеизложенное не исключает, что мухомор мог входить в состав сомы, но, скорей всего, не был главной составляющей.

Более реальной кандидатурой на роль сомы выступает эфедра — небольшой кустарник с многочисленными веточками, не имеющий листьев. Эфедра содержит эфедрин, сильнейший стимулятор, который концентрируется в основном в молодых побегах, а также в стволе, что как нельзя соответствует описанию процесса приготовления сомы, где использовались лишь ствол и побеги чудо-растения. Эфедра обладает лечебными свойствами, что приписываются и соме. Но эфедра оказывает не галлюциногенное, как сома, а возбуждающее воздействие, потому одна эфедра не способна вызвать состояние, сравнимое с воздействием сомы.

Еще один реальный претендент на звание сомы — гигантская сирийская рута, отвар которой способен оказать силь-

ное воздействие на психику человека, но современная наука не располагает сведениями об использовании этого растения для галлюциногенного опьянения.

В настоящее время большинство ученых склоняются к мысли, что под именем сомы могли скрываться сразу несколько растений, а желаемый результат достигался адептом при употреблении их комбинации, к тому же в более позднее время жрецы разрешали дополнять сому рядом заменителей...

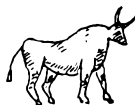
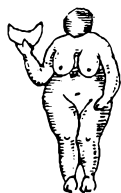
Подобно тому как индоарии поклонялись великому и благому, дарующему счастье бессмертия и познания Соме, древние иранцы почитали бога Хаому. Как и Сомы, Хаома воспринимался иранцами в триедином образе: как ритуальный напиток, как растение, из которого изготавливают напиток, и как божество, персонифицирующее напиток и растение. Сходство между Хаомой и Сомой — как в триединстве, так и в самой сути — столь очевидно, что не возникает сомнений в том, что и Хаома, и Сомы берут начало от единого индоиранского, а через него — и индоевропейского культа. Об этом помимо прочего свидетельствует тождественность имени священного напитка, происходящего от единого корня «su», «hu», что означает «выжимать жидкость».

Хаома — бог-близнец Сомы, определившийся как самостоятельное проявление Высшего в момент размежевания индоиранских племен. Они похожи настолько, что нельзя не согласиться с мнением иранолога М. Дрездена, писавшего по поводу Хаомы: «...Среди иранских божеств вряд ли найдется еще одно, характеристика которого в иранской и индийской традиции совпадала бы настолько, как это имеет место с авестийским Хаомой и ведическим Сомой».

Древние иранцы ставили бога Хаому в ряд с другими великими богами: Ахура-Маздой, Ардвисурой, Митрой. Хаома прекрасен обликом и сутью:

Лучистый, властный Хаома,
Целебный, златоглазый,
На высочайшем пике
Высоких гор Харати...

Авеста, Михр-яшт, 88

Златоликий и златоглазый Хаома не обладает силой, сравнимой с могуществом Ахура-Мазды или Митры. Он не может повелевать светилами и ветрами, не в его власти сдвигать горы и направлять реки по новому руслу. Но Хаома способен на то, что неподвластно другим богам, — он отвращает смерть, и это его главное свойство. Хаома жертвует ежедневно, ежечасно, ежеминутно, ежесекундно своею жизнью. Он — бог, добровольно отдающий свои тело и суть на благо людям.

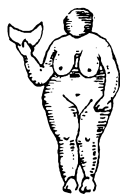
Обретая земную суть, Хаома обращается в растение — чудесный стебель с золотыми побегами. Хаома-растение, подобно соме, воспринималось двояко: как реальный биологический вид и в качестве высшего растения — священного дерева Хаома или Хаома-Гаокерна (Белая Хаома), «царя всех лекарственных растений», растущего либо на острове в океане Ворукаша, либо на вершине священной горы Хара. Кто сумеет вкусить от небесного Хаомы, над тем не властны будут старость и смерть. И потому десять тысяч дэвовских ящериц, рожденных волею Аримана, пытаются украсть священное дерево. Иранцы верили, что Хаому-Гаокерну, недоступную для недобрых людей и злых демонов, разносят благие птицы, разбрасывающие семена по всей земле, особенно по склонам гор, где в основном собирали растение-хаому.

Способ приготовления чудесного напитка Хаома был несложен, но непостижим непосвященному, ибо хаома означал величайшую тайну, обладать которой допущены были лишь те, кого боги признали достойными быть посредниками между собой и погрявшим во зле человечеством.

Как и индоарии, иранцы не употребляли хаому в чистом виде. Бога, превратившего свое естество в растение, надлежало тщательно растереть в ступке, выжав священный сок. Но чистый сок хаомы не нес отраду. Он отправлял душу в такие далекие странствия, из которых не было возврата; он погружал мятущееся естество в сон, порождающий чудовищ. Воздействие чистого хаомы ужасно, но человек научился смягчать его. Путем долгих наблюдений и опытов на себе жрецы выяснили, что наиболее благотворно и безопасно хаома действует, если выжатый сок смешать с молоком и ячменным зерном, причем полученная смесь должна несколько дней бродить на солнце. Процесс приготовления зелья происходил под

пение гимнов, восхвалявших триединого Хаому — бога-растение-напиток.

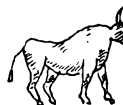
Хаома наделен всей суммой свойств, благих в понимании ария, — «добр, раздаватель, исцелитель, красив, добродетелен, победоносен, златоцветен, с свежими ветвями...». Хаома — величайший дар, назначенный человеку. Что же просит человек у сияющего Хаомы? В первую очередь бессмертия — самое вожаделенное желание, когда-либо посещавшее сердце человека. Но бессмертие — не единственное благо, дарованное Хаомой. Во власти Хаомы изгнать скверну из мира, сделать здоровыми тело и душу, победить зло, ибо он — прекрасный, врачующий, наилучший из всего, что есть в телесном мире.

Вкусивший чудесного зелья обретает победоносность в борьбе с врагами. Именно хаоме-зелью обязаны своей непобедимостью герои Траэаона и Кэрсаспа, одолевшие ужасных драконов.

Хаома дарует здоровье — физическое и душевное. Малейшего выжимания хаомы, малейшего прославления хаомы, малейшего вкушения хаомы достаточно для уничтожения тысячи «злых духов» — греховных чувств и болезней.

Также хаома наделяет даром пророчества, способностью к прозрению, хаома открывает тайну мироздания, помогает различить добро и зло, проникнуть в сущее. Недаром первоначально жрецов, выжимателей хаомы, именовали кави, что значит «мудрый», «чующий», «внимающий»; они заклинали: «Я призываю опьянение тобой, о золотистый хаома, — силу, победоносность, исцеление, энергию для тела, всестороннее знание» (Авеста).

Подобно соме, хаома противопоставляется всем прочим «веселящим напиткам». Авеста объясняет исключительное положение хаомы ее божественным происхождением. Пиво дано человеку, чтобы забыться в тяжелой дреме. Вино вырывает из души ее сокровенные тайны, после чего погружает душу обратно во тьму, даруя слабость в членах, головную боль и неясное чувство вины. Хаома бросает человека в невидимую круговерть светящихся образов, возводит душу до неведомых прежде высот, он дарует силу, быстроту, зоркость. Хаома не лишен недостатков — он требует время на то, чтобы душа обрела себя в форме тела, но это не страшно ни охотни-

ку, ни пастуху. Охотник, благодаря силе, дарованной хаомой, всегда возместит вынужденный перерыв в охоте. Стада пастуха будут в безопасности под присмотром верных псов. Хаома не устраивает лишь земледельца, который обязан выйти в поле с первым лучом, в противном случае он рискует лишиться урожая.

Не вызывает сомнений, что рассказы о соме-хаоме — не просто плод голой фантазии наших предков, а выражение реально существовавшей традиции потребления неких веществ, оказывавших специфическое воздействие на человека, которое чрезвычайно схоже с тем, что испытывает человек под влиянием препаратов, относящихся к группе индольных галлюциногенов.

Эти вещества используются в современной психоделической практике. Резонно предположить, что многие из них — естественного происхождения — были известны и нашим далеким предкам. Это относится к триптаминам галлюциногенам, содержащимся в грибах и бобовых, и к бета-карболинам, которые есть во многих растениях, что произрастают в Африке и Южной Америке.

Учитывая, что проблема появления человека в конечном счете сводится к проблеме возникновения человеческого сознания, можно предположить, что психоделики были катализатором развития мышления. Американский исследователь Теренс Маккена предлагает «кандидатуру» так называемого «шаманского гриба» — *Stropharia cubensis*. Это своеобразное растение — копрофильный гриб, растущий на помете крупного рогатого скота. Не исключено, что как раз с этим грибом связано столь очевидно выраженное почитание в архаическую и постархаическую эпохи именно быка, а не иных представителей животного мира.

Содержащийся в данном грибе в концентрированном виде псилоцибин оказывает глубокое воздействие на сознание человека. И возможно, именно это воздействие вывело человека за рамки животного сознания, помогло ему осознать свое «Я», воспринять себя как индивида, отличимого от других животных, от сородичей, от стада, от всего, что есть вокруг. Прозизошла саморефлексия — осознание человеком себя или, говоря словами «Ригведы»:

Мы говорим благодаря происхождению от древнего отца.
Язык движется благодаря глазу сомы.

Ригведа, I, 87, 5

Но это было еще не все. Считается, что психоделики обостряют зрение, а это здорово помогало на охоте. Охотники, употреблявшие «священные грибы», были более удачливы, они добывали много пищи, что давало превосходство над племенами, не употреблявшими психоделики, и приводило к вытеснению последних. Кроме того, психоделические вещества повышали сексуальную активность, что способствовало размножению и в условиях изобилия пищи давало преимущество племенам, потреблявшим грибы.

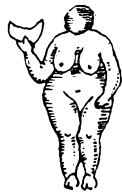
Обо всем этом можно, конечно, спорить, однако вероятность того, что галлюциногены — если угодно, сома-хаома — сыграли определенную роль в становлении человека, достаточно велика; причем заслуга их ничуть не меньше, чем значение труда. И если мы не вправе категорически заявить, что именно психоделики стали тем самым пресловутым яблоком познания, какое превратило Адама-обезьяну в Адама-человека, то мы не вправе и отрицать роль психоделического яблока, секрет которого, к сожалению, был человеком утрачен.

Из вереска напиток забыт давным-давно...

Глава 4

Под знаком Лунной Матери

Еще со времен классика религиоведения И. Баховена в науке прочно прижились понятия «матриархат» и «патриархат». Если идеалисты типа Руссо восторженно писали о благородном дикаре, этот швейцарский ученый попытался влезть в глубины души этого самого дикаря, в его дикое естество, движимое страстями — веры и познания. Как поведал Баховен, дикарь прогрессировал — от полной бессмысленности отношений к возникновению почти правовых норм. Поначалу все были равны, отчего половые отношения — беспорядочны,

потом мужчина признал достоинства женщины и потеснился, вежливо пропуская ее к выходу из пещеры, где поджидали оголодавшие львы, потом же, перековав примитивную дубину на копые, стал выходить первым, выхватывая из костра лучшие куски мяса и позволяя женщине подъедать остатки.

Все это Баховен оформил правильными и красивыми словами, введя в обиход множество новых терминов. Но право, не хочется грузить тебя, читатель, этими самыми терминами вроде матрилинейность и патрилинейность, эндогамия с экзогамией, моногамия с полигамией... Кто знает их — хорошо, кто не знает — еще лучше. Как справедливо заметил французский монах Оккам: сущности не умножаются без необходимости.

Посему и не будем их умножать — обойдемся без долгих и нудных определений, ограничившись констатацией того факта, что матриархат, по Баховену и его не всегда последовательным последователям, в том числе Энгельсу, это социальная система, где главенствует женщина, которая и кормилица, и хранительница огня, и охранительница рода; патриархальное ж общество определяют высокомерные мужланы.

Матриархально-патриархальная теория превратилась едва ли не в аксиому, да и осталась бы таковой, если б не масштабное вливание этнографических и археологических открытий в последние десятилетия — полувека или чуть более, когда вдруг обнаружилось, что в архаичных обществах «половые группировки» далеко не всегда грызлись между собой, оспаривая влияние, первенство и власть, а очень часто вполне мирно делили все вышеперечисленное.

И возникла гипотеза о возможном существовании древнейшего общества, основанного на иных традициях. Кажется, первой эту гипотезу предложила неистовая феминистка Риана Эйслер, в своей книге «Кубок и клинок» изложившая оригинальный взгляд на суть архаичного общества. По мнению Эйслер — ох уж этот несносный феминизм! — на определенной стадии развития имели место равные отношения между мужчинами и женщинами без превосходства какого-то из полов, то есть без всяких там матриархатов и патриархатов. Эйслер нарекла означенную социальную структуру, вернее, равносоциальные отношения полов гиланией; сторонни-

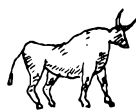
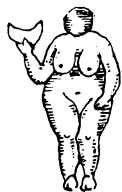
ки теории первобытного равенства полов порой используют и другой термин — партнерство.

Партнерское общество представляется почти идеальным. Для него были характерны: 1) максимально вообразимая гармония — внутренняя и с внешним миром, оплодотворенная почитанием Великой Матери; 2) умеренное потребление, без материальных излишков, а следовательно, интенсивного производства, перераспределения и связанных с последним конфликтов, какие приводят к возникновению иерархии; 3) коллективизм и практическое отсутствие связанных с индивидуализмом героизма и вождизма.

Так и хочется воспеть это странное общество, подобного которому человек не знал ни до, ни после. На смену испуганному, кровожадному дикарю пришел мудрый, уравновешенный, верящий в свою силу человек. Ушли в небытие раздоры между сородичами и конфликты между племенами. На бесконечных просторах степей мирно соседствовали стада диких быков и люди, постепенно находившие общий язык с этими быками.

То было время, когда человек пришел в согласие не только с миром, но и с самим собой. Именно в это время люди стали заботиться не только об отпрысках — своем будущем, но и о предках — прошлом, хотя не сознавали ни значимость прошлого, ни суть будущего, живя в бесконечном настоящем; человек приобрел свойство, действительно возводящее его на вершину биологической пирамиды, — человеколюбие. «Гиланические» люди создали новую систему общественных отношений, где женщина заняла достойное место в племенной иерархии. Мужчина научился ценить женщину, но вовсе не потому, что женщина-мать обеспечивала целостность рода. Просто гармония человека с природой подразумевала и гармонию в отношении полов.

Довольно сомнительно утверждение о повсеместном распространении партнерского общества. Но, исходя из принципа подобия, резонно предположить, что на определенной стадии гилания была присуща каждой культуре. Наиболее выразительно и широко она — это заслуга многочисленных и масштабных раскопок — представлена в Европе. Подробный анализ этого общества дала наша бывшая соотечествен-

ница Мария Гимбутас, виднейший популяризатор гиланической теории. На основании поистине громадного количества обработанных данных она написала ряд работ, посвященных партнерскому обществу, наиболее значимая из которых — «Цивилизация Великой Богини», рассматривающая генезис неолита и энеолита в Европе.

Вкратце: на протяжении без малого пяти тысячелетий — с VIII по III до н.э., до появления индоевропейцев, — последовательно сменяя друг друга, на территории Европы процветали гиланические цивилизации: Сескло и Старчево, Караново и Бюкк, Бутмир и Винча, Тиса и Лендель, Петрешти и Кукутенская, воронковидных кубов и мальтийская, Шасе и Кортайо и прочая, прочая, прочая.

В чем-то отличаясь одна от другой, они имели и множественные схожие черты. Предположительно — что условно подтверждается материалами захоронений — не было преобладания ни одного из полов — ни матриархального, ни патриархального. При отсутствии стремления к превосходству — что, в общем-то, сомнительно! — не было основания ни для серьезных распрей, ни уж тем более кровавых конфликтов, о чем свидетельствуют материалы археологических раскопок, как-то: отсутствие в мужских захоронениях оружия — одни лишь орудия труда, отсутствие на обнаруженных останках следов ранений, отсутствие серьезных защитных сооружений.

Пятитысячелетие отмечено довольно высоким уровнем экономики, земледелия и ремесел; особенное восхищение вызывает искусная керамика. У некоторых племен было некое подобие письменности — зачатки в виде знаков, возможно, просто бессвязные символы. И общим, абсолютно общим свойством всех этих культур был культ Богини-Матери, Великой Богини, Великой Матери.

Велись, ведутся и, видно, вечно будут вестись споры — от какой отправной точки начал постигать сакральную суть мира человек. Традиционалисты большинства мировых конфессий убеждены, что осознававший себя человек сначала почитал Бога-Отца, потом, в гордыне ли, в неведении, отрекся от Него и начал поклоняться языческим идолам, чтобы с течением времени вновь возвратиться к истокам.

Однако подобные взгляды — дань поздней традиции, установившейся с воцарением патриархата с присущим патрилокальному обществу почитанием богов, а впоследствии и Бога. Восходящие к самой ранней архаике легенды, многочисленные материальные свидетельства, поставляемые археологией, этнографические наблюдения свидетельствуют о том, что для подавляющей части архаических этносов присуще поклонение женскому божеству.

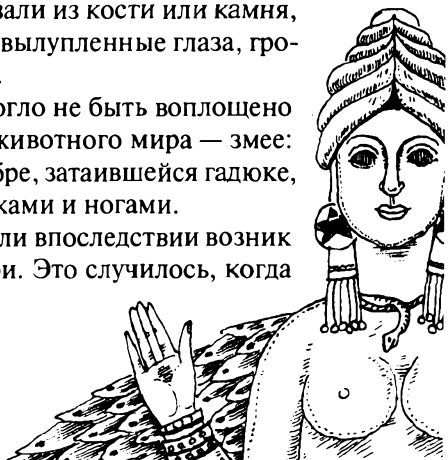
Материальные свидетельства культа Великой Матери обнаружены, пожалуй, во всех без исключения неолитических и энеолитических культурах, а также в более ранних — иногда говорят о полумиллионе лет до н. э., что сомнительно, однако же и допустимо. Археологами найдены уже тысячи символов Богини-Матери. Порой это наскальные изображения, но обыкновенно статуэтки «венер» с гипертрофированно выраженными женскими достоинствами, олицетворяющими дар плодородия и таинство деторождения.

Богиню-Мать, символ природы и рождения, нередко изображали в зооморфном виде, в образе плодовитого животного — оленихой, лосихой, медведицей, свиной либо в окружении этих тварей, на Востоке еще и с леопардами. Археологами обнаружено немало жезлов с изображениями сакральных животных. Еще чаще встречается символика богини-птицы, особенно распространенная на Балканах. Сохранилось немало изящных сосудов-уточек, сосудов-гусынь.

Птица же, только зловещая, символизировала Ужасную Мать, олицетворяющую разрушительные силы природы и Смерть. Гриф, сова, ворон, — порождения ночи или дальшики, — они олицетворяли Великую Мать Смерти. Был широко распространен культ Белой богини — предвестницы смерти; ее лепили из глины, вырезали из кости или камня, придавая уродливо-пугающие черты: вылупленные глаза, громадный рот, ощеренные острые зубы.

Ну и естественно, зло просто не могло не быть воплощено в образе самой пугающей из тварей животного мира — змее: угрожающе поднявшейся к броску кобре, затаившейся гадюке, а то и женщине со змеобразными руками и ногами.

Но как странно устроен человек, если впоследствии возник культ благой Змеиной Богини-Матери. Это случилось, когда

гиланические культуры Европы и Ближнего Востока канули в Лету, оставив после себя лишь след, но след весьма яркий — изумительную минойскую цивилизацию, ставшую «серебряным веком» эпохи партнерской культуры.

Минойская цивилизация уже не была чисто гиланической. Свидетельством тому само понятие «цивилизация», ибо все прежние подобные общества мы именовали культурами — они не имели черт традиционной в нашем понимании цивилизации: не знали социальной иерархии, урбанистических поселений, письменности, фиксированного права.

Крит к середине II тысячелетия до н. э. все это уже имел. Политическую власть осуществляли легендарные Миносы, располагавшие штатом чиновников и армией; роль городских оборонительных стен играло море и бороздящий вдоль берегов флот; города и дворцы поражали своими масштабом и великолепием; письменность преодолела рубеж сакральных символов; древние традиции постепенно отступали под натиском правовых норм. Так что, на Крите во II тысячелетии до н. э. благоденствовала вполне развитая по тем меркам цивилизация, но сохранившая черты древнего гиланического общества.

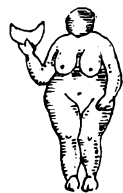
Главная из легенд, связанных с минойской цивилизацией, — конечно же, о Минотавре. Похотливая царица Пасифая, недовольная невниманием мужа и бездарностью любовников, решила совокупиться ни много ни мало с быком. Блудодейный искусник Дедал устроил любовное randevu посредством деревянной коровы, этой предтечи Троянского коня. Царица зачала и произвела на свет и не сына, и не дочь, а неведомую зверюшку, с годами вымахавшую в страшного зверя. Прозвали это самое чадо Минотавром.

На страшилище, естественно, нашелся герой. На Крите объявился Тесей и прикончил Минотавра. Нелюдь издохла в конвульсиях, а герой покинул остров, прихватив с собой царскую дочку, которую, впрочем, оставил после первой брачной ночи. Правда, царевна без внимания не осталась — ее подобрал бог Дионис.

Обратимся к легенде о Минотавре с максимальной серьезностью. Два вопроса: почему Минос не покарал неверную — мягко говоря! — супругу; и с чего это Пасифае взбрело в голову путаться с быком? Настоящее раздолье для господ психоана-

литиков — и даже не понятно, как это Фрейд и неверный его ученик Юнг обошли вниманием этот сюжет!

Значит, придется нам разбираться самим. В Древней Европе бык был наиболее почитаемым животным, ибо соперников ни в мощи, ни в значимости для человека у него не было. Закусить можно было и бараном, и козлом, не брезговали ни собачатиной, ни даже лисой, но вот для воздвигания земли ни одна из этих тварей не подходила. Коня же «гиланические» люди не знали. Поэтому бык был самым нужным из «друзей»-животных и почитался более прочих. На быках не только пахали, но еще устраивали игрища — знаменитые тавромахии, бескровный вариант корриды. Как гимнасты лихо сигают через «коня», так же юные критяне ловко перепрыгивали, ухватившись за рога, через мчащегося на них во весь опор быка.

С другой стороны, задолго до внедрения в научную среду гиланической гипотезы имелось устойчивое предположение о том, что на Крите существовала теократия во главе с Великой жрицей. Культ женщины прослеживается абсолютно во всем минойском искусстве: от многочисленных статуэток, изображающих женщин, до изумительных по исполнению фресок, где на первом плане обыкновенно представлена женщина: Великая Богиня, жрица, а то и обыкновенная горожанка — полуобнаженная, с пышной грудью и гордо вздернутым носиком.

Очевидно, что на Крите существовал культ быка, и очевидно, что царица Пасифая была жрицей Великой Матери, то есть осуществляла сакральные функции, а значит, руководила духовной жизнью общества и пользовалась соответствующим своей роли авторитетом. Потому-то Минос и не тронул Пасифаю после появления диковинного пасынка.

Но Крит уже перешагнул ступень классического партнерского общества, ибо поддерживал весьма тесные связи со своими патриархальными — завистливыми и воинственными, потому и опасными — соседями; критяне были вынуждены противопоставлять силе силу, и соответственно возрастала роль мужчин.

И потому подле «Богини» возникает «Минос». В его ведении — «профанная» сторона жизни: политическое руководство, командование армией и флотом, контроль над произ-

водствами, законами, налогами. Ему шлют почтительные послания фараоны Египта, князя Ханаана и цари Хеттии, но величественное, «царское» кресло в Кносском дворце-лабиринте предназначено жрице Великой Матери, и начатки каждого плодов посвящаются ей же — женщине, олицетворяющей Великую Мать, или же, если угодно, наоборот.

Минойское искусство подчеркивает еще один аспект этой удивительной цивилизации — ее выраженный коллективизм. Минойцы не знали и знать не желали героев, ярких индивидуумов, выскочек, жаждущих продемонстрировать свою исключительность. Если фреска отображала публичное действие, то царь ровно ничем не выделялся среди прочих и даже, напротив, «задвигался» на второй план полуобнаженными красотками. Если юноша бросал вызов быку, то это был абстрактный юноша. Про сына Миноса Андрогей мы узнаем, лишь когда он погибает в Элладе. Найди Андрогей смерть на родном Крите, не сохранилось бы даже его имени.

Подобная «антииндивидуальная» ментальность соответствует определенному восприятию времени. Для архаического общества свойственно циклическое восприятие времени — бегущим по кругу, отмеченным повторяющимися событиями, ориентирующимися на некие архетипы: инициация, рождение первого ребенка, удачная охота, война, смерть близкого. Гиланические культуры во множестве подтверждают это материальными свидетельствами. Это наличие могильников и храмов, это широкое распространение орнамента — концентрических кругов с точкой в центре, где сам круг обозначает циклизм, точка же символизирует архетипическое событие.

Но, повторимся, Крит середины II тысячелетия до н. э. уже утрачивает гиланическую чистоту. Как жрица понемногу уступает влияние царю, так и Великая Мать вынуждена поступать властью в пользу Небесного Отца. На Крите таким отцом стал Критский Зевс. Согласно традиции, глава олимпийского пантеона то ли родился на Крите, то ли воспитывался на острове, скрываясь от папаша-Урана. Когда же, возмужав, Зевс расправился с родителем, на Крите установился культ Критского Зевса.

Критский Зевс нередко отождествлялся с другим божеством — Загреем, что верно, но отчасти, ибо Загрей — своего рода переходное божество между Богом Неба и Власти Зевсом и богом мятущейся индивидуальности Дионисом.

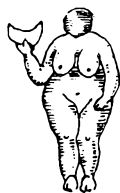
Последнее, что осталось сказать о гиланическом обществе, — его особое отношение к Луне. С самого зарождения человечества Солнце и Луна «боролись» за право быть первыми в глазах людей. Казалось бы, верх должно одержать Солнце, но поначалу величайшим была признана именно его великая тень Луна — обязательный участник магических таинств, известных всем народам древности.

Случайно ли Луна стала шаманским светилом? Или все дело в ночи, великой хранительнице многих тайн? Нет, все-таки главная в этой паре — Луна, а ночь лишь приложение к холодному светилу. Если принять на веру версию о том, что изначальной энтеогенной сомой являлись грибы, то стоит отметить, что они растут преимущественно в лунное время — ночью, и соответственно люди воспринимали Месяц-Луну как высшее божество, связующее с миром.

Луна даровала просветление, а Солнце виделось скорее злым началом. Архаический человек не воспринимал еще Солнце дарователем жизни, как будут воспринимать его Гильгамеш и Эхнатон. Люди чтили прежде всего Луну и ее порождения: лепили изображения быка, взрастителя ночных грибов, поклонялись леопарду, охотящемуся при свете ночного светила. И обращали к Луне свою мольбу, ибо она питала духом формы, сотворенные Землей.

Рогатый месяц, порождающий быка, — многозначная метафора архаичного человека! Месяц порождает быка, бык с помощью месяца дает жизнь грибу (у авестийцев луна именуется гаоцитрой, то есть «содержащей семя быка»), гриб открывает глаза человеку, сознающему свою бесконечность и величие — можно б сказать богоподобие, но боги в сей миг еще не зародились на бренной земле, и потому правильной будет сказать — сверхчеловечие.

Возникает цепочка луна-бык-гриб-бессмертие, отчетливо, к слову, прослеживающаяся в известном мифе о похищении Европы. Сюжет легенды, если вы помните, незамысловат —

похотливому распутнику Зевсу приглянулась финикийская девица Европа, он подманил ее, обернувшись прекрасным быком, похитил и унес на Крит, последнее пристанище гиланской культуры.

Сюда же возвращаемся и мы. Туда, где совсем недавно, какие-нибудь три с половиной тысячи лет назад, наслаждались жизнью лунные люди, счастливые в своем неведении того, что завистливое солнце уже приуловило кровавый финал их счастья.

Глава 5

Изгнанные из рая

Человек издревле склонен к перемене места, будь то банальная поездка за город или же переселение на другой континент. То же странное свойство присуще и многим народам, стаями покидавшим отчие края и пускавшимся на поиск лучшей доли. Вопросом, что двигало человеком в стремлении к странствиям, задавались многие. И в основном склонялись к выводу, что во всем виновата природа. С этим трудно спорить, ибо в эпоху варварства большинство племен снимались с насиженных мест, гонимые засухой, реке потопами — изменением климата и связанной с тем изменением мутацией ландшафта.

Но толчком к массовой миграции мог стать демографический фактор. Рост населения не раз заставлял людей оставлять насиженные места и отправляться в странствия в поисках лучшей доли. Достаточно вспомнить великую колонизацию эллинов, шупальцами расползшуюся с юга Балкан сначала на восток, а потом и на запад.

Серьезным аргументом для переселения становилась и вражда с могущественными соседями: некогда предки греков бежали от предков фракийцев, потом хунны — от китайцев, потом германцы — от гуннов...

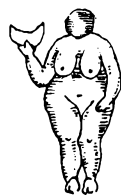
Все миграции подобны в стремлении к перемещению ради обретения лучшей доли, но разны характером. Порой пришельцы стремились вытеснить, а то и уничтожить корен-

ное население, порой мирно соседствовали и даже сливались с ним. Автохтонная культура коренных обыкновенно — частично или полностью — сохранялась, от пришельцев же, бывало, не оставалось даже могил.

Примерно десять тысяч лет назад взяли старт два грандиозных витка миграций, в буквальном смысле слова перепавшие лик Европы и Передней Азии.

На юге толчок миграционному взрыву дала Сахара, этот чудесный первобытный рай, в котором много поколений благоденствовал человек. Здесь на протяжении нескольких тысячелетий процветало поистине показательное партнерское общество со всеми его достоинствами и недостатками. Природа здесь давала человеку столь много, что он не утруждал себя излишними тяготами. Покрытые сочной зеленью равнины, весело журчащие в пробитых течением скалах реки, стада съедобной живности, плоды земли... Здесь, на североафриканских равнинах раздобыть пищу было легко, как никогда и нигде. Быть может, человек впервые получил время для досуга, который для нас, своих потомков, использовал весьма полезно. Обитатели Сахары отметились невиданной прежде страстью к искусству, искусством, однако, это занятие не воспринимая. Они просто фиксировали на камне свою жизнь: обряды, охоту, развлечения, отдых. Стены причудливых лабиринтов Тассили сохранили пятнадцать тысяч картин, высеченных на скалах.

С течением времени климат в Северной Африке постепенно менялся — не в лучшую для человека сторону. Богатый травяной покров — основа изобилия — лысел, на смену ему приходили леса, оказавшиеся не по нутру столь милым желудку человека стадным тварям. Те уходили прочь, а человек лишался своего главного источника пищи, будучи к этому не готов. В условиях благоприятного климата и изобилия пищи он расплодился и, когда число диких животных сократилось, был вынужден прибегнуть к экстенсивному скотоводству, что окончательно подорвало хрупкую экосистему Северной Африки. Человек, самое истребительное на свете существо, оказал губительное воздействие на рай, который отплатил человеку тем, что перестал быть раем. Исчезли зеленые луга, покрывавшие склоны. Стремительно сокращались роши, дающие прохладу

ду, древесину и пищу. Одна за другой умирали реки, обращаясь в вади — русла, наполняемые водой лишь во время дождей, все более редких из-за сместившихся циклонов.

Происходящее подтолкнуло человека оставить свой дом и отправиться на поиск нового рая. Люди двинулись на восток. Почему именно на восток? Мы не намерены вести здесь подробный разговор по поводу психологической подоплеки миграций архаических племен, зависящих зачастую от восприятия солнца. Это — удел другой книги. Отметим лишь, что путь на юг был труден, да и сам юг пугал дикостью обитающих там племен и кажущейся дикой природой. Земли к западу не были изобильны, к северу простиралось море. Оставался восток...

Сначала двинулись в путь племена буйвола, затем круглоголовые, а потом и полорогие (так условно именуется культуры Тассили Х—IV тысячелетий до н.э.). Волна за волною они следовали на восток, занимая новые земли. Едва ли они покоряли местное население — чаще сливались с ним или, не находя взаимопонимания, шли дальше. Обитатели Сахары поучаствовали в этногенезе многих древних народов, откуда не растворились окончательно в ближневосточной генетической каше. Но они дали толчок последующим миграциям. Уже новые племена, используя в качестве трамплина долину Нила и Аравию, шли дальше и дальше.

Миграция сокрушила привычную социальную структуру, основывающуюся на относительном равноправии и лидерстве наиболее духовно одаренных членов общины — шаманов. В результате проблем, связанных с любым глобальным перемещением, резко возросла роль мужчин, способных биться до смерти за жизнь соплеменников и за имущество племени в случае столкновения с враждебным обществом. Наиболее сильные и храбрые выделялись из общей массы, образуя касту вождей.

Семиты и хамиты были людьми не то чтоб воинственными, но готовыми постоять за себя. И если речь заходила о плодородном куске земли или обильном выпасе, пришельцы без колебания вступали в конфликт с местными племенами. Поэтому-то большинство племен либо поделались с агрессорами своими землями, либо были ассимилированы, а не исключено, что и истреблены, хотя до подобной крайности вряд ли дошло.

На обильных землях Западной Азии возникли суперкультуры: Натуфийская в Палестине (VIII тысячелетие до н.э.) и Чаттал-Хююк и Хаджилар в Анатолии (VII тысячелетие до н.э.). Материальный уровень этих культур весьма высок: орудия, найденные здесь археологами, поражают невиданным прежде совершенством, как и керамика, словно две капли воды похожая на темные монокромные гончарные изделия, найденные в Сахаре.

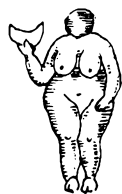
Какое-то время — столетия и тысячелетия — мигранты из Африки «дозревали» в Аравии и Ханаане, довольствуясь новоприобретенным раем.

Новый миграционный коллапс произошел в середине III тысячелетия до н.э. Именно в это время произошел грандиозный этнический «выброс» из вконец оскудевшей Аравии. На арену истории вышли амориты, чьи предки были родом также из Северной Африки. Сменив пастушеский посох на меч, они опустошили Палестину. Так называемая городская культура была уничтожена, упорно сопротивлявшиеся города пали: стена Иерихона разрушалась и вновь надстраивалась целых семнадцать раз, покуда не была разрушена столь основательно, что город капитулировал, был захвачен и разорен так, что сумел восстановить лишь отголоски былого величия, да и то через столетия.

Но благодатного Ханаана многочисленным пришельцам надолго не хватило. Часть их осела в плодородных приморских долинах, другие продолжали пасти скот, продвигаясь на север, в Сирию, а потом и дальше — в Двуречье...

Северный рай разительно отличался от южного собрата. Нам трудно судить о том, каким он был. Если Эдем круглоголовых «рекламирует» себя тысячами живописных шедевров и небольшим количеством иных артефактов, то Гиперборее в этом отношении не повезло. Хотя на Кольском полуострове, в Предуралье, находят рисунки и петроглифы, высеченные рукой архаического человека, но их слишком мало, чтобы получить сколь-нибудь осмысленное представление об исчезнувшей в темных волнах времени культуре.

О северной прародине сохранили воспоминания лишь некоторые народы, некогда оттуда вышедшие, в том числе ин-

доарии и греки. Но более прочих отеческие традиции уберегли иранцы.

В их представлении архаическая прародина связана с именем Йимы — первопредка и культурного героя. Как уже упоминалось, по воле богов Йима сотворил поистине райское царство, осененное благотворным влиянием Хварно — божественной удачи.

Мир Йимы благополучно просуществовал четырежды по триста лет, трижды разрастаясь вширь, и все эти годы были счастливейшим временем в истории человечества.

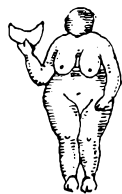
Заметьте, мир Йимы благоденствовал без вражды, катастроф и волнений, но вдруг — или не вдруг, побуждаемый светлым богом Ахура-Маздой — Йима принялся расширять владения, причем делал это трижды. Прихватывал ничейную землю? Да нет — это объяснялось куда проще.

Теплело. Лед отступал, освобождая от панциря пусть подмерзлую, но готовую плодоносить землю. Отправившиеся за ледником шли все дальше на север, род за родом оседая на освобождающейся ото льда земле. И мир их, изобильный стадами скота, был прекрасен. Образовалась уникальная экологическая ниша, подобная той, что представляет собой Турфанская впадина — громадный оазис посреди безжизненных пустынь. Неярко цветущий, изобильный, счастливый мир — счастливый до тех пор, пока не хлынула вода, исторгнутая растаявшим ледником.

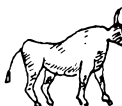
Светлый бог Ахура-Мазда предупреждал Йиму, что недалек тот день, когда закончится зима, растают снега и подступит большая вода. «Вот оно, твое царство, полное сочных трав для скота и студеных чистых источников. Спаси же эту счастливую землю! Ибо затопит ее водой, когда закончится зима и снега растают. Чудом, о Йима, для плотского мира покажется, если увидят где след овцы» (Авеста). Светлый бог повелел Йиме строить вару — селение с загоном, где должны были укрыться люди, где должно было укрыть скот и иные запасы пищи, а также семя лучших мужчин. Такой вот первобытно-криогенный банк!

Йима повиновался, и по его повелению люди воздвигли грандиозное селение, окруженное тремя валами.

А вскоре приключилось то, о чем предупреждал светлый бог. Лед начал стремительно таять, поднимаясь сверх отмеренного вода буйно хлынула на изобильные пастбища, вынуждая людей и животных искать прибежище на немногих холмах. Лишенные выпасов, беспощадно истребляемые не знающим удержу человеком, стремительно сокращались стада быков и оленей. Голод, как одна из реальных причин бегства человека из рая, косвенно подтверждается легендарными свидетельствами многих мифологий. Люди оставили рай, и племя за племенем начали свой исход к югу, где не было беспощадной воды, где за бескрайними лесами крылось бескрайнее же приволие степей. Если «южный» рай был испепелен лучами солнца, то «северный» попросту утонул.

Гибнущий рай Йимы стал мал для расплодившихся вдоль кромки тающего ледника охотников. Стали часты конфликты между соседями, до того более или менее мирно уживавшимися друг с другом. Многочисленное, а значит, при всех прочих равных условиях, сильное племя грозило истреблением малочисленному. Сначала отдельные племена, а потом целые племенные союзы были вынуждены оставлять родные края и устремляться навстречу неизвестности.

Признаться, эта гипотеза несколько искусственна. Но как бы то ни было, климатические изменения, произошедшие предположительно около 10 тысяч лет назад, радикально повлияли на северный ареал обитания человека, и этот ареал начал рассыпаться в направлении к югу. Соплеменники Йимы привыкли добывать пропитание, пася скот; земля, пригодная для скотоводства, была на юге. И племена — одно за другим — начали брать курс на юг.

Итак, со сменой климата начался великий исход индоевропейских племен из архаичного ареала, продолжавшийся не одно тысячелетие. Все происходило по уже знакомому нам сценарию. Люди льда, племя за племенем покидали обжитые края и устремлялись на юг, не всегда строго акцентированно, а веером — на юго-запад, юг и юго-восток. Одно племя подгоняло другое, заставляя другое идти все дальше, нагнетая взаимную агрессивность, которой предстояло выплеснуться на людях мирных, ни в злобе, ни во вражде не повинных.

Начало масштабной миграции относится к тому же времени, что и первые, отслеженные археологически, перемещения семитов. Можно примерно определить исходную дату этого процесса — VII—VI тысячелетия до н.э. Эта точка отсчета основывается на лингвистических данных. Большинство исследователей данной проблемы склонны определять начало образования четырех индоевропейских языковых групп VI тысячелетием до н.э.; из этого следует вывод, что прежде существовала единая общность людей, объединенная единым языком и схожей культурой.

На большей части территории Европы и Плодородного полумесяца в это же время процветали культуры, традиционно определяемые как матриархальные. Но постепенно они сменились патриархальными, и причиной тому во многом — масштабные миграции из двух ареалов, представленных наиболее значимыми языковыми семьями: семито-хамитской — из Северной Африки и индоевропейской — из Северо-Восточной Европы.

В ходе этих миграций возникало множество неведомых прежде оседлым племенам трудностей — неизвестные ландшафты, иная природа, автохтонные этносы, нередко враждебные. В этих условиях умялялась роль женщины как хранительницы рода, стабильность которого при перемене местожительства подверглась серьезному испытанию, и возростала роль мужчин вообще — ибо теперь на них легла обязанность не только защищать племя, но и добывать пищу, — а наиболее выдающиеся из них становились вождями.

Кстати, здесь уместно поведать о печальной судьбе Йимы, в позднейшую эпоху прозывавшегося Гайомартом, первочеловека и первопредка. В гордыне Йима отрекся от светлого бога Ахура-Мазды, за что понес заслуженную кару — пал от руки злобного дэва Анхра-Манью.

Легенда о жизни и смерти Йимы чрезвычайно показательна в отношении тех перемен, что происходили в сознании архаического человека. Как мифическая фигура Йима — типичный первопредок и культурный герой, дарователь материальных благ и знаний. Образы подобных первопредков возникали в архаическую эпоху, когда во главе социума стояли не вожди, а духовидцы — шаманы. И Йима

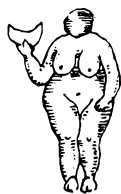
именно такой шаман, чья деятельность направляется знанием, но не силой. Такой, как греческий Прометей или ветхозаветный Моисей.

Оба эти персонажа плохо кончили: Прометей возымел кару от Зевса, Моисей — тому есть глухие упоминания в Книге Осии, — возможно, был убит соплеменниками на ближних подходах к Ханаану во время стоянки в Кадеш-Барнеа. Эти смерти закономерны. Время духовных вождей уходило, на смену ему шло время людей дела и силы — вождей. Так и Йима пал от руки неведомого вождя: необязательно был умерщвлен, но «задвинут» на второй план; сила физическая не уничтожила, но напроочь оттеснила силу духовную.

Патриархат, формировался в различных условиях, но наиболее быстро в экстремальных, какие возникали при миграции племен. Патриархальное общество было суровым, жестким, даже жестоким. Свидетельством мужской гегемонии служат многочисленные находки в раскопанных археологами захоронениях. Теперь мужчин хоронят отдельно от женщин, наряду с бытовыми предметами в могилах почти всегда встречается оружие, над вождями насыпают курганы, а в качестве эскорта их сопровождают умерщвленные жены, наложницы и слуги.

Для патриархального общества обыкновенны войны как вернейший и надежнейший способ разрешения конфликтов и обретения дополнительных благ в виде материальных ценностей и иноплеменных рабов. Обыденность насильственной смерти подтверждается страшными находками — цитирую: «В Тальхейме, к востоку от реки Неккар (Юго-Западная Германия), на месте поселения культуры линейно-ленточной керамики найдены останки 34 убитых — мужчин, женщин и детей; их тела были свалены в яму. По крайней мере 18 черепов проломлены сзади или сверху ударом каменных топоров или кремнёвых наконечников: эти люди были убиты сзади, может быть, когда они пытались бежать» (М. Гимбутас).

Патриархальному обществу свойствен иной вектор экономики: если минойцы и иже с ними, как ни назови это общество — гиланическим, партнерским либо матриархальным, — скотину имея, все же обеспечивали потребление за счет земледелия, патриархальные племена добывали пропи-

тание почти исключительно скотоводством. Именно количество скота было мерилем богатства.

Почитание Богини-Матери сохранилось, но ее понизили в ранге, провозгласив верховенство Небесного Отца — бога Неба и Солнца, супругой которому назначили прежнюю Великую Богиню. Бог сияющего Неба был един для всех праиндоевропейцев и прозвание имел одно, о чем свидетельствует близость имен богов: греческий Зевс, римский Дий, балтийский Диевас, также англосаксонский Тиу, скандинавский Тюр, германский Тивиас. Потом появились Юпитер и Митра, Перун и Один. Появились и верные помощники властелина Солнца и Неба — боги войны и охранители Матери-Природы, еще дальше отодвинувшие от утраченного трона Великую Богиню.

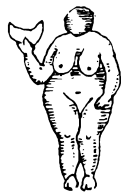
Бог Неба предстал перед людьми на огненном жеребце, с мечом в руке в сиянии солнечного нимба. Он и был воплощением Солнца.

Переход от почитания Луны к поклонению Солнцу был долг и занял не одно столетие и даже тысячелетие. Человек издревле признавал Солнце сакральной силой, но воспринимал его подчиненным Луне. Именно это подчинение символизировали рождающиеся и умирающие боги, что в новом облике восходили каждое утро на небосклон, подменяя изо дня в день меняющую свой лик Луну. Именно в новом облике, ибо когда человек начал воспринимать Солнце как неизменное, он начал постигать ту великую мысль, что Солнце — выше, могущественнее Луны, что оноечно, ибо не изменяет своему круглому лику, а умирает лишь на считанные мгновения, ужасающие человека, — во время затмений. Солнце постепенно превращалось в явление — единственное и неизменное и отождествлялось с абсолютным бытием.

На первой стадии почитания человек поклонялся Солнцу как «рыжему орлу», почитая светило в виде крылатого диска. Египтяне почитали крылатое Солнце под именем Гора, аккадцы — Ашшура, шумеры — Шамаша, хурриты — Шимиге, иранцы — как Хварно, индоарии — как птицу Гаруду. На смену лунным культам постепенно шли, покуда еще не заменяя их, но постепенно вытесняя, солярные, причем Солнце далеко не всегда воспринималось светлым, но порою и черным:

Белому богу нередко сопутствовал Черный бог, сопровождавший в иномирье души павших героев.

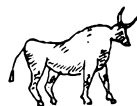
Именно героев, ведь вместе с переносом поклонения с Луны на Солнце происходил перелом общественного сознания и всего общественного уклада. На смену внеисторической Архаике шел героический век, открывающий дверь цивилизации, век, когда общество раскололось не только по гендерному признаку, но еще и кастово.

Минуло более столетия с тех пор, как начались споры по поводу того, какой именно регион следует считать местом происхождения индоевропейских племен.

Поначалу велась речь о трех прародинах: в Малой Азии, на Балканах и в Центральной Европе. Но сейчас на этот счет существует уже более двух десятков гипотез.

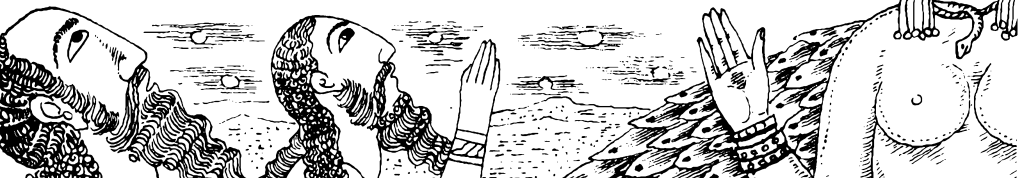
Исследователь проблемы В. А. Софронов в своей работе «Индоевропейские прародины» высказывает предположение о существовании четырех прародин: карпато-полесской, восточно-средиземноморской-малоазийской, балкано-дунайской, позднеиндоевропейской, — но, кроме того, приводит еще великое множество гипотез.

В Азии в различное время на роль прародины «выдвигались» семь регионов: Индия, Гималаи, Средняя Азия, Передняя Азия, Месопотамия, Ближний и Средний Восток, Малая Азия, близ Армянского нагорья. В общем, перебрали все, не добравшись только что до Китая!

В Европе прародину искали повсюду от Западной Франции до Урала — в Восточной Европе (несколько гипотез), в Западной Европе, в Северной Европе, в Поволжье, между Средиземноморьем и Алтаем, в Причерноморье, в русских степях, в Северо-Восточной Европе, в Северо-Западной Европе, в Центральной Европе, к северу от Балкан, в Альпах и Пиренеях... Не повезло оказаться в числе претендентов на прародину разве что Исландии, но уж больно далеко, да и холодно!

Наконец, следует упомянуть «симбиотическую» концепцию Иванова — Гамкрелидзе об общей прародине на территории Армянского нагорья и прилегающих к нему регионах и вторичной прародине древнеевропейских индоевропейцев в черноморско-каспийских степях.

Если обобщить все эти пространственные метания, приходим к трем основным точкам зрения по поводу прародины наших далеких предков. Яяфетиды — иначе праиндоевропейцы: себя они, верно, именовали просто людьми — вышли 1) из Передней Азии, 2) из Северной Европы, 3) из причерноморских и предкавказских степей.

Вероятно, сторонники скандинавской теории праареала праевропейцев правы, но ровно наполовину, ибо вторая доля истины пришлась на их оппонентов, «поселивших» праевропейцев в причерноморских степях.

Говоря о покинутом рае на севере, мы вряд ли, однако, должны вести речь о Скандинавии; скорее, это был все-таки Западный Урал. Отправившись оттуда примерно в середине V тысячелетия до н. э., индоевропейские племена достигли юго-востока Европы — региона к северу от Черного моря и Кавказа. Здесь возник новый ареал обитания, своего рода «полурай», где «вызревали», проклеывая скорлупу единой общности, отдельные этносы.

Вслед за этим изначально единая индоевропейская языковая общность начинает делиться. В так называемую протоиндоевропейскую эпоху (конец V—IV тысячелетие до н. э.) постепенно и поочередно образовались четыре индоевропейские группы семей: южноиндоевропейская (предки хеттов, лувийцев, палайцев, лидийцев, ликийцев, этрусков), центральноиндоевропейская (предки греков, армян, фригийцев, даков, мизийцев, индоиранцев), западноиндоевропейская (предки кельтов, латинов, фалисков, осков, умбров, венетов), североиндоевропейская (предки балтов, славян и германцев). Одновременно происходило обособление индоевропейских языков, приобретающих личностные, отличные один от другого свойства.

Протоиндоевропейцы находились в постоянном движении, то один, то другой этнос осуществлял миграцию, что приводило к непрерывной пространственной диффузии — распространению индоевропейских племен на все большие территории.

Сначала они обратили жадный взор на юг, за моря и горы, выбираясь в пределы Азии пограбить, но оседали здесь только немногие, ибо местный люд к тому времени научился огры-

заться. Зато на закате проживали люди беззащитные и потому безобидные.

Во второй половине V тысячелетия до н. э. на Европу накатилась первая волна воинственных пришельцев: они возводили над павшими вождями курганы, отчего эта культура и получила название курганной.

Виднейший специалист по истории первобытной и древней эпох И. М. Дьяконов, характеризуя это явление, пишет: «... В реальной истории полного передвижения некоей антропологически и лингвистически единой массы людей на новые места жительства с полным вытеснением первоначального населения почти никогда не бывает: для этого необходимо, чтобы переселяющийся “этнос” стоял в численном и материально-культурном отношении много выше первоначального местного населения... Трудно представить себе, например, чтобы древнейшие индоевропейцы шли, как танк, по Европе и Азии, сметая местное население... На самом деле происходит не вытеснение, а слияние этносов...»

Впрочем, миграция довольно часто обращалась в завоевание с подчинением, поглощением, а то и истреблением коренного населения. В любом случае характер миграций носил агрессивный характер. Тем более что мало какой из «контактных» этносов мог сравниться с индоевропейцами в пассионарности.

Во многом их экспансионистским успехам способствовали два обстоятельства. Во-первых, очутившись в русских степях, индоевропейцы приручили лошадь. И пусть эти лошади были невелики габаритами и не отличались мощностью (хотя и были выносливы), они дали варварам немалые преимущества. Они были мобильны и могли придерживаться тактики неожиданных нападений и маневров; сам вид всадников пугал аборигенов, полагавших, что на них нападают злобные демонические существа. Вторым «козырем» индоевропейцев было бронзовое оружие, не очень качественное, однако превосходящее медное.

Буйная волна варваров прокатилась по Придунавью, уничтожив, основательно потрепав или согнав с насиженных мест с добрый десяток древнеевропейских культур. На разоренных территориях практически исчезла прежняя материаль-

ная культура — огрубела керамика, перестали лепить статуэтки «венер», были заброшены святилища Богини.

Но, выплеснув избыток населения, индоевропейцы на время поуспокоились, словно набираясь сил... И с приходом III тысячелетия до н. э. степи изрыгнули вторую волну, которая погнала перед собой собратьев, ушедших на запад прежде. Часть их устремилась на север, другие на юг — в Грецию и дальше — в Азию. Невеликие числом племена варваров вторгались в неведомые им земли и без особого труда занимали их, вытесняя, истребляя или ассимилируя местное население. Ведь в отличие от семитов, которые по возможности разрешали конфликты словом, индоевропейцы предпочитали слову оружие.

Практически вся Европа оказалась если не под властью, то под влиянием индоевропейцев, которые проникли даже на Британские острова. Новоприбывшие украшали свои горшки орнаментом в виде шнура, отчего и были прозваны археологами шнуровой культурой.

Затем, всего через пару-тройку столетий, на многострадальную Европу накатила третья волна, вернее, вал в несколько волн. Одни племена варваров отметились кубками в форме колокола, отчего их культура и получила название культуры колоколовидных кубков. Другие имели привычку класть в могилы боевые топоры, отчего их культуру нарекли культурой боевых топоров.

На этот раз варваров было очень много, и они выказывали крайнюю агрессивность. Здесь следует отметить, что миграциям индоевропейцев свойственна нарастающая жестокость. Если прежде они ограничивались подчинением или вытеснением коренного населения, то теперь они чаще попросту «зачищали» территории, уничтожая коренное население. Так, в Скандинавии найдено множество захоронений людей, относимых ко времени появления варваров с кубками и топорами. У многих раздроблены черепа, причем не только у мужчин, но и у женщин, и даже детей. Археологи даже прозвали это жуткое время Периодом раздробленных черепов.

Безжалостные варвары погнали прочь и древнеевропейцев, и своих прежних собратьев. За протохеттами и тохарами последовали прагреки, праармяне и предки других народов, ко-

торым суждено в скором будущем заселить громадные пространства Южной Европы и Азии.

Третья волна индоевропейцев окончательно перепахала Древнюю Европу, повергнув Великую Мать к ногам Небесного Отца. Отныне безраздельная власть здесь на тысячелетия и тысячелетия оказалась в руках мужчин. Место жрицы занял вождь, помахивавший скипетром с конской головой. На груди вождя красовался янтарный диск, символизовавший Солнце.

Европа оказалась под властью мужчин. А что же русская прародина? Здесь, в степях еще оставались племена праславян, прагерманцев и прабалтов, покуда не отправившиеся в дальние странствия. И только недавно эти края покинул мощный союз племен, вошедший в историю под именем ариев.

Глава 6

Страна городов

Предав разорению Европу, индоевропейцы пошли дальше — в Азию. Люди льда частью начали медленное продвижение на восток — в сторону Аральского моря, а частью хлынули в Анатолию, куда во второй половине III тысячелетия до н. э. вторглись через Балканы лувийцы и палайцы, а через Кавказ — неситы.

Виною всему было новое серьезное изменение климата. Стало суше, температура повысилась, количество дождей — напротив, убавилось. Именно на это время — III тысячелетие до н. э. приходится окончательное формирование Великой Степи как экосистемы и этносистемы, в эпоху своего наивысшего «расцвета» простиравшейся от Карпат до Хингана. Видный исследователь культур кочевых народов Е. Е. Кузьмина относит это время к третьему этапу «варварской» эпохи, отмеченному, когда «происходит переход к подвижному скотоводству, в результате чего активизируются контакты между соседними племенами и возникают культурные общности».

Действительно, урожайность земель, дававших варварам добрую половину провизии, резко снизилась. Обитателям

русских степей теперь пришлось уповать на скот, разведение которого требовало больших площадей, нежели земледелие. Потому многие племена были вынуждены оставить насиженные края и отправиться прочь в поисках лучшей жизни.

Пришли в движение многочисленные племена ямной культуры, получившей свое странное прозвание по традиции захоронений: они хоронили своих мертвых в ямах под курганами в скорченном положении — что удивительно, на спине, да еще и посыпав их охрой.

«Ямники» погнали перед собой прочие племена, своей агрессивностью порождая агрессивность же, но направленную не против них, а в отношении иных, более слабых племен. Первые волны мигрантов разрушили часть семитских селений, в частности многострадальный Чатал-Хююк, а также первую из Трой, основанную, как считалось еще недавно (сейчас это оспорено), протофракийцами. Но на этом миграционная эпопея лувийцев и близких к ним по языку народов не завершилась. Новые волны агрессоров разрушили Трою II (между 2360 и 2300 годом до н. э.). В Троаде остались племена лувийцев, киликийцев, лелегов, а другие племена продолжили движение на юго-запад, юг и восток, причиняя огромные разрушения. Анатолия представлялась пришельцам благодетельным полураем, а также своего рода плацдармом для дальнейшего движения.

Уход пралувийцев открыл путь индоиранцам, активизировавшимся в русских степях, и прагрекам и родственным им племенам, которые, мигрировав от берегов Танаиса, достигают области Среднего и Нижнего Дуная, где окончательно формируются этнические группы дако-мизийцев, фракийцев, фригийцев, македонян, пеласгов. Греки занимают Эпир, где обустраивают Додонское святилище, и смежные области, постепенно продвигаясь к югу; пристроившиеся следом пеоны, фригийцы, македоняне движутся в восточном направлении, фракийцы обосновываются на востоке Балкан.

Примерно в это же время в Южную Грецию, на Крит, в Эгеиду проникают из Анатолии повернувшие вспять лувийцы, а следом с востока Балкан — пеласги, которые ассимилируют мигрантов из Малой Азии. Но пеласги натываются на встречное движение минийцев, которые проникают в Гре-

цию, занимают часть страны, разрушая Лерну, Тиринф и прочие протогорода (около 2300 года до н.э.), и продвигаются даже в Трояду.

Едва лишь причерноморские степи оставили прагреки и родственные им племена центральноиндоевропейской группы, как начали движение тохары и прахетты, Последние около 2100 года до н. э. достигают предгорий Кавказа, затем проникают в Малую Азию, заставляя лувийцев начать отступление на запад, а заодно треплют нервы Саргону Аккадскому. Не исключено, что тохары, еще раньше достигнувшие гор Загроса, были известны обитателям Месопотамии как гутти, а позднее они дадут жизнь этносу юэчжи. Через Кавказ на Армянское нагорье проникают праармяне, хотя нельзя отвергать версию о возможности их попадания в Малую Азию через Балканы.

Ну а потом настал черед племен, наукой названных индоиранцами, себя же называвших арья или арии*, что значит «лучшие», родственников прагреков и праармян. В течение многих лет они постепенно продвигались из Восточной Европы, осчастливив тамошние реки своими именами: Истр — от арийского «исира», «буйный» (Дунай), Турус — иранское «тура», что значит «быстрый» (Днестр), Танаис и Данаприс — иранское «дану», то есть «река» (Дон и Днепр), Ра — опять же «река» (Волга).

Арии шли на восток — к Азову и далее к Каспию. Они имели уже неплохих, выведенных тысячелетней селекцией лошадей и повозки, пока еще несовершенные, приспособленные для перемещения, но не для войны. Но и подобная техника давала мобильность и превосходство над оседлыми племенами.

Излагая историю этнических миграций, автор придерживается в основном последних и наиболее традиционных взглядов на эту проблему. Между тем существуют гипотезы, согласно которым арии ушли на восток гораздо раньше и уже в конце IV тысячелетия до н. э. индоарии были в Горгане (юго-восток от Каспия), а предки иранцев постепенно перемеща-

* Ныне иногда употребляется термин «арийцы», выпестованный позднейшей наукой, но мы его, по известным причинам, использовать не будем.

лись в районы к северу от Каспийского моря — в будущие ареалы андроновской и срубной культур.

Однако не суть важно, каким путем и когда шли древние арии, но факт, что во второй четверти II тысячелетия до н. э. часть этого этноса устроила себя «стоянку» в Южном Приуралье, где древнеиранская традиция помещает чудесную Хванирату — «страну поющих колесниц», чьи поля и луга щедры, а недра обильны. Именно здесь, на водоразделе рек Урал и Тобол, в XX веке были обнаружены десятки селений, поначалу показавшиеся археологам весьма примитивными, но со временем прорисовавшие картину самобытной и для своего времени развитой цивилизации, не без громкой фразы нареченной «Страной городов».

Люди поселились в этих местах не просто так, но движимые свойственным уже архаическому человеку прагматизмом. Климат тут был умерен — без утомительной жары летом и жгучих морозов зимой. Земля была плодородна, леса — в шаговой доступности, вода — в изобилии. Посему до поры до времени не было оснований для конфликтов из-за природных благ. Кроме того, эти края славились медными рудами.

«Страна городов», входившая в состав андроновской культуры, занимала немалую территорию в 50–60 тысяч квадратных километров и проявлена несколькими десятками селений и могильников. Среди обнаруженных с начала XX века селений более двадцати немалых по меркам своего времени городов: Куйсак и Алаут, Родники и Исинея, Берсуат и Кизил, Журумбай и Синташта; в каждом из этих поселений проживало несколько сот, едва ли до тысячи человек.

Синташта, досконально изученное первым, дало название этой культуре. Само по себе оно было невелико и не впечатлило обилием артефактов, но зато в открытом неподалеку могильнике были исследованы курганы, в которых нашлись захоронения воинов-колесничих, погребенных вместе с колесницами, конями, упряжью и вооружением. Все это свидетельствует о том, что именно здесь, на Южном Урале, впервые материально проявились признаки совершенно иной культуры, которая на примере древней Эллады будет обозначена как героический век.

Но прославилась легендарная Хванирата не Синташтой, а благодаря открытию в 1987 году при слиянии рек Караганки и Утяганки селения Аркаим, который стараниями команды археолога Дмитрия Здановича стал со временем «Меккой» современных славяно-язычников, шаманствующего люда и прочих самозванных визионеров.

Аркаим с тюркского означает «хребет», «спина», «основа» — в этом названии возможен отголосок ноосферной памяти региона, когда селение первенствовало среди подобных. Он процветал в XVII—XVI веках до н. э. и был едва ли уникальным, но весьма любопытным на фоне подобных селений. В архитектурном отношении он представлял собой круг диаметром в полторы сотни метров, то есть был совсем невелик. Поселение окружали ров и стена из дерева и земли довольно внушительного размера — пятиметровой толщины у основания и более чем пятиметровой высоты. Сквозь стены вели четыре прохода в форме правильной свастики, самый большой — с юго-запада; к стенам примыкала внешняя улица в 35 домов из земляных кирпичей. Далее шла еще одна стена, меньшей высоты, но большей толщины, с одним проходом на юго-восток. Во внутреннем кольце находилось 25 строений. Эти строения были велики и состояли из общей залы с очагами, кладовых и «спален».

Дверей в нашем понимании не было. Вход в жилище располагался на крыше дома, куда попадали по приставной лестнице. В случае проникновения врагов в город ее можно было в мгновение ока поднять наверх, образовав таким образом дополнительную линию обороны. Благодаря подобной архитектурной хитрости аркаимец мог без риска для жизни выйти наружу и прямо по крышам добраться до оборонительного вала.

Поселок был неплохо благоустроен. Улицы были оборудованы ливневой канализацией, каждый дом помимо обычной печи имел своеобразный купол-холодильник, позволявший долго хранить продукты. Был сток для нечистот и воды, а в каждом доме — по два или даже три колодца и весьма прогрессивный водопровод из деревянных плашек, обмазанных глиной. Ливневую канализацию перекрывала мостовая, кото-

рую в случае неприятельского нападения можно было снять и использовать как препятствие либо как ловушку.

Так и напрашивается искус сравнить Аркаим с современными ему городами Востока — пусть не с Вавилоном или Ниневией, ибо это нелепо, но хотя бы с Гомеровой Троей, которая была городком в общем невеликим, если исходить из размеров Илионского акрополя. Но справедливости ради надо заметить, что в отличие от Аркаима Троя была из камня, да и сокровища Приама, одного из предшественников легендарного царя, не идут ни в какое сравнение с небогатым имуществом аркаимских нобилей.

Аркаим был сориентирован в южном направлении, что вполне объяснимо: арии в своем походе держали направление на восток и соотносимый с востоком юг. Кроме того, город был спланирован таким образом, что для того, чтобы попасть во внутренний город, человек должен был проделать путь, подобный пути солнца. Внешний круг поселения выражал луну, внутренний — солнце. Некоторые исследователи в связи с этим сравнивают Аркаим со Вселенной в миниатюре. Мы же выразимся иначе, подчеркнув, что суть подобной планировки заключалась именно в ломке сознания человека, в переходе его от почитания Луны к поклонению Солнцу. Отметим качественное различие между почитанием и поклонением! Луна еще была близка и любима, но все большую силу и власть забирало бессмертное Солнце, вытесняющее Луну из внутренней сути человека на внешний круг, как атрибут почитания, но отнюдь не истовой веры.

Открыватели сразу отметили, что город удивительно походит на вару — то самое причудливое сооружение, какое по воле Ахура-Мазды воздвиг Йима. Покатые круговые стены Аркаима служили защитой не столько от недругов, сколько от наводнений, довольно сильных на пересечении рек, отчего сразу приходит на память Йимова вара такой же планировки с такими же стенами.

Отдельно стоит отметить, что планировка близка принципу Мандалы — одного из основных сакральных символов буддизма. Мандала значит «круг, колесо, кольцо» и олицетворяет пространство, страну и вселенную. Мандала традиционно — хотя и не всегда — имеет форму круга, как и Аркаим, модели-

ровавший стенами и расположением жилищ Космос во всех его проявлениях.

По заверениям «фанатов» Аркаима четкая геометрия времени и пространства, вернее, пространства, а через него времени присуща всем городам Хванираты. Мол, здесь все продумано столь точно, что можно поразиться. Например, форма и размеры стены в точности соответствуют подобным параметрам Стоунхенджа. Вдобавок Аркаим расположен на той же географической широте, что и Стоунхендж и, как он, ориентирован по принципу горизонтальной обсерватории «Солнца и полной Луны». Такое впечатление, что обитатели Аркаима занимались лишь тем, что дожидались равноденствий и иных — не очень-то ясно, зачем им нужных, — астрономических событий.

Но едва ли обитатели «Страны городов» нуждались в строгом астрономическом контроле за природой, как, скажем, египтяне, жизнь которых зависела от разливов Нила, происходивших примерно в одно и то же — плюс минус пару дней — время; или как шумеры, также контролировавшие водные стихии посредством слежения за перемещением светил и звезд.

У варваров Предуралья или Британии, где вода в те времена была стихией стабильной и предсказуемой, подобной потребности не было. Но тем не менее свои обсерватории, примитивные с виду, но весьма совершенные по сути, они возводили. Зачем? В угоду прародителям-инопланетянам? Для искуса фантазии далеких потомков? Вряд ли... Но может быть, это делалось для того, чтобы понять время?

Для ранних архаических культур эпохи матриархата или партнерства свойственно циклическое восприятие времени, о чем мы писали. Время идет по кругу, имея на «ободе» архетипичные отметки-события, приключившиеся во времена оны и теперь все время повторяющиеся: рождение, инициация, первая охота, женитьба или первое совокупление, рождение первого ребенка, первая война, первая смерть близкого человека, первое ощущение старости и приближающегося ухода, смерть, новое рождение...

С рефлексией, осознанием человеком себя как микрокосма такой нескончаемый оборот жизней и событий начал пугать, и человек начинал искать пути исхода из времени.

Выход был один — отказать времени в бесконечности, определить его начало и конец. Круг времен разрывался и вытягивался в прямую, которая превращалась в вектор, когда время получало исходную точку отсчета, а потом и в отрезок, когда определялась его конечная остановка.

Индоевропейская эпоха как раз знаменовала переход к линейному времени с культом Небесного Отца, положившего начало этому самому времени и наметившего его завершение. Однако при этом сохранялось восприятие времени и как циклического. Это свойство переходной эпохи зримо прослеживается в геометрии селений Хванираты. Дабы не толочь в ступе уже перетолченную воду, процитируем фрагмент статьи об Аркаиме и Хванирате: «“Города” удивительно схожи между собой. Обязательно обнесены стенами и рвами (кстати, довольно сложные фортификационные сооружения). В плане это овал, круг или прямоугольник, близкий к квадрату. “Овальных” городов шесть: Берсаут, Аланды, Исиней, Кизил... Столько же круглых, Аркаим из их числа. Больше всего “угловатых”»: Степное, Устье, Родники... Есть и такие, в плане которых контуры укреплений накладываются друг на друга. К примеру, на аэрофотоснимках Степного и Куйсака проглядываются все три фигуры. Здесь трижды перестраивали укрепления. Считается, вначале они возводились по овалу, потом вкруговую, а на закате “Страны городов” — прямоугольником».

Итак, мы имеем три геометрических формы: круг, овал, прямоугольник. Исходя из гипотезы о постепенном изменении восприятия человеком времени, нетрудно выявить общую закономерность урало-арийской «геометрии». Первые поселения имели форму круга и обладали признаками обсерваторий, имеющих цель осознать, что же такое время. Потом, с изменением восприятия времени форма селений приобрела овальную форму — своего рода отражение сомнения в истинности циклического времени, а затем с новым восприятием времени — как линейного — сделалась прямоугольной, заключенной в отрезки.

Спорная гипотеза? Конечно! И тем не менее...

По уровню развития «Страна городов» относима к периоду протоцивилизации, что бывает на грани варварства и цивилизации. Подобную принято именовать протогородской

или раннегородской, когда города еще относительно невелики и не обладают в полной степени урбанистическими атрибутами. Таковы города додинастического Египта, ранние Иерихон до Навина и Ашшур эпохи Саргона, ко времени Аркаима уже много превзошедшие своего северного собрата.

Аркаим, как и подобные ему, — город не полноценный (Д. Зданович: «Аркаим, безусловно, не город. Однако это то место, та среда, где зарождались элементы городской культуры»); в большей степени — это центр округа, своего рода нома, символ скорее этноса, чем государства, центр немногих ремесел и примитивного обмена. Это и крепость, за стенами которой можно укрыться от набега враждебного племени. «Аркаимофилы» описывают систему укреплений столь совершенной, что ей — если довериться их словам — могли бы позавидовать Тир с Карфагеном, а заодно и Рим. Конечно, все это — не более чем фантазия: и про замаскированные щели, и про засадные ниши, и про неслыханное удобство перемещения защитников по обводным стенам. Однако для своего времени и уровня развития техники Аркаим был и впрямь недурно защищен — по крайней мере, от неожиданного набега, хотя выдержать длительную осаду мог едва ли.

И наконец, важнейшей функцией Аркаима была роль, какую он играл в сакральной жизни арийской общности. Наряду с подобными ему, Аркаим был культовым центром. В отличие от многих других протогородов в Аркаиме не найдено серьезных сакральных артефактов, позволяющих судить о культе «андроновцев», в том числе и святилищ, но в данном случае можно согласиться с исследователями, считающими, что здесь справлялись религиозные празднества, на которые собирался многочисленный люд с подконтрольной Аркаиму округи, и тогда население города, в обыкновенные дни едва ли превышавшее три-четыре сотни человек, увеличивалось на порядок. Обряды совершались на центральной площади — эту традицию арии сохраняют на многие столетия и в последующем.

Население Аркаима составляли три классических сословия. Здесь жили жрецы, квартировала дружина местного князя — воины на колесницах, в будущем классические герои, здесь трудились ремесленники; весь они питались продуктами, поставляемыми из окрестных поселений (их только в непосред-

ственной близости от Аркаима обнаружено около десятка), жители которых пахали землю и разводили скот.

Как ремесленный центр Аркаим не был чем-то из ряда вон выдающимся, но здесь делали колесницы — самодвижущиеся механизмы, еще только начинавшие свой победный бег по равнинам Европы и Азии. Здесь плавил медь и бронзу — благо руд было в избытке, ковали вполне приличные изделия. Причем плавильные плечи искусно соединялись с очагом и колодецем, что позволяло быстро достигать необходимой для плавления меди иковки готового металла температуры. Возможно, система горн — колодець нашла отклик в одном из ранних индоевропейских мифов — о рождении бога огня из воды. Во всяком случае, раскопками доказано, что обитатели Аркаима приносили жертвы прямо в колодцы.

В отличие от большинства подобных протогородов, близ Аркаима не найдено значительных захоронений. Обнаружены лишь несколько курганов с бедным инвентарем.

В этом отношении куда больший интерес вызывает уже упоминавшийся Синташтинский курган-святилище. Сначала «андроновцы» своих умерших сжигали, но со временем, дабы не осквернять мертвой плотью огонь, который они почитали, стали предавать их земле. Причем, добываясь слияния усопшего с матерью-землей, что свойственно индоариям, но не желая осквернять и землю, тоже почитаемую, по одной версии — оставляли мертвецов на съедение диким зверям, по другой же — помещали в склеп, а когда тело истлевало, перекладывали кости в глиняный горшок, освобождая могилу для нового мертвеца.

Среди прочих усопших выделяли неких гегемонов — вождей и жрецов. Таких хоронили отдельно, в благоустроенных склепах, и с ними считались: их останки не трогали, но если и отваживались на подобное кощунство, то тогда уж «воевали» с мертвецами, что говорится, по полной программе. Бренные останки разбрасывались, горшки и чаши разбивались, а все остальное, в понимании людей ценное, извлекалось для использования живыми.

Аркаим закончил свое полуторавековое существование внезапно, пав жертвой некоей катастрофы, поглотившей го-

род в страшном пожаре. Резоннее всего предположить вооруженный конфликт; всякого рода сражения, как показали раскопки других городов Хванираты, были в этих краях не такой уж и редкостью.

Это время, вторую четверть II тысячелетия до н. э., Кузьмина относит к четвертому этапу древнейшей истории Степи. Дабы не пересказывать складно и кратко изложенное, процитируем: «В Степи становится тесно. Начинаются войны, преследующие главной целью захват скота. Возросшая агрессивность способствует технологической революции. Появляются легкие колесницы явно военного предназначения (псалии с шипами), укрепленные селения, широко распространяется металл. Несмотря на то что конфликтность способствует интенсификации миграций, именно в это время формируются две грандиозные культуры: срубная (от Днепра до Урала) и андроновская (от Урала до Южной Сибири и юга Средней Азии)» (Кузьмина Е. Е. Экология степей Евразии и проблема происхождения номадизма).

«Срубники» находятся вне сферы нашего повествования, а вот расположившиеся к востоку «андроновцы» напротив, ибо их частью как раз и были обитатели Хванираты — те самые племена, не оставившие нам самоназвания, но впоследствии известные под именем ариев.

Но, как бы ни лестно поклонникам Аркаима локализовать прародину ариев в «Стране городов», те во множестве селились и по соседству. Обо всех их рассказывать нет смысла, но упомянем о проживавших к востоку так называемых — по месту обнаружения археологических памятников — «петровских» племенах. Земли западных соседей привлекали «петровцев» изобилием руд, потому они этим соседям немало завидовали и время от времени тревожили их набегами. Рано или поздно эти набеги могли обратиться в масштабное вторжение, и обитатели Хванираты попятиться на запад, чтобы затем, через десятилетия, повернуть на юг. Почему? С чем связаны столь странные метания по сторонам света? Не так давно возникла довольно смелая, слабо обоснованная, но имеющая право быть гипотеза о том, что обитатели Хванираты были индоариями, а «петровцы» — иранцами. И уже тогда они враждо-

вали не на жизнь, а на смерть. Возможно, конечно. В таком случае индоариям было резонно возвратиться на запад, в Причерноморье, откуда они некогда вышли.

Однако они повернули на юг — в места, мало изведанные. И причина тому могла быть только одна — по пути на запад беглецы столкнулись еще с одним, могущественным этносом, которому уступали в численности и силе.

Каким путем они шли? В любом случае вблизи Каспия — обходя его, вероятнее всего, с запада. И через срок, определяемый не одним человеческим поколением, оказались в Туркмении, уже занятой, где им пришлось доказывать свою силу оружием; при этом многое из культуры местных жителей они переняли.

Когда речь заходит об арийском субстрате в Туркменистане, в научной среде всегда возникает спор — похоже, извечный и вечный — «восточников» и «западников», причем, как это ни парадоксально, «восточники» отстаивают гипотезу западного пути следования индоариев, а «западники», напротив, восточного.

«Западники» полагают ариев чистокровными европейцами, почти белокуроыми бестиями, такими цивилизаторами, облагодетельствовавшими азиатских дикарей, а посему, по мнению «западников», арии прошли в Индию и Иран напрямую — через территорию Средней Азии, не подвергнувшись тлетворному влиянию развитых культур Анатолии и Междуречья.

«Восточники» придерживаются диаметрально противоположного мнения: арии попали в Иран и Индию «окольным» путем — через Балканы и Малую Азию, потрепав по дороге Двуречье, после чего не на годы и даже не на десятилетия застряли где-то в Средней Азии.

Отстаивать в данном случае с пеной у рта чью-либо точку зрения нелепо — разрешить подобный спор сродни тому, чтобы определить первенство физиков или лириков. И посему спорить не будем. Бесспорно лишь — в том смысле, что с тем не спорят ни одни, ни другие, — что в своем восточном турне арии, бесспорно, отметились в Малой Азии.

Полагают, что именно арийское влияние определило возникновение в Малой Азии государства Митанни, далеко не

самого могучего и выдающегося, но довольно долго угрожавшего хеттам и вавилонянам.

Оно словно свалилось на голову соседям, взявшись в мгновение ока и почти ниоткуда. Проживали в приграничье Малой Азии и Двуречья хурриты, вечно зависимые от соседей и высоких надежд не вынашивавшие, а потом вдруг взяли и пошли походами — сначала на хеттов, а потом и на юг — на Вавилон. Хетты кое-как отбились, но решили благоразумнее забиться в дальний угол Анатолии и до поры до времени там отсидеться, а одряхлевший Вавилон был взят, что говорится, с меча. Великое царство, основанное приснопамятным своими законами Хаммурапи, рухнуло, и вскоре его захватили другие индоевропейские варвары — касситы; есть версия, что они также относились к ариям, ибо поклонялись богам Марутташ и Суриаш (соответственно индоарийские Маруты и Сурья). Митаннийцы же довольствовались северной частью Двуречья, некогда могущественным Ашшуром.

Но пассионарный взрыв прошел, пыл угас, оставляя лишь тлеющие угли. Царь Тушратта еще кое-как противостоял хеттам, но после его смерти в Митанни начались смуты, в результате которых государство попало под контроль Хеттии, а потом и Ассирии. В середине XIII века до н. э. Митанни было полностью захвачено Ассирией. Всех пленных — четырнадцать тысяч — победоносный ассирийский царь Салманасар I приказал ослепить...

К чему мы так рассказываем о, казалось бы, стороннем в нашем повествовании Митанни? Да потому, что митаннийцы, как и касситы, имели непосредственное отношение к ариям, представляя первые их волны, отправившиеся на Восток прежде других. Именно авантюристы-арии, эти варяги Древнего мира, немногочисленными отрядами проникли на «водораздел» Малой Азии и Двуречья, подчинили местное население и мутили воду на Переднем Востоке добрую половину тысячелетия.

Арии пришли на Восток на колесницах, что предопределило их превосходство над местными племенами. Они не стали уничтожать население, ибо в силу малочисленности не имели для этого возможности; их миролюбие было невольным. Но как бы то ни было, они приняли местные обычаи, сохра-

нив при этом и свои. Они создали особую касту воинов-возничих — марианну, что тождественно «марья» — «муж» индоариев. Их цари носили арийские имена: Тушратта («обладающий внушающей ужас колесницей»), Шаттиваза («тот, чья победоносная сила — молитва»), Шуттарна («тот, кто поддерживает благо» или же «воин»). Они клялись своими богами, в первую очередь воинственным Индрой.

Еще одна древняя цивилизация, возможно и не чисто арийская, но, по меньшей мере, испытавшая влияние ариев, несколько столетий благоденствовала на территории Южного Туркменистана — в Маргиане, или, как именовали эту страну письменно грамотные соседи, — в стране Маргуш.

Здесь еще с позапрошлого века археологи обнаруживали немало интересного, но наиболее важные находки сделаны относительно недавно экспедицией В. И. Сарияниди, открывателя знаменитого «Бактрийского золота» (20 тысяч золотых изделий из семи могил кушанских царей в Афганистане). Сарияниди принимал активное участие в раскопках святилища Тоголок, а позднее в течение многих лет руководил исследованием святилища Гонур-депе (иногда это название пишется без дефиса). Он выдвинул гипотезу о существовании на рубеже III—II тысячелетий на юге Туркмении и севере Афганистана оригинальной культуры, дав ей название Бактрийско-Маргианского Археологического Комплекса (БМАК).

Первые цивилизации — уже не культуры, ибо помимо прочих аспектов отмечены зачатки письменности, — появились в Южной Туркмении в последние века III тысячелетия до н. э. Они имели азиатские автохтонные корни. Позднее в этих краях появлялись все новые этносы, в том числе и индоевропейские. Когда здесь появились арии, можно спорить, но то, что это было, — факт. Пусть даже на закате Маргушской цивилизации, как полагал В. И. Сарияниди.

Пришельцы создали свою, отличную от автохтонной, культуру, для которой были характерны культы огня, земли, воды и соматического напитка, Небесного Отца и лошади, благодаря которой арии совершали быстрые переходы и имели преимущество в вооруженных столкновениях.

Найденное на востоке Туркменистана святилище, получившее название Тоголок-21, отмечено признаками, характер-

ными для эпохи перехода от соматического общества к цивилизации, от Луны к Солнцу. В отличие от описанного выше Аркаима, Тоголок ориентирован на север, что свидетельствует о том, что арии с ностальгией вспоминали об утраченном рае Ямы-Иймы, который ассоциировался для них с севером и Полярной звездой. Здесь были найдены остатки культа огня и хаомы, причем анализ напитка, следы которого сохранились на сакральных сосудах, обнаружил присутствие эфедры и мака; галлюциногенные свойства хаомы подтверждали также специальные глиняные трубочки, через которые посвященные употребляли священный напиток и на которых были изображены глаза с расширенными зрачками, что характерно для потребляющих маковые препараты.

Подобные, но еще более богатые и потому доказательные находки сделаны в ходе многолетних раскопок Гонур-депе. Обнаружены алтари для жертвоприношения — свидетельства существования культа огня — многочисленные круглые и подземные прямоугольные, где, по мнению Сарияниди, оспариваемому многочисленными оппонентами, горел «вечный» огонь.

На существование культа земли указывают специальные площадки для жертвоприношений, устраиваемые для того, чтобы оградить землю от скверны жертвенной крови.

Следов культа воды в ходе раскопок не обнаружено, но, если следовать логике, он тоже должен был существовать.

О наличии культа сакрального напитка свидетельствуют многочисленные находки как упоминавшиеся в Тоголоке, так и Гонур-депе. Готовили этот напиток — условно назовем его сомой-хаомой — из алкалоидных растений: эфедры, конопли, мака; употребляли же через специальные длинные трубочки, изображения которых сохранились, как сохранились и сакральные чаши для сбраживания, весьма изысканной выделки.

Кое-какие соображения можно сделать и о социальном устройстве Маргущской цивилизации. Вне всякого сомнения, она была патриархальной, свидетельство чему — богатые захоронения вождей; в склепах, несмотря на многолетнее старательство древних «черных» копателей, найдены изумительные по своему качеству артефакты — украшения и тонкие по исполнению мозаики и росписи.

В. И. Сарияниди считал, что Маргушская культура не имеет никакого отношения к ариям, что те появились в этих краях, когда Тоголок и Гонур пришли в полный упадок, следует заметить, что арийский этнос в здешних местах не ограничивается индоариями и иранцами. Были еще родственные племена, осевшие на пограничье Двуречья и Малой Азии, а главное, были нуристанцы — народ, сохранившийся и в наши дни и имеющий арийские корни. Именно нуристанцы могли участвовать в становлении Маргушской цивилизации, чтобы потом под натиском более могущественных племен уйти на восток.

Как бы то ни было, арии пришли в Маргушу сразу двумя ветвями, говорящими уже разное, но понимающими друг друга; они могли появиться одновременно, но скорее, исходя из лингвистического анализа, это случилось с некоторым интервалом. Отсюда они продолжили свой путь — одни на юго-восток, другие — на запад.

Некогда северную прародину оставили мирные пастухи, теперь же путь продолжали герои...

Глава 7

Захмелевшие от браги

Почему же разошлись родственные племена, называвшие себя ариями? Увы, это осталось загадкой. Возможно, причиной тому был некий конфликт, связанный с разделом территорий, этническими распрями, в основе которых могла быть вражда родов, переродившаяся из личностного конфликта в многопоколенную кровную месть. Но возможно, между двумя ветвями ариев возникла вражда иная — на высшем, ментальном уровне, когда одна часть их изменила свое отношение к миру, приняла иные ценности, в то время как другие пытались следовать традициям предков.

Я предполагаю, что в процессе становления сознания человек прошел стадии индивидуации и индивидуализации: первая определялась неразрывностью коллективного и индивидуального сознания, вторая — разрывом сознаний с со-

хранением некоей связи лишь на подсознательном уровне. Человек-индивидуум поклонялся Богине-Матери, Луне и Восходящему Солнцу, дорогу к которому он искал на Востоке, человек-индивидуалист отказался от Матери в пользу Небесного Отца, от Луны — в пользу Солнца, причем уже не Восходящего, а Зенитного, уходящего на закат, — потому-то бессмертие и рай он мечтал обрести на западе.

Это и стало причиной разделения двух ветвей великого народа, прозревавших в своем стремлении обрести бессмертие одновременно, но в путь за тем самым бессмертием отправившихся поочередно. Еще почитавшие великую дуалистическую богиню Адити-Дити арии пошли навстречу солнцу — на Восток; уже разочаровавшиеся в Великой Матери, их соплеменники — следующая волна — из Средней Азии повернули на запад.

Столь откровенный разрыв между детьми в пользу одного из родителей не мог не привести к конфликту между ними — скорее всего, неосознанному, но прорывающемуся сквозь бессознательное. Ярые почитатели Отца не могли простить своим собратьям их откровенного предпочтения Великой Богини, те же не могли принять отказ от Матери в пользу Небесного Бога.

Сердечное согласие было нарушено, и с той поры арии запада и востока будут относиться друг к другу если уж не с враждой, то с очевидной неприязнью, что с веками будет только усиливаться.

Ну а куда первая волна ариев вторглась на изобильные равнины Индостана. Это произошло примерно три с половиной тысячи лет назад.

Арии пришли отнюдь не на пустое место. В Северной Индии уже тысячелетие существовала весьма развитая цивилизация, названная Хараппской по населенному пункту, подле которого было найдено одно из самых значительных древних поселений.

Обнаружили ее совершенно случайно. Археолог Александр Каннингем решил раскопать Холм Мертвых, на языке урду — Мохенджо-Даро, где местные жители находили множество неведомо откуда взявшихся костей и осколки кухонной утвари. И вдруг обнаружил остатки некоего селения. Далее позволю процитировать собственную персону. Итак, о впечатлении

сэра Каннингема по поводу обнаруженного селения в книге «Шаманы, маги и колдуны»: «И не столь уж примитивного, как могло показаться цивилизованному джентльмену, и весьма древнего, процветавшего, видимо, в те времена, когда англичане обезьянами прыгали по баобабам вдоль берега Темзы. Нашего колониалиста поразили два обстоятельства — изящные резные печати со странными знаками да еще наличие общественных сортиров, о необходимости которых цивилизаторы из Сити только начинали догадываться».

Хараппская цивилизация охватывала практически всю Северную Индию — 1600 километров с запада на восток и 1250 с севера на юг. К настоящему времени найдено около тысячи поселений, в том числе городов со 100-тысячным населением. Названий этих городов и деревушек история, конечно же, не сохранила, поэтому им присваивали имена с легкой руки местных обитателей или по близлежащим селениям.

Большинство селений располагались в руслах Инда и пяти впадающих в него притоков, восточная граница Хараппской цивилизации достигала истоков Ганга. Если исходить из размеров освоенной территории, она превосходила древнейшие цивилизации Египта и Месопотамии, да и по уровню культуры мало в чем им уступала. Уже в середине III тысячелетия до н. э. хараппцы были искусны во многих ремеслах, в том числе в металлургии. Они были замечательными строителями и возводили на платформах правильной планировки города, нередко с массивными крепостными стенами, широкими прямыми улицами, трехэтажными домами, канализацией. Они торговали с соседями, в том числе с шумерами. У них была письменность, не очень удачную расшифровку которой предложил знаменитый — в том числе знанием множества языков — наш соотечественник Юрий Кнорозов; у них существовали оригинальные религиозные культы, о которых мы, к сожалению, знаем немного — предполагают, что обитатели Хараппы почитали Шиву, Кришну, Куберу, — но даже на основе этого немногого мы вправе предположить, что уровень сакрального менталитета хараппцев был ничуть не ниже, чем у шумеров и египтян.

Одним словом, это была могучая цивилизация, и ариям, даже если допустить их военную и пассионарную мощь, было

бы не просто совладать с многочисленным, располагающим укрепленными городами населением. Но никаких жертв и не потребовалось, хотя ариям долгое время ставили в вину гибель блестящих Хараппы и Мохенджо-Даро. Эти города пали раньше появления пришельцев с севера, и причина их гибели неведома, хотя любители невероятного пытаются представить ее едва ли не следствием ядерного удара, рассказывая басни про оплавленные камни. Однако басни редко выходят даже на уровень гипотез.

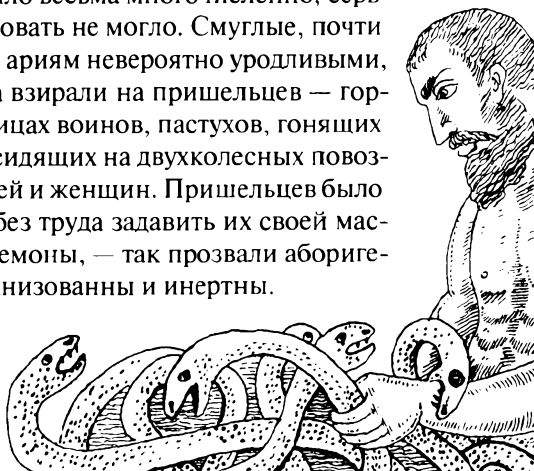

Нет, причина гибели Хараппы была естественна, она укладывается в общую картину взлета и падения этносов. Быть может, она была каким-то образом связана с изменением климата. Так или иначе, но уже в XIX веке до н. э. цветущие города Северной Индии начали приходить в упадок, а спустя еще два-три столетия и вовсе прекратили существование.

Ряд исследователей все же считают, что арии «приложили руку» к уничтожению хараппской культуры на самом последнем этапе ее существования, — они учитывают, что зафиксированы более ранние вторжения воинственных племен с запада в этот и сопредельные регионы. И в самом деле, около 3000 лет до н. э. неизвестные агрессоры прошли огнем и мечом Белуджистан, обратив в прах около двух тысяч селений. Цветущая культура, существовавшая здесь, исчезла в одночасье, уступив место примитивной. Так что арии в принципе могли стать могильщиками Хараппы и Мохенджо-Даро, хотя я придерживаюсь той точки зрения, что хараппская культура деградировала и рассыпалась до их появления.

Арии пришли, можно сказать, «на готовенькое». Страна, которую они после долгих невзгод достигли, отличалась плодородием, а население ее, хотя и было весьма многочисленно, серьезного сопротивления организовать не могло. Смуглые, почти чернокожие люди, казавшиеся ариям невероятно уродливыми, вероятно, не без любопытства взирали на пришельцев — гордо возвышающихся на колесницах воинов, пастухов, гонящих стада отошальных в пути коров, сидящих на двухколесных повозках, запряженных быками, детей и женщин. Пришельцев было немного, и аборигены могли без труда задавить их своей массой, но дасья — разбойники, демоны, — так прозвали аборигенов переселенцы, были неорганизованны и инертны.

Небольшое племя ариев — а они шли именно небольшими племенами, именовавшимися «грама» (отряд), — без особого труда подчиняло себе область, поработая дасья либо изгоняя их. Не сказать, чтобы арии ненавидели аборигенов; скорее, они презирали их — за трусость, за пассивность, за неспособность организовать отпор. Ведь если дасья и пытались противостоять завоевателям, то собирали для этого целые армии, которые, несмотря на свою бесчисленность, терпели поражения от дружин ариев, пугавших врага уже одной своей тактикой — наступлением колесниц и меткой стрельбой из луков, а в рукопашной схватке, если, конечно, до нее доходило, умело орудовавших тяжелыми топорами, молотами, мечами, а то и ваджрами.

Потому-то арии и презирали дасья, сохранив в своих преданиях память лишь о немногих отважных неприятельских вождях; потому-то они брезгливо именовали своих слабых врагов, отмечая их физические черты и жизненные устои, темными и короткорукими, безносыми и косматыми, безбожными и беззаконными; потому-то они смогли обратить дасья в низший сорт людей — слуг-шудр.

В короткий с точки зрения истории срок — не более сотни лет — арии заняли огромные территории, обосновавшись в Пенджабе (Кабул, Инд и пять его притоков) и не прекращая продвижения на восток и юг.

Завоеватели принесли с собой обычаи, непривычные для аборигенов. Будучи этносом пассионарным, одаренным духовно, в культурно-потребительском отношении — что является показателем развития цивилизации — арии порядком уступали аборигенам.

Если дасья уже давно и успешно занимались земледелием, получая высокие урожаи, арии более полагались на скот — на быков и коней, нежели на земледельческий труд. Нет, они знали, как выращивать ячмень, но потребовалось время — и немало времени, — чтобы земля, возделанная арием, дала жатву, столь же благодатную, как и у дасья. Овощей же арии почти не выращивали и потому в жизни своей полагались не на Мать-Парвати, а на Отца-Пушана, покровителя стад. Именно матушки-коровы, эти многообильные облака — в «Ригведе» коровы олицетворяемы дождевыми облаками, — давали ариям

большую часть пищи: молоко, простоквашу, масло. Мясо было редкостью, потому что коров, их почитая, забивали редко, других животных почти не разводили, а охота была нерегулярной; растительная пища: ячменная лепешка или каша, овощи и фрукты — была скорее лакомством, нежели привычным блюдом.

В ремесле арии также преуспели лишь отчасти. Они умели делать превосходные колесницы, маневренные и легкие, достойные похвального слова.

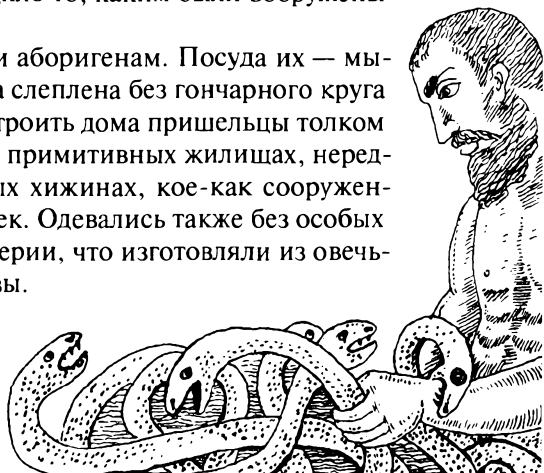
От неба и от земли взята сила (ее),
 От лесных деревьев принесена (ее) мощь.
 Силу вод, принесенную коровами,
 Дубину грома Индры — колесницу почти жертвой!

Ригведа, VI, 42, 27

В случае необходимости колесница легко разбиралась, соответственно ее легко было и починить. Колесница была не просто средством передвижения, но и гарантом военных успехов ариев. Нет, она не применялась в качестве тарана для прорыва неприятельского строя, как у персов эпохи Дария Кодомана; воины использовали колесницу как средство стремительного маневра, сближаясь с врагом и поражая его из луков, а в случае необходимости стремительно отступая. Пожалуй, колесница являлась высшим достижением арийской техники — оттого труд плотника, специалиста по изготовлению колесниц, ценился много выше, чем труд любого другого ремесленника, исключая разве что кузнеца, ибо в хорошем оружии арии также нуждались, а оно, если учесть победоносность пришельцев, превосходило то, каким были вооружены дасья.

В остальном арии уступали аборигенам. Посуда их — мышино-серая с узорами — была слеплена без гончарного круга и качеством не отличалась. Строить дома пришельцы толком не умели и потому селились в примитивных жилищах, нередко в шалашах или неказистых хижинах, кое-как сооруженных из камней старых построек. Одевались также без особых изысков: одежду шили из материи, что изготовляли из овечьей шерсти и волокнистой травы.

Общество ариев уже было неоднородно. Хотя все члены рода номинально все еще считались равными, но некоторые были «равнее» других. Все большую власть забирала жреческая каста — брахманы, которые постепенно оттеснили на второй план вдохновенных певцов-риши, что получали откровения под воздействием божественного сомы. Брахманы полностью присвоили себе функции общения с богами, и прежде всего принесения жертв. Лишь они сохранили секрет изначального сомы, чем и кичились пред соплеменниками.

Не меньшей властью и почетом пользовались ратайштары — воины, управлявшие колесницами и решавшие исход битв. Эти воины, составлявшие дружины вождей, в скором будущем превратятся в привилегированную касту кшатриев.

Ну и на последний план все более отходили простые общинники вайшья (человек из рода), чья роль с течением времени свелась лишь к добыванию пищи для обеспечивающих общение с богами брахманов и для побеждающих врагов кшатриев.

Ученые не могут даже примерно определить, сколько арийских племен вторглось в Северную Индию. Известны лишь несколько наименований — думается, лишь незначительная часть из общего; но при этом не вызывает сомнений, что в целом племена ариев были немногочисленны, недаром упомянутая выше грама означает как племя и военный отряд, так и деревню. То есть численность племени равнялась численности жителей одной деревни и достигала в лучшем случае нескольких тысяч, а то и сот человек, которые, занимая территорию, далеко не всегда оседали на ней, а продолжали вести полукочевой образ жизни, неспешными ручейками растекаясь все дальше на восток — от благословенного Инда к Сарасвати, которой суждено было стать священной рекой ариев и дать имя богине-покровительнице.

Прошло немало лет с тех пор, как первые индоевропейцы покинули древнюю родину, дабы отправиться в долгий — временем и пространствами — путь по бескрайним просторам Евразии. В этот путь они отправлялись, осеняемые лунным светом Великой Матери, но год от года все более отстранялись от ее груди, передоверяя судьбу Небесному Отцу. Они уже отреклись от своей древней веры, что устанавливала связь чело-

века с миром, и пытались миром верховодить, уповая на силу магического заклинания: если Мать уговаривала договориться, Отец же настаивал заставить!

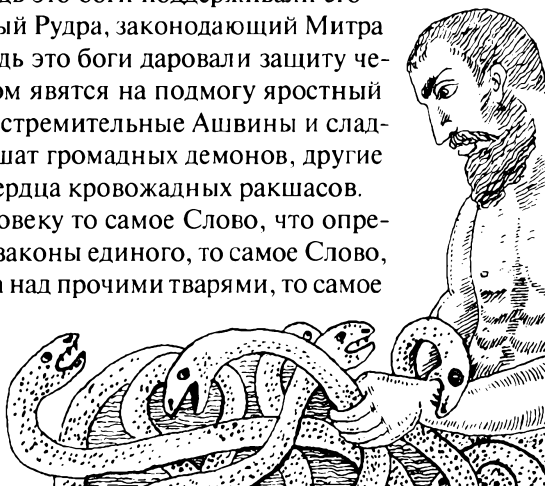
На смену шаманизму пришла магия. Древнейшие шаманские гимны «Ригведы» потеснились сначала гимнами «Самаведы», а потом и заклинаниями «Яджурведы», призванными волей человека принудить богов исполнить его, человека, веления.

А боги ариев были причудливы, как был причудлив и осеняемый ими мир. То были древние боги, отпочковавшиеся от общего индоевропейского древа. Изначальным божеством, вне сомнения, была Великая Мать, Ужасная Богиня, Мать вешей, но в силу специфичности условий, в которых формировался арийский этнос, а именно: постоянная готовность к вооруженному конфликту с другими племенами, трудности переходов и смена ландшафтов в ходе миграций, — стремительно возрастала роль мужчин, что способствовало ускоренному становлению культов мужских божеств, постепенно, но неуклонно отнимающих власть у Богини-Матери. К моменту вступления в Среднюю Азию арии обладали уже вполне сформированным пантеоном, главную роль в котором играли мужские божества, а от бывшего влияния Великой Матери и ее ипостасей остались лишь слабые воспоминания.

Своих богов арии именовали асурами — обладающими жизненной силой или светозарными. Арии истоиво их почитали. В их честь певцы-риши слагали гимны, брахманы читали, к ним обращаясь, мантры, хотары возливали сладкую сому.

Богов было за что любить. Ведь это боги создали мир — далекий Дьяус и темный Варуна, мастеровитый Тваштар и всеобъемлющий Праджапати. Ведь это боги поддерживали его — обильный Пушан и мстительный Рудра, законодатель Митра и солнцелюбивый Савитар. Ведь это боги даровали защиту человеку. Воскликни им — и разом явятся на подмогу яростный Агни и буйносердный Индра, стремительные Ашвины и сладкоголосый Сома. Одни сокрушат громадных демонов, другие направят оружие человека в сердца кровожадных ракшасов.

Ведь это боги даровали человеку то самое Слово, что определяет разум единственного и законы единого, то самое Слово, что определяет власть человека над прочими тварями, то самое

Слово, что было в начале всего. Недаром арии даже обожествили Слово, вложив его в прекрасные уста богини речи Вач.

В общем, ариям повезло с ними. И богам повезло с ариями. Боги правили ярким, искусным, отважным народом, народ, в свою очередь, имел прекрасных, буйносердных, характерных богов. Столь характерных, что этому свойству позавидовали бы сами владыки Олимпа. Да, грозен могучий муж Зевс, да, прекрасен хладноликий Аполлон, да, яростен кровожадный Арей, да, искусен хромоногий Гефест. Но разве уступит Зевсу громаднобрюхий гуляка и беспощадный Индра! Но разве уступит Аполлону златорукий Савитар! Но разве уступит Арею стремительный Рудра! И разве не страннее Гефеста уродец Кубера! Ну нет! Боги ариев ничуть не менее человечны. Яркие, на зависть щедрые боги! Боги, достойные людей, ими рожденных... Боги, достойные людей, их породивших...

Первым небесный престол занял Варуна, столь же загадочный, что и Уран эллинов. Варуна заложил основы всего. Он «разбил» Землю, «протянул» воздух, вложил волю и вдохновение, разместил по своим местам солнце и сому. Но Варуна не только родитель, но и охранитель, покрывающий творение, определяющий его в рамках Закона, Варуна еще и питатель, одариватель жизненной силой: корень «ври», от коего производится слово «Варуна», значит — покрывать, сдерживать, охранять, питать, охватывать, одаривать. Своей беспощадной петлей или сетью Варуна опутывает творение, придавая ему форму, меняя формы могучей силой майя.

Таинственная сила майя обличает Варуну как колдуна, шамана, Ужасного Владыку. Варуна, этот «поэт небес», связан с магией и тайным знанием. Облаченный в темные одежды, со скрытым изменчивой тенью ликом, он является ночью, едва различимый в свете луны, таинственный как Один или Ахура-Мазда, но даже еще более таинственный. Он — тайная ипостась Великой Матери, именем которой правит. Он, подобно славянскому Перуну, — бог варана, магического заклания, дающего силу оружию. Он свиреп и неукротим, словно испивший чистого сому, он поэтично неуправим во всем — в деле, в слове, в мысли. Он не объемлет собою все, но про все, как и подобает шаману, ведает. Ни один волос не может упасть

без ведома этого нелепого с виду толстяка на гусе, каким представляли его индуисты.

Варуна — ужасный бог! Сами боги дрожат от его неистовства. Грозен и могуч великий бог. Могуч и грозен. Особенно грозен!

Варуна — губитель, он воплощает мрачные и опасные для людей стороны полубожественной, полудемонической власти, он коварен и связан с силами тьмы. Но вместе с тем Варуна покровительствует людям, защищает их от болезней и смерти, отвращает происки врагов, дарует долгую жизнь. Благой бог Варуна! Станный бог...

Могучий и грозный Варуна долго правил сотворенным им миром, покуда его не сверг яростный Индра. Он вырос внезапно, поднявшись из-за широченной спины Варуны. То был типичный предводитель дружины, до поры до времени уступавший во власти повелевавшему мирами шаману. И если Одину удалось при помощи верных эйнхериев отстоять престол от возможных посягательств Тора, впрочем, слишком недалекого, чтобы претендовать на тот самый престол, то Индра одолел Варуну.

Индра — несомненно, самый яркий бог ариев. Индра виделся ариям могучим здоровяком с необъятным брюхом, бычьей шеей и необоримыми руками. Голос у Индры — грохочущ, губы — чувственны, усы, борода и волосы — золотисты. Золото — любимый цвет Индры. Его постоянно именуют златобрадым, златовласым, златогубым.

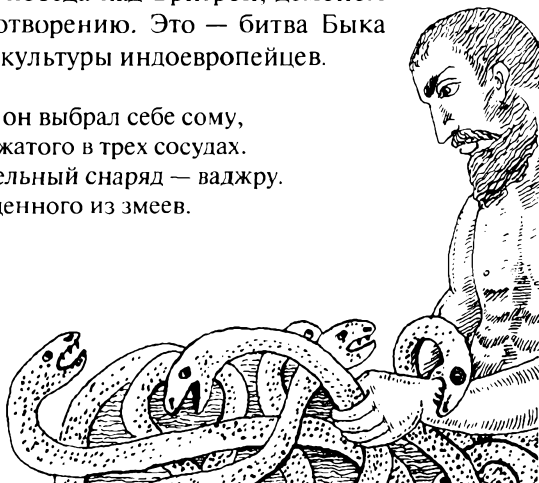

Индра — бог-силач, все сокрушающий, все производящий; недаром его постоянно сравнивают с быком, этим символом мощи для ария.

Главный подвиг Индры — победа над Вритрой, демоном Хаоса, препятствовавшим Сотворению. Это — битва Быка и Змея, традиционный мотив культуры индоевропейцев.

Разъяренный, как бык, он выбрал себе сому,
Он напился (сомы), выжатого в трех сосудах.
Щедрый схватил метательный снаряд — ваджру.
Он убил его, прворожденного из змеев.

Атхарваведа, II, 5, 7

Победа над Вритрой даровала Индре власть по праву сильного: это в традиции героического менталитета — бог или царь получает власть после подвига. Все смущены силой объявившегося героя, и боги вручают лихому вояке царский венец.

Индра получает власть — власть абсолютную — царя, жреца, устроителя. Как бог-установитель Закона и бог Закона Индра схож с Мардуком и в меньшей мере — через галлюциногенный напиток и способность к оборотничеству — Индра подобен Одину; у него есть определенное сходство и с Зевсом, а также с Аполлоном, погубителем Пифона. В глазах ария Индра, как никто другой, олицетворяет плодородие, воинственность, оптимизм, присущие вторгнувшимся в Пенджаб пришельцам. С его громадным животом и неистощимой похотью, буйным нравом, хмельным разгулом Индра люб арию. Только такой, добрый — добрый в смысле избытка щедрости — бог мог сотворить добрый же мир.

Индра — главный защитник мира. Вечно и неусыпно стоит он на страже основ мира, сокрушая врагов, помогая праведникам. Никто из богов не победил столько недругов — всех мастей демонов, никто не водил ариев в такое множество победоносных походов на дасья; недаром Индра заслужил почетное прозвище «разрушитель крепостей».

Власть Индры осмеливается оспаривать один-единственный бог — Агни. В «Ригведе» ему посвящено без малого двести гимнов, чуть меньше, чем Индре, но зато каждая мандала «Ригведы» открывается гимном Агни, и лишь потом следует мантра в честь Индры.

Агни многолик и во многом неопределен. Арии представляли Агни многоглазым, огненноволосым, с бурой бородой, с острым подбородком, с острыми блестящими золотыми зубами, яростно ревушим.

Агни устанавливает свет, разгоняет мрак. Агни питает огненной силой солнце, приходящее к нему по всерам.

Но солнце — лишь один аспект Агни, который вообще виделся ариям в трех ипостасях, рождаемый на небе, на земле и в воде, имеющий три жизни, три силы, три головы, три языка.

Еще Агни — беспощадный пожар, еще — крохотный огонек, еще — жертвенный огонь. Последнее особенно было важ-

но для почитателей Агни, ибо лишь благодаря живительному медовоокому огню арий доносил до богов благодарственную, умилоствительную жертву.

Агни привлекал людей как наиболее наглядное воплощение бессмертия, вечности — умирания и воскрешения, причем вечности вполне земной и бессмертия осязаемого в отличие от бессмертия солнца, вод или эфира. Эфир неосязаем, солнечный лик непостижим, глубина вод — недоступна. Агни же и постигаем, и достижим, и доступен. Вот он — пылающий на ладони огненный язычок, готовый вмиг обратиться в ревущее, словно яростный бык, пламя.

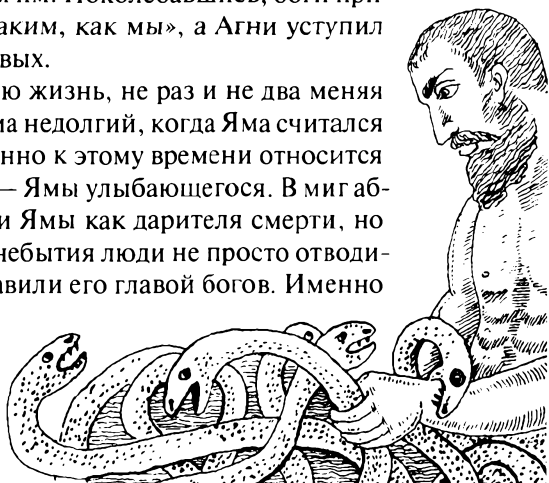
Пламеннозубый, поднятый ветром в лесу,
Он разносится ветром, как мчится победоносный бык в стаде,
Вторгаясь всей своей массой в нерушимое пространство.
Что неподвижно, что движется — (все) боится (его, даже) птицы.

Ригведа, I, 58, 5

Еще арии почитали Яму — бога из людей, что первым познал смерть и сделался повелителем царства мертвых. Жил да был в городе иль на селе славный человек по имени Яма, подобно прочим своим собратьям не подозревавший о смерти. Жил как все — не лучше, не хуже. Да вот угораздило его первым познать ужас смерти и умереть. Но Яма был парнем отчаянным. Он вступил в борьбу с богами, не желая признавать свое личное небытие. О перипетиях этой борьбы нам неизвестно — можно сказать лишь одно: Яма оказался достойным противником. Он был первым из людей, кто не только открыл путь смерти, но и убедил небожителей, что человек, сильный сердцем, достоин быть равным им. Поколебавшись, боги признали за Ямой право быть «таким, как мы», а Агни уступил Яме власть над царством мертвых.

Как бог, Яма прожил долгую жизнь, не раз и не два меняя обличья и сути. Был миг, весьма недолгий, когда Яма считался благостнейшим из богов. Именно к этому времени относится появление доброго лица Ямы — Ямы улыбающегося. В миг абсолютизации смерти, а с ней и Ямы как дарителя смерти, но и как спасителя, отвратителя небытия люди не просто отводили Яме место на небе, но и ставили его главой богов. Именно

в это время начинают отходить на второй план могучие Индра и Агни. Когда же надежда на возвращение из мертвых стала исчезать, возник Яма-погубитель, грозный судья, карающий палач. Облаченный в красные одежды, он восседает на гигантском черном буйволе, в одной его руке жезл данда, в другой — петля, с помощью которой Яма вынимает душу из тела, после чего опутывает тело смертельными нитями окостенения. На ослушника у Ямы имеется грозное оружие — дубинка; владыку царства мертвых всюду сопровождают два ужасных пса Шарбара, «четыреглазых, пятнистых... с широкими ноздрями, рыжеватых».

Этот Яма живет в нижнем мире в городе Ямапуре, путь к которому преграждает кровавая река Вайтарани; преодолеть ее может лишь душа, ведомая короной, что была подарена умирающим жрецу. Яма, неласковый, суровый, пугающий, встречает прибывших в своем прекрасном золотом дворце.

Еще арии почитали Сому, бога священного, дарующего прозрение, а также солнечных богов Савитара, Сурью и Митру, небесных богов Дьяуса и Ашвинов, бога грозы, губителя Рудру, бога-тучу Парджанью, богов ветра Ваю и Вату, бога молитвы, что с семью устами, семью лучами и ста крыльями, Брихаспати, бога-ремесленника Тваштара, бога богатства пузатого Куберу и многих других. Фантазия их была неистощима и изощренна.

Пантеон богов ариев расширялся по мере того, как они шли на восток — от величественного Инда до полноводного Ганга — и покоряли новые племена. При этом старые боги не оставались неизменными. Арийские боги имели сильную склонность к приобретению новых способностей, к взаимозаменяемости, которая с легкостью позволяла одному богу принимать имя и функции другого: Индра брал многое, если не все, от Варуны, Сома — от Индры... Кроме того, боги поочередно возносились над прочими собратьями.

Изменялся и культ, связанный с жертвоприношением сомы. Сначала возрастает роль провидцев-риши, считавших себя причастными к миру богов, поскольку они изливали откровения, снисходившие свыше. Но если риши-шаманы полагали, что приоритет на откровение гарантирует им власть над людьми, здесь они здорово просчитались. Человек — су-

щество приземленное, и он жаждал благ, которых риши дать ему не могли. Риши твердили о заоблачных далях, о чудных видениях, о сладости непознанных миров. Простому же человеку требовались быстрый конь и сытная пища, молодая женщина и дорогие одежды. Он алкал бессмертия, ибо боялся смерти или, по крайней мере, долголетия, на расстоянии вытянутой руки десятилетий кажущееся бессмертием. Не так уж много, собственно говоря, и хотел этот человек. Но обрести все это можно было лишь по воле богов.

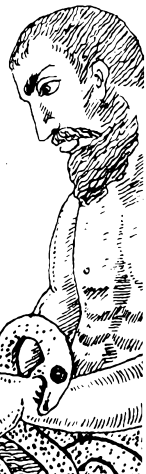

Вот тут-то и появились брахманы. Нет, конечно же, они существовали давно, столь давно, сколь человек чтил жертвами своих богов. Но роль их была, пожалуй, меньшей, чем роль риши. Но брахманы постепенно, с точки зрения истории быстро — за несколько столетий, — поняли, какую выгоду может извлечь приносящий жертвы, если объявит себя посредником между богами и людьми.

Как и большинство древних народов, арии строили свои отношения с богами по принципу — если ты дашь мне, я дам тебе; если ты наградишь меня, я награжу тебя. Бог получал свое подношение лишь при обязательстве облагодетельствования человека; но и человек мог рассчитывать на покровительство бога лишь при условии, что тот получит соответствующее подношение. Взаимоотношения, у большинства народов рано принявшие форму безгарантированного убогаторения божества, у ариев парадоксально привели к обратному эффекту: возникло представление о том, что жертвователю подчиняет себе богов и становится всемогущим. Но право жертвовать напрямую получили далеко не все, эту функцию присвоили себе жрецы-брахманы, объявившие себя единственными посредниками в отношениях с богами, и соответственно жрецы стали выше богов — они превратились в земных божеств, много более могущественных, чем божества высшие.

По мере продвижения ариев в заросшие джунглями дебри Индостана в их сердца приходил страх. Новый мир был неведом, а утратив связь с ним, человек утратил способность исследовать его; поэтому неведомый мир обратился в таинственный, полный враждебных духов и не слишком-то благосклонных богов. В подобном мире отпала нужда в шамане-риши, изрекающем откровения, но зато стал властен маг,

разговаривающий с духами. Маг читал заклинания, отгоняющие злобных демонов, а дабы никто, кроме него, не мог властвовать над заклинанием, маг облакал его в форму магической мантры, понятную лишь ему или другому жрецу.

Так возникла «Яджурведа» — сборник жертвенных формул-яджусов, дарующих власть над богами произносящему их; теперь ставка в борьбе за власть делалась не на веру, а на заклинание. Дух чудесной ведической религии отходит на задний план, уступая главенство внешней форме. Жрец становится распределителем божественной милости, господином всего. Лишь от его умения прочесть заклинание зависит милость бога, лишь через его умение жертвователю способен обрести могущество. Дай брахману стадо быков — и он сделает тебя властнее Агни; дай ему коней — и станешь могущественнее Индры; подари жену и дом — и обретешь бессмертие. Вот это власть! Сами боги служат жрецам!

Арии не сумели пережить испытание райским изобилием Индии. Они вошли в благословенное Семиречье уверенными в себе варварами. Небольшие племена, скорее даже кланы во главе с вождями-раджами крушили стократно многочисленных врагов. Куру, бхараты, яду, тритсу, криви — предания донесли немного имен кланов пришельцев — подчинили весь запад Северной Индии и неторопливыми ручейками продвинулись на восток и на юг. Арии презирали аборигенов, считая их уродливыми и трусливыми, но при этом проявляли редкое для тех давних времен благородство, щадя раненых и пленных, калек и земледельцев и уж тем более детей и женщин. К XII веку до н. э. арии достигли Восточного Пенджаба. Но постепенно пассионарность их иссякала. И наверно, неправильно считать повинными в этом, как и в гибели солнечной ведийской религии, жадных брахманов.

Как известно, арии исповедовали культ сомы. Благословенная земля Индостана нанесла смертельный удар этому культу. Беда заключалась в том, что здесь не росла или почти не росла благословенная сома. Уже «Ригведа» разрешает заменители: путику, арджунани, ячмень и пр. Появляется профаническая сома, и владеющие тайной истинного зелья брахманы высокомерно заявляют:

Мнят себя отведавшими Сомы,
 Когда растолкут растение,
 Сому, что знает брахман,
 Его не вкушает никто.

Ригведа, X, 85, 3

Лишившись «допинга», арии начинают искать заменители и приходят к алкоголю — браге, меловухе, вину, молочному самогону араке — напиткам, презрительно именуемым сурой, зельем непосвященных. Сома становится принадлежностью исключительно богов, постепенно отождествляясь с амритой. Даже не все боги допущены к питию чудесного нектара. Певцы в поисках откровения все чаще начинают прибегать к араке; возникает даже слово «арка» — молитва, гимн, певец. В конечном счете араку начинают именовать сомой, а сура воспринимается как сок растения сомы, глагол «су» приобретает значение «выжимать».

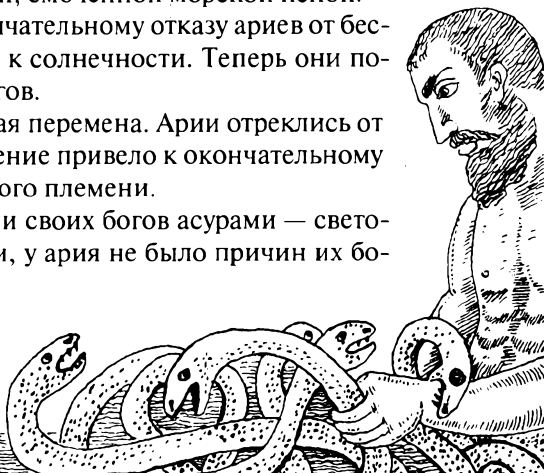
О постепенном возрастании значения суры свидетельствует миф о том, как демон-асур Намучи подло опоил, добавив в сому, этим профаническим напитком Индру, лишив того сакральной силы, которую давал сома. Намучи, к слову, был демоном убывающей Луны, то есть перехода Луны в Солнце, символом превращения соматического человека в человека цивилизованного. Индра сумел вернуть силу с помощью Ашвинов, исцеливших его от отравы, после чего отомстил недругу. Прежде, побратавшись, Индра и Намучи дали друг другу клятву не причинять вреда ни ночью, ни днем, ни сухим, ни мокрым оружием. Индра ловко обошел свое обещание, сразив демона в сумерках ваджрой, смоченной морской пеной.

Утрата сомы привела к окончательному отказу ариев от бессмертия Луны, от лунности — к солнечности. Теперь они почитали Солнце и солнечных богов.

Но это была не единственная перемена. Арии отреклись от собственных богов. Это отречение привело к окончательному расколу великого индоиранского племени.

Изначально арии именовали своих богов асурами — светозарными. То были благие боги, у ария не было причин их бо-

яться. Напротив, благостнейшим из признаков бога считалось «асурское достоинство». Савитара почтительно звали златоруким асурой, Индру и Варуну восхваляли за «асурское господство». Но вдруг в сознании ариев произошел перелом, причину которого восстановить невозможно, а суть его заключалась в том, что многие боги-асуры вдруг пожелали отречься от своего «асурского достоинства» и стали зваться даэва — боги.

Это событие четко зафиксировано в цикле мифов о борьбе за власть Индры и Варуны. Еще недавно сам асура, Индра оправдывает свержение Варуны, своего соперника, принадлежностью к асурам.

Индра же уже отрекся от асурского имени, отказался от имени солнечного, светозарного, от звания любителя сомы. Он объявляет себя сурой и ставит себя выше асуры. Он призывает Варуну отречься от своего имени и прийти под его руку. Но Варуна колеблется, как колеблются и другие могущественные боги — Агни и Сома. Происходит разрыв богов на «правящую династию» и «оппозицию».

Сура — противоположность асуры. Асура — это бог-шаман, бог-владыка майя, той мудрости, «что знают асуры», живая часть живого, не оторвавшаяся от природы. Сура, то есть «сильный», — бог-правитель, бог цивилизованного общества, бог, отрекшийся от шаманства. Асура охмелял себя сомой, сура — брагой и вином, а позднее и пальмовой водкой тодди и бетелем, поддерживая бессмертие недоступной пониманию амритой.

Итак, в период «Яджурведы» (X–VIII века до н. э.) бог-провидец уступает богу-правителю. Начинается соперничество двух кланов богов. Даэва, боги организованного, цивилизованного мира, объявили отказавшихся изменить древним обычаям асуров своими врагами. Примерно то же приключилось у греков, где олимпийцы, боги цивилизации, восстали против титанов, властителей архаичного Золотого века. Когда Индра поднял ваджру против Варуны, прочие боги колебались, но недолго. Скоро Агни именуется себя, подобно Индре, Асурханом, убийцей асуров. Главой отверженных был провозглашен Варуна, для обитания асурам назначили запад — сторону, где засыпает Солнце, сторону, откуда пришли арии и где был утрачен рай. Раз в год, в его начале, асуры — не демоны,

не титаны, а непокорные новой власти, отказывающиеся отречься от древней мудрости боги — во главе с Варуной идут на встречу Солнцу и вступают в битву за власть с победоносными даэва. И терпят поражение. Вновь и вновь. И уходят, и вновь возвращаются. И так всегда, и так вечно, ибо время покуда циклично, ибо невозможен мир без борьбы, устанавливающей зыбкое равновесие между бытием и небытием. И все уродливой со временем облик асуров. Они уже несуразные титаны, змееподобные чудовища, а их чудесная сила майя, их древняя мудрость — отныне злобное колдовство, преступное в цивилизованном мире.

Таким образом, осевшие в Индии арии, предав своих старых богов, невольно предали своих соплеменников, что шли вслед за ними.

Глава 8

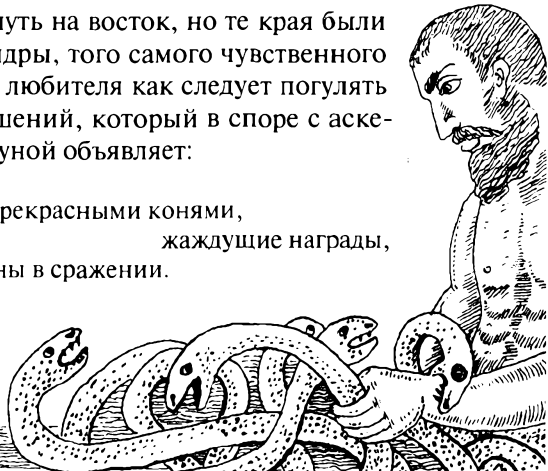
Рыцари степей

Покуда первая волна ариев стремительно терялась в дебрях Индостана, вторая, уже враждебная к прежним собратьям, вынуждена была избрать иной путь. Гостеприимные прежде степи и оазисы среднеазиатского Двуречья вдруг сделались непривлекательными. Причиной тому было стремительное изменение климата, становившегося все более сухим и жарким. Но с этим еще можно было смириться, однако с севера подступала третья волна мигрантов, по-варварски жадная до добычи, приключений и счастливых земель, теснявшая предшественников.

Куда? Можно было повернуть на восток, но те края были уже заняты почитателями Индры, того самого чувственного и бесцеремонного здоровяка, любителя как следует погулять и потому требующего подношений, который в споре с аскетичным держателем мира Варуной объявляет:

Меня призывают мужи с прекрасными конями,
жаждущие награды,
Меня — когда они окружены в сражении.

Я устраиваю состязание, я щедрый Индра.
Обладая превосходящей силой, я вздымаю пыль.

Ригведа, IV, 42, 5

Поманенные большими соблазнами, арии первой волны принялись возводить на небесные престолы новых богов, отвечавших новым вкусам и потребностям. Идущие следом за ними сохранили почитание Матери, и предательство собратьев было им ненавистным. И они пошли на запад; оставленные ими земли заняли племена, готовые к новым захватам, — спустя века они будут сотрясать устои могущественнейших держав.

Преодолевая горные хребты, западные арии неспешными потоками струились на плато, которое впоследствии получит прозвание Иранское. Это была не самая благодатная в мире земля, по большей степени неплодородная, но долины вдоль рек при должном отношении человека давали отменные урожаи. Здесь были степи и луга для выпаса скота, а горы изобиловали металлами: медью, серебром и золотом, а также железом, с которым арии научились обращаться раньше многих других народов.

Новая земля была защищена от стремительных вторжений завистливых соседей горными хребтами и находилась на пересечении караванных путей — а торговля во все времена занятие выгоднейшее. Правда, здесь проживали весьма могущественные племена, но пришельцы намеревались с ними как-нибудь ужиться.

Миграции ранней древности любопытны тем, что даже бесчисленным лингвистам и семиотикам за многие десятилетия так и не удалось определить языковую принадлежность доброй трети народов, путешествовавших в ту давнюю эпоху. К кому только не относили прашумеров — от басков до чукчей; не все ладно оказалось и с древнейшими обитателями Средиземноморья. Вот и касситы, пришедшие на Иранское плато, упорно отказываются раскрыть тайну своей прародинны. Кто считает их индоевропейцами, кто семитами. В историю они вошли тем, что умело использовали военную силу — колесницы и сумели благодаря этому завоевать богатейшую страну Азии.

Еще могущественнее касситов был Элам, который и положил конец их власти. Эламиты, оказавшиеся на задворках Передней Азии, победоносно воевали даже против грозной Ассирии, вывозя с разоренных земель богатые трофеи. Так, царь Шутрух-Наххунте утащил из Сиппара стелу с законами Хаммурапи — первым из дошедших до нас юридических кодексов. Элам процветал без малого полтора тысячелетия и был еще достаточно силен, когда его соседями сделались беспокойные арии.

Ну а далее, к западу, за горы Загроса соваться не стоило, ибо там были бесчисленная своим населением Вавилония да кроважная Ассирия, заполнявшая захваченные территории шенгами насаженных на кол пленников. Иногда, правда, проявляя милосердие: сохраняя пленникам жизнь и «всего лишь» их ослепляя — зато многими тысячами, как это сделал Салманасар под порядковым номером Первый.

Порядком доставалось и осевшим на нагорье ариям, которые к тому времени, вытеснив большую часть местных народов и племен, заняли здешние земли — где плодородные, а где и не очень.

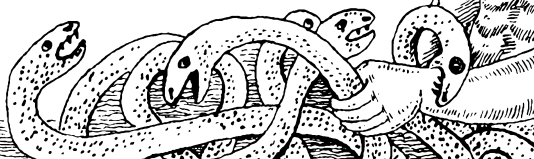

Самые прыткие, мидийские арии продвинулись далее прочь — за Каспий до Верхней Месопотамии. К югу от них, за Эламом, в стране, получившей название Парса, расселились персидские племена — парсуа. В предгорьях Копетдага, у юго-восточной оконечности Гирканского моря осели арии-парны. И наконец, самые припозднившиеся, называвшие себя арья — истинными ариями, обосновались по Амударье.

Но это было еще не все. В манящие своим изобилием и своими просторами земли шли новые и новые арийские племена. К северу на арьев наступали туранцы, дальние и неблагодарные родственники. Через Кавказ толпами валили киммерийцы, а дальше подступали скифы, саки, массагеты — всех не перечесть.

Но обо всем по порядку...

Первыми перед лицом тогдашнего восточно-цивилизованного, уже составлявшего клинописные анналы мира появились мидяне или мидийцы, почти тут же персы. Железнобокие ассирийские дружины разоряли их пашни уже в XI веке до н. э.

А те долгое время толком не могли ответить. И не только лишь потому, что были людьми мирными. Просто не было должной организации, против такого врага, как Ассирия, совершенно необходимой. Ибо Ассирия раскрутила последний виток имперского могущества, грома Вавилонию, Сирию, Урарту; при этом в средствах, оправдывающих цель, ассирийцы не стеснялись, применяя, когда это требовалось, тактику выжженной земли: население истреблялось, города сносились до основания, посевы выжигались, сады вырубались, каналы засыпались.

И пусть враги Ассирии время от времени поднимали голову, ничем хорошим для них это, как правило, не кончалось.

То было время великих царей: Тиглатпаласара, Саргона, знаменитой Семирамиды, дамы, к слову, в суровости к побежденным не уступавшей мужам; царь Синаххериб стер с лица земли великодержавный Вавилон, его сын огнем и мечом прошел через далекий Египет...

А что же в это время подделывали наши мигранты-арии — мидяне и персы? Одни племена пасли скот, основу благосостояния, другие, устроивши удивительные оросительные системы — через подземные каналы, — растили плоды земли. А заодно точили мечи на ассирийцев, которые, к слову, этих своих противников уважали более прочих соседей.

Однако всему свое время. Один из мидийских вождей подчинил себе прочих и возглавил союз племен. Его преемник Фравартиш уже объявил себя царем, а следующий, Хвахшатра (по Геродоту — Киаксар), довершил замыслы предшественников, которые выражались, кроме прочего, и в том, чтобы уметь вести правильные войны с конными отрядами, лучниками и тяжелой пехотой, с осадами городов и обходными маневрами.

К тому времени Ассирия уже была близка к тому, чтобы рассыпаться карточным домиком. Бесчисленные войны и жестокость по отношению к побежденным, уже в силу этой самой жестокости победителей люто ненавидевших, подорвали мощь великой восточной империи. Знаменитый собранной и раскопанной спустя тысячелетия библиотекой Ашшурбанапала стер с лица земли Сузы, по сути уничтожив как единое государство Элам, но по его смерти началась смута. Поднял го-

лову покоренный Вавилон — разрушенный ассирийцами, но ими же и вновь отстроенный. Вот с этим воистину бессмертным городом и договорился Хвахшатра.

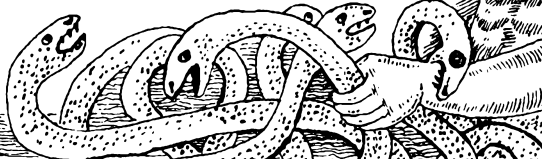
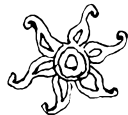
То был один из самых расчетливых царей древности, умевший вовремя заметить ослабление врагов и приобрести новых друзей. Киаксар-Хвахшатра создал регулярное войско и, заключив союз с Вавилонией — благо интересы были общие, — повел наступление на захиревшую Ассирию. Сначала это были наскоки, потом массированное, с двух сторон вторжение. Представлявшаяся несокрушимой Ассирия продержалась лишь пять лет. В 612 году до н. э. пала и была стерта с лица земли Ниневия. Последний ассирийский царь Ашшур-убаллит II, 122-й по счету, отступил с остатками своих приверженцев к северу, к Харрану, но в планы вавилонян не входило существование даже крошечной Ассирии. Вавилоняне продолжали войну до тех пор, пока не разбили этого царя с трудно произносимым именем и пришедших к нему на помощь египтян под Каркемишем, положив тем самым конец существованию Ассирии.

Потом мидяне завоевали Урарту и множество более мелких земель, заодно уговорив подчиниться и собратьев, западных персов, также воевавших с Ассирией, но больших лавров себе не снискавших. Но тут парсуа решили, что настал их час.

Судьбу Кира Великого едва ли можно признать счастливой, но вот со славой в памяти потомков ему явно повезло. Его почитали как идеального государя, а Ксенофонт даже создал на основе истории жизни Кира поучительное повествование об образцовом правителе и человеке.

Родился Кир, или, вернее, Куруш, в начале VI века до н. э. Матерью его была дочь мидийского царя Астиага, отцом перс царь Камбис I. Астиагу предсказали, что сын его дочери станет владыкой всего мира, в том числе, естественно, и Мидии — вместо него.

Не желая отдавать трон, Астиаг решает погубить младенца и приказывает своему приближенному оставить того на съедение диким зверям. Но сановник по имени Гарпаг брезгует детоубийством и передает младенца для умерщвления царскому пастуху. А у того — как нарочно! — умер новорожденный сын, и пастух решает воспитать внука Астиага как собственного ре-

бенка. Сановнику же было представлено тело младенца, и он уверился, что царское повеление исполнено в точности.

Мальш рос не по дням, а по часам и, будучи сильнее своих сверстников, нередко побивал их. Однажды он поколотил сына знатного сановника, и тот пожаловался царю на поведение его раба.

Мальчика привели для наказания к Астиагу. Тот, приметив некое внешнее родовое сходство, устроил негласное расследование, а докопавшись до истины, строго покарал Гарпага — угостил его мясом собственного, Гарпагова, сына, сверстника Кира. Однако самому Киру он ничего дурного не сделал, ибо маги, к которым Астиаг обратился с вопросом, опасен ли внук, дружно ответили, что того уже избрали царем в своих играх сверстники, так что Астиагу ничего не грозит. Царь сделал вид, что поверил, и отослал юнца к родителю-персу.

Спустя некоторое время, несколько возмужав, но в возрасте, далеком от старческого, Кир-Куруш сделался предводителем персидских племен, боронивших пашню вокруг городка Пасаргады. Союзников у него было совсем немного, но новоявленный вождь не унывал и объявил войну Астиагу. Что уж там в действительности приключилось, неведомо, но Геродот заверил своих читателей, что Киру поспособствовал Гарпаг, мягко говоря, обиженный своим властелином. Вельможа собрал партию недовольных, которая помогла Киру. Сначала Астиаг одерживал победы, но в решающий момент мидийское войско взбунтовалось и перешло на сторону Кира.

Кир, между прочим, обошелся с Астиагом вполне милостиво и, по слухам, даже назначил его сатрапом одной из провинций. А мидяне вроде бы и вовсе ничего не заметили: в любом случае молодой энергичный царь был предпочтительней выживающего из ума старика.

Получив под начало мидийское войско, Кир где силой, где убеждением вразумил племена, города и области, входившие в Мидийскую державу, после чего принялся стремительно пожирать соседей. Спротивлялись немногие, разве что приснопамятный богач царь Лидии Крез.

У Креза была лучшая в Азии конница, да и дельфийские жрецы поведали ему, что он сокрушит великое царство. Царь понял предсказание правильно и начал войну с восточным со-

седом. Ведь у него была лучшая в Азии конница и поистине бездонная казна!

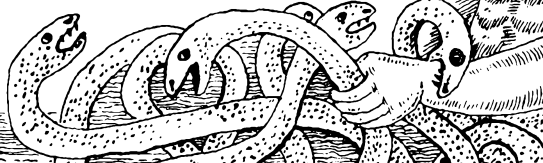
В решающей битве при Сардах Кир выставил против лучшей в Азии конницы лучников на верблюдах. Лидийские кони никогда не встречались с этими двугорбыми уродами и обратились в бегство. Крез был разбит, пленен и пощажен милосердным Киром.

Чуть дальше посопrotивлялся Вавилон, но Кир с его полководцами оказался искуснее царя Набонида, а персидские и мидийские воины — мужественней. Разбив недругов, персы отвели воду из одного из каналов и вошли в город по осушенному руслу. Если довериться пророку Даниилу, начальствующий гарнизоном принц Валтасар в это время пьянствовал и не уделил должного внимания неведомо откуда появившимся на стене словам «мене, мене...», за что и поплатился.

Следом были покорены страны, лежавшие на западе, включая притихший Египет. Затем Киру подчинился родственник, говорящий на одном языке с парсуа восток...

Ну а потом Кир совершил единственную, может быть, в жизни серьезную ошибку. Он решил захватить земли массагетов, народа, состоявшего с парсуа в дальнем родстве, кочевавшавшего совсем уж далеко — за Яксартом. Вот тут ему сильно не повезло. Массагеты впервые в письменной истории применили против неожиданных гостей тактику выжженной земли.

Царица массагетов Томирис решила измотать персов долгими переходами и приказала своим племенам отступить в глубь страны, уничтожая питьевую воду и выжигая траву. Хоть Киру и удалось навязать врагам небольшое сражение, в котором был разбит и погиб со своим отрядом сын массагетской царицы, но в целом кочевники не только сохранили свои силы, но и пополнили их новыми бойцами, подошедшими на помощь из северных кочевий. Армия Кира, напротив, постепенно теряла людей, а персидские воины — силы. Усталые персы утратили бдительность, и тогда кочевники заманили их в ловушку. Дождавшись, когда персы войдут в окруженное скалами ущелье, массагеты атаковали врагов со всех сторон. Будучи великолепными лучниками, они имели при себе большой запас стрел, какими без промаха разили сбив-

шихся в кучу персов. Завоеватели потерпели полное поражение, а сам Кир погиб. Как сообщает Геродот: «Томирис наполнила винный мех человеческой кровью и затем велела отыскать среди павших тело Кира. Когда труп Кира нашли, царица велела всунуть его голову в мех. Затем, издеваясь над покойником, она стала приговаривать: "...Как я грозила тебе, напою тебя кровью"».

Такая славная жизнь и такая нелепая смерть. А заодно новый игрок на арене племен и народов. Массагеты вошли в последнюю волну арийских и родственных им племен, переместившихся из Европы в Азию. Все племена этой волны поманила мечта об изобилии неведомых земель и благосостоянии их обитателей. Все они по мере возможности проникали на Иранское нагорье, в Среднюю Азию, а самые удачливые и в благодатную, славящуюся великолепием даров земли и цветущими ремеслами Анатолию.

Когда скифские племена сбили с насиженных мест родственных киммерийцев, те не придумали ничего лучшего, как также перебраться в Переднюю Азию. Здесь киммерийцы бесчинствовали без малого век, нападая даже и на Ассирию. Было здесь славное царство — Фригия. Киммерийцы подвергли Фригию такому погрому, от которого она уже не оправилась и в последующем только переходила из рук в руки.

Следом за киммерийцами объявились скифы, быстренько составившие конкуренцию собратьям. Скифы оказались людьми не то чтобы без совести, но с полным отсутствием логики. Сначала они помогли мидянам освободиться от владычества Ассирии, но едва те напали на утрачивавшую величие державу, обрушились на Мидию с тыла, разгромили ее и покорили.

Четверть века скифы терроризировали весь Ближний Восток, хотя воинственными ордами во все края. Они перебили киммерийцев, опустошали пограничные области Ассирии и Урарту, измывались над покоренными мидянами. В конце концов те решили избавиться от необузданных варваров если уж не мытьем, так катаньем. Скифских вождей пригласили на пир, для начала хорошенько напоили — здесь скифов уговаривать не пришлось, — а затем перерезали. После этого скифы откочевали обратно в причерноморские степи, и мас-

сагеты остались в этих краях единственными непрошенными гостями. Считается, что они были родственниками скифов, а то и самими скифами или родственниками саков, а то и самими саками. В общем, они имели массу близких и дальних родственников — в этом уже не разобраться. Массагеты, откуда скифы куражились в Малой Азии, предгорьях Южного Кавказа и сопредельных территориях, упорно воевали против своих южных соседей иранцев-арья.

В историю арья вошли как авестийские арии, хотя никакой Авесты в те давние времена не было. Арии почитали традиционных индоевропейских и своих арийских богов, о которых пойдет речь ниже. Их недруги, туранцы, почитали тех же богов, отчасти пополняя свой пантеон божествами соседних народов.

Должен сделать краткое отступление по поводу исконных врагов иранских племен, впоследствии со становлением традиции — многих веков становлением — получивших прозванием туранцев. Так уж случилось, что арии-иранцы имели в качестве северных, а потом — в ходе миграций — и восточных соперников столь много различных народов, что воспеватели их, ариев, древней славы со временем совершенно запутались. Потому сказать, кем же были туранцы, враги ариев в первой половине I тысячелетия до н. э., непросто. Я как-то встретил милую фразу, что туранцы — потомки андроновских племен. И не поспоришь! Но ведь такими же потомками были и индоарии, и иранцы, и многочисленные этносы третьей волны арийских народов. Так что сказать «потомки андроновцев», означает не сказать ничего. Определить же принадлежность ранних туранцев, что враждовали с арья, возможно лишь исходя из географического соседства. Арья на тот момент занимали плодородные оазисы по Аксарту и Оксу, туранцы совершали на эти оазисы набеги с севера, с нижнего течения этих рек. А там в те времена скорее жили массагеты, народ арийский, но к арья враждебный уже в силу банальной зависти, ведь те, выйдя с последней прародины ранее, заняли сравнительно лучшие земли.

Именно это обстоятельство стало причиной вражды туранцев и арья, сохраненной в памяти иранского народа и спустя тысячелетия воспетой в великой поэме Фирдоуси.

Хотя, с другой стороны, по-видимому, бытовала обида и на этническом уровне. Арья, уже предпочитавшие земледелие скотоводству, пренебрежительно относились к соседям-туранцам, этим анарьям, иначе не-арьям, людям неблагородным. Туранцы представлялись исчадиями ада, демонами, драконами.

Здесь к месту сделать небольшой пролог к переложенной на мифологический лад вражде арьев с туранцами.

«Шахнаме» воистину грандиозная поэма — Фирдоуси и задумывал ее именно такой, почему и попытался показать, пусть в поэтическом переложении, всю историю своего народа от самого его появления до последнего царя-зороастрийца.

По сути, «Шахнаме» сквозь мифологическую призму проясляет историю иранского народа — от эпохи индоевропейского единства, через отеческих арийских богов и до бога — сначала дуалистичного, а потом и всеединого.

Как и положено, начальные годы человечества прошли в благом неведении зла и обретении мудрости общения с природой и благ через покорение этой самой природы.

Первые цари принесли людям защиту, знания и умения. Кеюмарс прославился победой над черным дивом. Хушенг даровал людям металл, орудия труда, приучил диких животных, научил пахать, сеять и жать, победил дракона, при этом открыв тайну огня. Тахмурес победил Аримана и оседлал его. Джемшид разделил людей по занятиям, научил врачеванию.

В правление Тахмуреса к западу от Ирана правил Зохах. Его соблазнил див Иблис, приучив есть мясо. В результате из плеч Зохаха выросли змеи:

Царь видит: из плеч его змеи ползут,
Спасенья ища, заметался он тут;
Мечом, наконец, их решился отсечь,
Надеясь от тварей себя уберечь.
Но только срубил их испуганный шах, —
Вновь змеи, как ветви, растут на плечах.

Шахнаме

Тем временем нового царя Ирана Джемшида охватила гордыня, боги отвернулись от него; Джемшид был схвачен Зохахом и распилен живьем надвое. Зохах захватил трон Ирана

и царствовал тысячу лет, кормя выросших из плеч змей мозгом умершвляемых юношей. Вот уж воистину первое столкновение Ирана с Западом, откуда, напоминаем, происходил Зохак!

К счастью для Ирана появился на свет Феридун. Его мать чудом избежала смерти, спасшись от Зохака. Феридун был воспитан пастухом и вскормлен чудесной коровой; он вырос «могучим, как слон». Пока Феридун рос, против Зохака поднял восстание кузнец Каве. Со множеством простого люда он присоединился к Феридуну. Зохак коварно напал на Феридуна, но был побежден.

Феридун стал новым царем Ирана. Спустя годы, решив передать свою власть сыновьям, он надумал испытать их. Обратившись в дракона, Феридун преградил путь возвращающимся домой царевичам. Старший, Сельм, испугавшись, бежал от дракона; средний, Тур, безрассудно бросился в бой; младший, Иредж, поддержал отважного брата, но перед тем, как пустить в ход оружие, попытался образумить дракона. Царь посчитал, что наследовать власть над Ираном достоин отважный и рассудительный младший сын. Сельм получил западные земли, Тур — восточные.

Завистливые братья обозлились на Иреджа и умертвили его. Отомстить убийцам взялся сын Иреджа Менучехр, родившийся уже после смерти отца. Менучехр разбил и умертвил сначала Тура, потом и Сельма.

Возникло государство ариев, как и положено пуп мира, окруженный варварскими и завистливыми окраинами, зарящимися на богатства совершенных во всех отношениях героев.

После Менучехра к власти пришла династия царей-жрецов Кавиев-Кейанидов: Кей-Кобад, Кей-Кавус, Кей-Хосров и прочие, — по-видимому реально правившая в «Арйанам-Вайджа» — «Просторе ариев», как именовали свою страну восточные иранцы. Всего Фирдоуси, основываясь на древней традиции, насчитывает десять царей, причисляя к ним и Александра Великого. Конечно же, как и положено, арьи почти неизменно побеждали своих извечных врагов — туранцев: ни подтвердить это, ни опровергнуть невозможно.

Впрочем, вражда едва ли была перманентной. Родственные по крови народы то воевали, то мирились, а то и бра-

тались — свидетельством чему ирано-туранские браки, как в случаи с Ростемом и царем Кей-Кавусом, от союза которых с туранками появлялись на свет самые могучие витязи.

Так в войне и мире власть дошла до воинственного царя Гоштаспа. В эти не отмеченные на шкале времен годы ушли в иной мир последние великие герои — Ростем и Исфандияр. В это же время при царском дворе объявился некий проповедник Зардешт.

Настало время истории...

Глава 9

Многоликий герой

Отдельно Героический век как эпоху в бытии человечества выделили лишь эллины. Этот век наследовал Золотому, Серебряному и Медному, знаменовавшими вырождение мира и времени. Героический век своей идеализированной чистой и рыцарским романтизмом словно призван был компенсировать вырождение.

На историческом уровне Героический век соотносим с Микенской эпохой — то были славные и странные времена, когда на благодатной южной оконечности Балканского полуострова, весьма густо по мерке тех самых времен населенной, объявились пришельцы с севера, принявшие настойчиво покорять или вытеснять местное население. Себя эти пришельцы именовали ахейцами и ионийцами — под этими прозваниями они и попали в историю.

Обитатели земель, куда пришли ахейцы, быстро принялись разбегаться. Побежали карийцы и минийцы, лелеги и хетты. Оставшиеся пеласги были покорены, а где-то вполне мирно сосуществовали с пришельцами, которые привнесли свою культуру, материально более бедную, но духовно весьма оригинальную. В отличие от древнейших обитателей Эллады незваные гости являли собой ярко выраженный тип мужлана со всеми присущими сему типу достоинствами и недостатками: властью вождей, упованием на силу оружия, почитанием мужских божеств.

Закрепление ахейцев в Греции, главным образом в Пелопоннесе, как доминирующего этноса относится к рубежу между XVII—XVI веком до н. э. Именно в это время пеласги окончательно признали свое поражение, уступив власть пришельцам, которых английский историк начала XX века Уильям Риджуэй представлял такими суперменами — белокуроыми бестиями. Ох уж этот романтизм, особенно несносный в устах представителя нации торгашей и колонизаторов!

Не очень-то верится, что ахейцы были белокуроыми красавчиками. Скорей всего, они мало чем отличались от пеласгов, которым были этнически близки. Но ахейцы были крепкими парнями, буквально брызжущими пассионарной энергией, в то время как пеласги этногететически уже «поиздержались». Потому-то ахейский потоп безжалостно накрыл пеласгов, словно прогневивших Зевса, и длился он несколько поколений. Одно за другим, будто грибы после дождя, росли на благодатной земле Эллады ахейские поселения.

Уже в XVI веке до н. э. таких гегемонов было несколько: Микены, Аргос, Пилос, Фивы, Иолк. Правителей этих селений хоронили в глубоких шахтовых могилах, собирая в дальнюю дорогу богатые поминки.

XVI век до н. э. знаменовал взлет ахейской славы. Подчинив материковую Элладу, ахейцы — воспользовавшись катастрофическим извержением Санторина — захватили Крит; там около 1450 года до н. э. воцарилась ахейская династия. Ахейские цари захватывают власть над морем, до этого принадлежавшую Миносам; их стремительные узкоклювые корабли несутся по волнам от острова к острову, где оружием, где словом, где ходовым товаром утверждая влияние Аххиявы — страны ахеян.

Растет грозная слава, растут богатства знати. Славу предков затмевают новые герои, которых уже не удовлетворяют прежние роли. Афинянин Тесей производит «зачистку» Аттики, истребляя разбойников, а потом предпринимает дерзкую экспедицию на Крит, где умерщвляет Минотавра, знаменуя тем самым падение власти Миносов. По всей Ойкумене, вплоть до лежащей на краю Земли Гесперии, разгуливает свирепый кондотьер Геракл. Дерзкий Ясон плывет на «Арго» к другому краю земли. Семеро героев выступают в легендарный по-

ход на Фивы, а их сыновья разорят столицу Беотии, после чего объединенная ахейская рать отправится мстить за бесчестье Менелая...

Стоит ли удивляться, что те, кто свершил столь обычные и столь же невероятные подвиги, воспринимались потомками как герои? Ведь пройдут века и века, прежде чем люди сумеют возвести стены, хотя бы высотой своею сравнимые с циклопическими стенами Микен. Пройдут века и века, прежде чем человек предпримет путешествия, подобные плаванию «Арго», или военные экспедиции масштаба Троянской войны. И уж никогда больше люди не сразят ужасных чудовищ, ибо переведутся чудовища на цивилизованной земле. И уж никогда человек больше не будет пировать за одним столом с богами, ибо боги не снизойдут более до падшего в их глазах человека.

Героический век Эллады можно условно разделить на четыре поколения, равные векам, которые просуществовала Микенская цивилизация.

Первое поколение героев — те самые ахейцы, что беспощадным потоком прошли по земле Эллады. Это поколение Сизифа, Кадма, Иксиона, Эдипа — героев, ставивших себя равными небожителям и пировавших с олимпийцами на симпозиах. Это поколение героев, видевших свой подвиг в дерзостном поступке — против морали или самих богов, мораль, к слову, у эллинов вовсе не олицетворявших.

Ну, посудите сами, Иксион, царь лапифов, покусился на честь самой Геры, за что заслуженно был отправлен на вечные муки в Тартар. Злоумный Сизиф убивал спутников и долго дурил богов, кончив тем же, чем и Иксион. Там же оказался и Тантал, мерзавец, решивший испытать всеведение богов страшным угощением — блюдом из собственного сына Пелопа, который, как выяснится позже, также был редкостным подлецом. Афинский царь Эрехтей был наказан богами за убийство собственного внука. «Байкер» Фазтон едва не спалил землю, в непомерной гордыне решив уподобиться богам. Эрисихтон развлекался тем, что методично вырубал священную рощу Деметры. Ну прямо-таки скопище подонков, равного которому не найти в легендарной истории ни одного народа! И это при том, что боги вели себя чрезвычайно любезно по отношению к людям, приглашая их на Олимп, угощая ам-

брозией и нектаром. Создается впечатление, что народ сохранил о своих первопредках лишь дурную память.

Второе поколение героев — эпоха великого передела мира, вершимого величайшими из героев. В Калидоне блистает могучий Мелеагр. Лапифы Пирифоя берут верх над кентаврами. В Афинах объявляется Тесей, который наносит смертельный удар Миносову Криту, истребляет вселюдскую шваль — полукровок-бастардов, выродившихся героев. Тесей — необычайно симпатичный герой, недаром афиняне горячо прославляли его, ставя выше всех прочих. Но будем справедливы, всех прочих затмевал Геракл, величайший герой всех времен и народов, которому впоследствии заискивающие перед нигилизирующим человеком боги припишут славу победителя титанов и гигантов.

Именно эти герои утвердили величие Ахайи-Аххиявы, восславив ее оружие в дальних землях — от Египта и Хеттии до далекой, как край света, Колхиды. Именно эти люди сделали нарицательным само слово «герой»...

Время склонно менять значение слов. Мы воспринимаем слово «величие» иначе, чем ассирийцы, слово «вода» иначе, чем египтяне, «добродетель» иначе, чем потомки Ромула. Еще больше изменилось восприятие слова «герой»

Кто есть герой в нашей понимании? Человек, совершивший героический поступок, скажете вы. Еще героем можно назвать человека, исполнившего трудное дело. А еще — отдавшего жизнь во имя благой цели. Не стоит забывать и о том, кто прослыл героем, достигнув не столь общественно важной, но трудно достижимой цели.

Кто есть герой по призванию и роду деятельности? Воин? Несомненно. Воин — первая и высшая эманация героя. При слове «герой» невольно всплывают в памяти триста спартанцев и моряки «Варяга», старая гвардия Наполеона и русские кавалергарды на поле Аустерлица, взвод панфиловцев и бесстрашные матросы с германских кораблей «Шарнгорст» и «Гнейзенау», отказавшиеся спустить свой флаг и вступившие в бой с целой английской эскадрой. Война предоставляет наибольшие возможности для героизма.

Помнится, меня поразила не сама история трехсот спартанцев (а правильнее сказать: спартиатов), бесспорно невероят-

но яркая, но мысль: почему они не покинули ущелье? Логика фермопильского противостояния просто вопияла об этом. Сначала самопожертвование было оправданным, ибо воины Леонида выигрывали время, чтобы дать возможность собраться основным силам; да и не было то самопожертвованием — имела место четко спланированная операция, защита идеальной позиции высокопрофессиональными воинами против многочисленного, но уступающего в умении врага. Блестящая операция, уже начальной фазой своей заслуживающая достойного места в военной истории!

Но вот персы задержаны, время выиграно. Эллины вправе отступить. Более того, получено известие, что враг проведет о тайной тропе, ведущей в тыл обороняющимся. Леонид приказывает прочим, находящимся под его началом отрядам начать отход, а сам вместе с тремястами спартиатами остается. Зачем?! Бессмысленное, даже пагубное с военной точки зрения решение. Триста отборных воинов способны не только причинить большой урон врагу, но и — что более важно — вырвать победу в генеральном сражении. Они нужны Элладе живыми. Но спартиаты решают иначе. Они следуют древнему принципу, запрещавшему отступить с поля боя, и остаются. А с ними добровольно идут на смерть семьсот ополченцев из крохотного городка Феспии, в мирной жизни — гончары, плотники, кузнецы. Почему? Наверно, тоже принцип. Если дозволено спартиатам, почему не дозволено нам?! Хороший принцип! Очень нецелесообразный, но очень хороший, ибо подобное порождает энтузиазм — лучшее, по справедливому замечанию Гёте, что мы имеет от истории. И воины Леонида отказываются оставить ущелье, а «ворчуны» Наполеона сложить оружие на поле у Ватерлоо. В этом величие Воина, в этом величие Героя. Оно выше величия матроса, бросающегося с гранатой под танк, и величия солдата, закрывающего собой амбразуру. Их подвиг продиктован горячкой боя, которая не отпускает, самопожертвованием, естественным — кощунственно звучит: естественное, но это так — для боя. Но вот когда не нужно ни под танк, ни на амбразуру, а нужно, напротив, отступить, сохранить силы для нового удара, но они не отступают, а дерзко принимают последнюю битву, ибо таково их представление о чести: умереть, но не отступить. И даже

когда нужно сложить оружие, ибо проиграна не только битва, а вся война — великая война, растянувшаяся на два десятилетия, — и нет никакого смысла умирать, они умирают, потому что гвардия умирает, но не сдаётся. На то она и гвардия, чтоб в подобающий миг умереть.

Мы ценим в войне героя двойкого сорта — героя победоносного и героя жертвенного, героя, выигрывающего сражение, и героя, жертвующего собой ради грядущей победы. Воин — высшая инкарнация героя.

Но далеко не единственная. Средние века с приходом романтизма подарили новых героев — флибустьеров, корсаров, буканьеров, словом, пиратов, всегда беспринципных, но всегда отважных. Корсар, пожалуй, был второй героизированной профессией после воина. Потом в герои записали путешественников. С покорением воздуха героем считался каждый летчик, с полета Гагарина — каждый космонавт. Была героизирована работа пожарных, врачей экстренных служб, а с недавнего времени — спасателей.

Параллельно с героизацией труда наблюдается героизация развлечений. Испанцы вот уже много веков почитают героями тореадоров. К героям отнесены альпинисты, ищущие приключений на голову авантюристы, подобные Федору Кнохову, наконец, спортсмены, актеры. Оказывается, можно забивать мячи или сниматься в кино, получая при этом немалые деньги, и тоже считаться героем! Недалек тот день, когда человечество запишет в герои каждого, кто отважится сесть в самолет, пройтись по грибы в лес или мужественно отработать день на фабрике или в школе. А что, бургомистр из захаровского «Мюнхгаузена» заметил по поводу своего ежедневного хождения на работу: «В этом есть что-то героическое».

Понятие «герой» нивелировано донельзя. Если в прежние времена требовалось совершить нечто из ряда вон выходящее: одолеть смерть, как Гильгамеш, основать империю, подобно Саргону или Александру, освободить соплеменников от иноземного ига, как сделал Моисей, победить двенадцать языков, как Цезарь, или, по меньшей мере, сродни Диомеду сразиться с богами, — то для нашего героя достаточно протолкнуть в сетку шайбу или сверкнуть белозубой улыбкой на киноэкране. Протолкнул, сверкнул — и ты герой! Герой?..

Ахейцы, дети Героического века, в азартные игры не играли, хотя развлечений, в общем, тоже не чурались. И победа в состязании была атрибутом героя. Но лишь победа. В победе вся суть героя. Для ахейца времен Агамемнона и Нестора существовал один-единственный тип героя — победитель. Герой мог творить что угодно, но непременно побеждать. Право на поражение герой получал, лишь одержав харизматическую победу — такую, после которой не зазорно проиграть.

Впрочем, победа, а следовательно, и подвиг, заключалась во многих деяниях. Герой мог победить в битве, взять верх в поединке, умертвить чудовищное порождение прежних веков, основать город, совершить путешествие из разряда тех, что поражают воображение. Благородные деяния тоже приветствовались. Но герой ради победы был вправе совершать подвиги и иного рода.

Сизиф в своем героизме отметился преступлениями против людей да изощренным обманом богов. Братья Алоады пошли еще дальше, замахнувшись на саму власть Олимпа. Благородный Тесей, и тот поддался на уговоры Пирифоя и попробовал утащить из Аида дебелую красавицу Персефону. А Геракл, этот величайший из героев, — если хорошенько разобраться, он занимался исключительно истреблением, уничтожая чудовищ и бесчисленные сонмы врагов-людей, а время от времени, словно ненароком, невзначай, нечаянно, убивал своих друзей и близких; а когда его заставляли, выражаясь юридическим языком, *en flagran delit* — на месте преступления, Геракл делал большие глаза и ссылался на не допускающую ослушания волю Зевса.

Но это еще не философия, а характеры. Первые поколения героев отличались дикостью, хтоничностью, искренностью чувств. В связи с этим можно условно обозначить два психологических типа героя — герой в чистом, можно выразиться классическом, виде и герой-прагматик. Второй тип — это продукт разложения Героического века, выражение перехода от героя к властелину. Это герой прагматичный и властный, готовый отречься от подвига во имя власти.

И вот уже наши герои становятся неисправимыми прагматиками. Они уже не бунтуют против Олимпа, но признают его первенство на условии определенного равенства. Человек мо-

жет быть равен богу, если тот хочет схватиться с ним в человеческом естестве. Тогда все решится количеством силы, каким наделены бойцы, если же бог выступает в своем высшем аспекте, тогда в силу вступает принцип качества.

Это время воистину великих героев: Персея, Мелеагра, Тесея, Ясона и, конечно же, Геракла. На их примере нетрудно проследить мотивы, коими руководствовались герои.

Персей — классический герой, наделенный всеми архетипическими чертами: божественный отец, чудесное зачатие и рождение, преследование младенца земным отцом, которому была предсказана смерть от руки сына, попытка умерщвления, замененного удалением, путешествие в бочке, чудесное спасение, воспитание на чужбине, обиды от властного царя, ненавидящего потенциального пасынка...

Потом Персей прославился двумя большими деяниями: умерщвлением — при поддержке расположенных к нему богов — Медузы Горгоны (имя личное, имя фамильное), а также морского чудовища, намеревавшегося сожрать несчастную девицу Андромеду.

Победоносно вернувшись домой, Персей отомстил несостоявшемуся отчиму и взошел на трон. Нечаянно вскоре убив деда — впрочем, некогда поступившего с ним весьма немилосердно, — Персей отказался от власти, после чего основал Микены. Здесь уместно сказать, что место для своего города герой нашел, испив воды из вогнутой шляпки гриба — ох, уж эти мухоморы! Отсюда и название города — Микены, ведь «микос» в переводе означает «гриб». Погиб Персей трагично — от руки сына умерщвленного им царя Прета.

Вот такая славная биография. Оставим в покое рождение и ранние годы Персея — обратимся к его свершениям. Кто есть Медуза Горгона? Жуткого облика и нрава дама с жутким же характером. Возможности ее воистину пугающи, отчего понимаешь, что Медуза — некое божество. А все женские божества сводятся к единому образу — Великой Матери. Следовательно, Горгона — Грозная Мать, противостоящая власти Небесного Отца. Таким образом, она типичное феми-божество, поклоняться которому патриархальный мужчина уже не желал и в почитании которому отказывал. Отсюда и сволочной характер нашей Медузы.

Побеждая и умерщвляя Великую Мать, Персей утверждает власть Небесного Отца Зевса. Теперь Мать становится тенью — это символизирует сам способ ее умерщвления — через отражение в шите; отражение же и есть тень.

Умертвив Грозную Мать Медузу, Персей обретает славу великого героя, но не останавливается на этом. По пути домой он, спасая обреченную на смерть Андромеду, умерщвляет некое морское чудовище, подобие Левиафана, и обретает Андромеду, благодатную Великую Мать, которая есть сокровище. Таким образом, он — обладатель двух атрибутов героя: славы и сокровища.

Остается лишь власть. Герой пытается от нее отказаться, но обретает вновь — и уже не силой оружия, не через славу, не через сокровище, а через благо созидания.

Что и говорить — типичный, архетипический герой, что подметил еще Нойманн, хотя его концепция героя-архетипа отлична от нашей. Остается прибавить, что Персей во все времена был популярнейшим героем — как в эпоху Античности, так и позднее. В древности это имя часто носили цари, пусть и не всегда удачливые. В позднейшие времена Персея ваяли великие Канова и Челлини. Причем с творением последнего связана прелюбопытная история.

Как и все честолюбцы, Челлини подписывал свои произведения. Но заказчик «Персея» флорентийский герцог Козимо Медичи запретил скульптору это делать. Челлини изящно обошел запрет, изобразив свой портрет прямо на голове статуи — на затылке, где сходятся детали шлема, можно рассмотреть образованное этими деталями и кудрями героя лицо скульптора — похоже, что ухмыляющееся. Обнаружилось это несколько десятилетий назад.

Мелеагр — второй на нашем счету великих героев. Не совсем архетипический. Родители — обычные производители царского рода. Детство вполне благополучно. Прославился как предводитель Калидонской охоты, в которой участвовали признанные герои Эллады.

Калидонский кабан оказался еще та свинья — огромная и свирепая. Так что героям пришлось несладко. Кого-то гигантский свин изуродовал, а кого и прикончил. Но потом наши герои на кабана всем скопом навалились и общими усилия-

ми одолели. Первой в зверюгу попала стрелой единственная в мужской компании леди — Аталанта, которой флиртовавший с нею Мелеагр и презентовал почетный трофей — шкуру, что вызвало недовольство многих прочих участников охоты. Предводитель по вполне понятной причине — авторитет! — взбеленился. И убил пару-тройку спорщиков из числа собственных родственников, что — таковы уж были ахейские нравы — никого особенно не расстроило.

Никого, кроме матери Мелеагра — Алфеи. В силу пресловутого принципа матрилинейности братья в понимании сестры были самыми близкими родственниками — роднее, нежели муж или сын. Потому-то Алфея, не задумываясь, отомстила.

Когда-то, давным-давно ей было предсказано — неведомо кем, — что ее сын умрет, как только догорит последнее полено в очаге над курочкой. Алфея тут же, не обращая внимания на ожоги, выхватила полубогоревшую деревяшку из огня и положила в сундук. Теперь же искомое полено было извлечено на свет и отправлено напрямиком в огонь.

Мелсагр умер, Алфея удавилась, Аталанта вышла замуж, пред тем перебив множество претендентов на ее руку.

Вот такая вовсе не тривиальная история, и как и все ей подобные — весьма показательная. Есть герой — совсем не архетипический. Есть полено — совсем не полено, а судьба, которой не избежать. Есть Великая Мать — не Добрая и не Грозная. Есть вепрь, который не что иное, как бык — главный естественный противник героя из животного мира, более сильный, чем, скажем, лев. Аталанта — типичная богатырша, которых в будущем будет так много в германской, тюркской и славянской эпических культурах.

И на фоне этих составляющих развивается кажущийся неестественным, но, с другой стороны, очень естественный сюжет. Герой выходит на противостояние с быком — о, эта великая традиция тавроболии, самый почетный из всех подвигов, дарующий наивысшую славу! Попутно он влюбляется в богатыршу, к которой намерен посвататься. Сообща они загладевают сокровищем, которое оспаривают властные родственники. Дабы отстоять сокровище, а заодно с тем обрести власть, герой убивает соперников, этих земных воплощений Небесного Отца. Великая Мать, уже признавшая власть От-

ца, в гневе убивает героя, запуская в ход механизм неотвратимой судьбы. Потом она сводит счеты с жизнью, и с ее смертью утверждается патриархат, иначе — власть Отца.

Третий типаж — афинский герой Тесей. Происхождение его подобающе: отец божественный — Посейдон, отец земной — афинский царь Эгей, мать — девица из царского рода городка Трезен. По призванию — он типичный чистильщик земли от всяческой нечисти: человеческой и нелюдской. Отправившись к отцу, напомним, базилевсу Афин, Тесей последовательно вырезает встречающихся на его пути древнегреческих гангстеров: Перифета, Синиса, Скирона, Керкина, Прокруста. В числе его жертв оказалась и некая Кроммионская свинья, пожиравшая людей, — к слову, матушка предыдущего вепря.

В Афинах юношу попыталась отравить небезызвестная Медея, но Эгей опознал сына по мечу, который он оставил случайной возлюбленной при расставании.

Вырезав претендующих на трон дальних родственников, числом пятьдесят, Тесей отправился на Крит, дабы сразиться с Минотавром, — вечная история о красавце и чудовище. Ну а далее — подвиг и принцесса в качестве бонуса. Впрочем, наш герой оказался непоследователен: принцессу поматросил да и бросил — на острове Наксос, где ее, однако, подобрал Дионис.

Отец героя не дождался. То ли произошла какая-то путаница с парусами, то ли Тесей заблаговременно позаботился о том, чтобы очистить трон.

Помимо этого, с Минотавром, подвига Тесей совершил еще несколько героических поступков. Он поучаствовал в Калидонской охоте и дрался с кентаврами на свадьбе своего друга Пирифоя, потом на пару с Пирифоем похитил нимфетку Елену, которая в будущем принесет столько невзгод ахейцам с троянцами. Отвечая взаимностью, отправился в Аид, дабы похитить для друга царицу Персефону, за что пострадал и сколько-то времени просидел, прикованный к скамье в царстве мертвых, — спасибо Гераклу, что это «сколько-то» не обернулось вечностью. Между всеми этими делами Тесей, если верить Плутарху, учредил в Афинах самую настоящую демократию.

Тесей у нас герой практически архетипический. Тут и божественный родитель, и истребление земной нечисти, хтоническое чудовище в виде Минотавра, и тавроболия, и поход в царство смерти, и сватовство — странноватое, похищением. Да и смерть его была трагична (он был сброшен со скалы), хотя и не очень героична.

Ясон — герой, организовавший самое грандиозное предприятие своей эпохи. Этот герой прославился величайшим в те времена путешествием — на самый край света, причем, если быть последовательным, сразу на два края — восток и запад.

Судьба Ясона подобна судьбе многих героев. Отец его, Эсон был лишен престола Иолка собственным братом Пелием. Опасаясь за судьбу сына, Эсон удалил его от дворца и отдал на воспитание кентавру Хирону.

В возрасте эфеба Ясон, покинув убежище, отправляется в Иолк, по дороге переносит через ручей старушку, не подозревая, что это — сама Гера. За бескорыстную помощь Гера в будущем будет покровительствовать герою. Явившись во дворец, Ясон требует от узурпатора вернуть власть Эсону. Пелий притворно соглашается, но ставит условие: совершить великий подвиг — вернуть в Иолк золотое руно чудесного барана, на котором спаслись от расправы Гелла и Фрикс (не будем пересказывать эту историю, ибо она займет добрые три страницы текста); по версии же Диодора, Ясон сам вызывается совершить этот подвиг — ради славы!

Ясон собирает бригаду таких же сорвиголов — всех величайших героев, в том числе Геракла. Они строят корабль, нарекая его «Арго», и отправляются в путь.

Этот путь долог. Им встречаются неприветливые женщины, которые, впрочем, оценив статью гостей, сменяют гнев на милость. Герои сражаются с враждебными племенами, побеждают землеродных — неких сасквочей, неподобных человеку ни обликом, ни разумением... И вот, наконец, возжеланная Колхида — царство Ээта, где в священной роще висит искомое руно.

Что оно есть? Сокровище? Несомненно! Ведь трудно найти землю столь изобильную, как Колхида, где молочные реки текут меж кисельными берегами, где пшеница — сам-сто, а из грозди винограда можно выбродить хус доброго вина. Отчая

Фессалия в сравнении с Этовым царством — пустошь. Чего уж там говорить об Аттике или Пелопоннесе, где в земле камней больше, чем злаков. С золотым руном это невиданное изобилие должно отбыть в Элладу.

Но подобное перемещение ценностей не по вкусу Эту. К чему рисковать властью и шкурой — в смысле буквальном и переносном — в драке с толпой хорошо вооруженных и озверевших за долгие месяцы тяжкого плавания иноземцев?! Пусть Ясон выполнит задание, а там посмотрим! Что за задание? Да так, плевое дело. Запрячь пару быков, вспахать землю, засеять ее и собрать урожай. И все...

Что ж, быки дело знакомое — правда, Ясон не подозревает, что это за быки. А это — особые быки, подаренные Гефестом, медноногие, изрыгающие пламя. И посев тоже особый — из земли вылезут не колосья, а сотни свирепых воинов.

Этого наш герой не знает. Но ему помогает женщина — ох и везло греческим героям на всепомагающих женщин! Нам бы так везло...

Медея, дочь Ээта, волею Афродиты, еще одной покровительницы Ясона, прониклась неистойвой страстью к предводителю аргонавтов и не только, предавая отца, поведала ему правду о предстоящем испытании, но еще и дала мазь, дарующую силу и неуязвимость.

Наутро Ясон запряг быков — пусть те брыкались и пускали огонь, — вспахал, засеял пашню, дождался появления из-под земли воинов, бросил в их кучу камень — для тупых землеродных сокровище, — дождался, пока те перережут друг друга, после чего прикончил оставшегося победителя.

Вот такое сложносочиненное предложение, итогом которого стало обретение руна. Но Ээт не согласился расстаться со своей прелестью — ему не впервой было нарушать обещания. Он готовится умертвить непрошенных гостей. Но Медея вновь предает отца. Ночью она ведет возлюбленного в рошу с руном, какую охраняет дракон. Колдунья усыпляет дракона — руно похищено, и корабль устремляется в открытое море.

Далее была погоня, блуждания по Ливии, где аргонавты посетили сад Гесперид. Подле острова Крит «Арго» едва не погиб от метких камней медного великана Талоса, с которым разделалась та же колдунья Медея.

По возвращении Ясон отомстил Пелию руками опять же Медеи, которая попросту сварила старика, словно барана. После этого злодеяния Ясон и Медея были изгнаны из Иолка и поселились в Коринфе. Однако со временем Ясон решил жениться на другой, то ли разлюбив Медею, то ли по политическому расчету.

Разгневанная колдунья страшно отомстила неверному мужу: его невесте послала в дар отравленный пеплос, детей на глазах мужа зарезала, сама ж улетела прочь на драконах, чтобы сочетаться новым браком — с афинским царем Эгеем.

О смерти Ясона существует несколько версий. Одни уверяли, что он от горя повесился, другие — что он погиб вместе с несостоявшейся невестой, третьи даровали герою долгую жизнь и смерть в глубокой старости под обломками разошедшегося на берегу «Арго».

Ясон, подобно Персею, Тесею, Мелеагру, может показаться архетипическим героем. Но здесь не все однозначно. Несомненно, он герой, но далеко не подобный другим. Свой подвиг он совершает при покровительстве богов, рьяной поддержке дружины и, главное, посредством колдовства Медеи. Без друзей, без богов и без подруги он, в принципе, никто. Сам он, если обратиться к Аполлонию Тианскому — к слову, приписавшему своему любимцу немало не существовавших в традиции подвигов, — не совершил ничего выдающегося. Да, поражал в толчее схватки врагов, но это — деяние, рядовое для героя. Да, командовал своими флибустьерами, но мало ли кто и когда командовал. Так что Ясон — герой вне ряда прочих, подвиги вроде б и свершавший, славу и сокровище обретший, но ни слава, ни сокровище не принесли ему счастья.

И на десерт остался Геракл. Нет смысла пересказывать множественные приключения и бесконечные странствия этого величайшего из героев. Заметим лишь, что Геракл — самый архетипический из героев, способный похвастать всеми аспектами, герою присущими.

Их мы выделили двенадцать — уж простите за схематичность.

1. Мотивация подвига — все герои.
2. Чудесное происхождение и выдающаяся юность — Персей, Тесей, Геракл.

3. Покровительство богов — Персей (Гермес и Афина), Тесей (Посейдон и Афродита), Ясон (Гера и Афродита), Геракл (Зевс).

4. Противостояние Великой Матери — Персей, Мелеагр, Ясон, Геракл.

5. Противостояние Отцу в образе земного правителя — Персей, Ясон, Геракл.

6. Противостояние смерти — Тесей, Геракл.

7. Борьба с хтоническими и сверхъестественными существами — Персей, Тесей, Ясон, Геракл.

8. Драконоборчество — Персей, Ясон, Геракл.

9. Тавроболия — Мелеагр, Тесей, Ясон, Геракл.

10. Герой как чистильщик — Персей, Тесей, Геракл.

11. Мотив сватовства, женитьбы и погибельной роли женщины — Мелеагр, Тесей, Ясон, Геракл.

12. Трагическая смерть — Персей, Мелеагр, Тесей, Геракл и, возможно, Ясон.

При этом любопытно отметить особенности, присущие раз-
ве что греческой мифологии. Во-первых, нет гиперболизации
героев. Ну разве что Геракл — да и он предстает скорей здоро-
вым мужиком, нежели непобедимым великаном. А тако-
вые встречались и в жизни — достаточно упомянуть римского
императора Максимиана Фракийца, чей рост, по свидетель-
ствам современников, достигал 240 сантиметров.

Что удивительно, едва ли кто из героев мог похвалиться
уникальным оружием. Да, Геракл имел сверхмогучий лук. Да,
Гефест выковал для него щит, который будто бы не пробивало
ни одно оружие. Да, он размахивал неподъемной дубиной. Но
скажите, при таких габаритах и соответствующей мощи разве
не проще орудовать медной дубиной, нежели полумечом-по-
лукинжалом, какими сражались герои? Разве виноват Геракл,
что его лук могли натянуть лишь самые сильные воины вроде
Одиссея? Ну а с щитом еще проще — он был из бронзы, а уни-
кальность заключалась единственно в том, что таскать его на
руке было под силу лишь здоровяку из здоровяков Гераклу.

Наконец, стоит отметить, что все подвиги герои соверша-
ют во имя Отца. Все герои едины в аспектах приложения сил.
Но мотивация — разна. В случае с Персеем преобладает мотив
славы. В случае с Мелеагром — сокровища. В случае с Тесеем,

утратившим и сокровище, и власть, можно вести речь единственно лишь о славе. Ясон обрел славу и сокровище, но так и не достиг возжеленной власти. Геракл за властью, кажется, не гонялся, сокровища во всех видах разбазаривал, но на славу был жаден до непомерности, до неистовства, которое отличало многих героев второго поколения.

Так что второе поколение героев подобно первому свершало подвиги во имя славы, но уже проявилась сладкая пагуба сокровища.

Великие герои второго поколения проложили путь поколению третьему — времен Троянской войны. Это классическое поколение — героев нового склада, для которых важна не одна лишь слава, но в меньшей степени и достаток, а значит, сокровище, которое — без подвига — и делает обладателя славным, а следовательно, героем.

Это проявляется уже в самой заправке «Илиады», сюжет которой крутится вокруг конфликта между Ахиллесом и Агамемноном, приключившегося на девятом году великой войны.

Мы не будем сорить многими словесами по поводу Троянской войны и ее причин — были они, естественно, экономическими: уж больно лакомым куском была блокирующая причерноморские проливы Троя. Нас занимает лишь один-единственный вопрос: ментальность третьего поколения — какому идолу они поклонялись?

Первое поколение занимала единственно слава. Второе было поманено еще и сокровищем — отсюда вырастает множество драконоборцев, чего не было прежде; излишне вести речь о связи сокровища с драконом: на этом славном поприще отметились кому только не лень — от Юнга до Толкиена, не считая менее раскрученных персоналий.

И вот настал черед третьего, и два главных героя-ахейца ведут спор по поводу, кажется, ничтожному. Грубо выражаясь: из-за бабы. Агамемнон, первый среди героев по влиянию, отобрал девицу Брисеиду у Ахиллеса, тоже первого, но в доблести.

Ну что такое какая-то девка — взятая с меча добыча. Таковых в ахейском лагере без числа, ибо, застряв под Троей, они развлекались разорением близлежащих местечек. Так что для ахейнина раздобыть кусок мяса было порою сложнее, нежели

смазливую девку. А тут... В общем, не совсем понятно, если не сказать больше — совсем непонятно.

Конфликт на повышенных тонах, разве что не вылетают из ножен мечи. Ах да, скажете, сокровище — женщина представляет собою сокровище. Смотря какая, скажу вам. От иного сокровища впору и отказаться. Да и не ссорятся вожди ради какого-то куса добычи, хотя та и подчеркивает статус ее обладателя как героя и славу. Агамемнон готов поделиться своею добычей, отдав больше, нежели взял, — дев, кубки, коней. Но Ахилл отказывается это принять, понимая, что суть конфликта в ином: Агамемнон претендует не просто на большую долю, он претендует на то, чтобы эту долю делить, занять место «смотрящего», сделаться первым среди равных.

Агамемнон того и не скрывает, заявляя:

...Я и владычеством высшим,
Я и годов старшинством перед ним справедливо горжуся.

Именно это и неприемлемо Ахиллу. Он привык спорить единственно в доблести. Ахилл и такие, как он, могут похвалиться имуществом-сокровищем, что не зазорно, если оно взято с бою, а значит, осенено славой. Но хвалиться высотой положения, превосходством над прочими, полученным не мечом, а пространством земель, числом слуг да отвагой щедро одеваемых добычей подчиненных воинов — это выше понимания истинного героя. Вот и Ахилл, в своей великой ярости этого не понимая, бросает Агамемнону презрительное обвинение:

Грузный вином, со взорами песьими, с сердцем еленя!
Ты никогда ни в сраженьи открыто стать перед войском,
Ни пойти на засаду с храбрейшими рати мужами
Сердцем твоим не дерзнул: для тебя то кажется смертью.
Лучше и легче стократ по широкому стану ахеян
Грабить дары у того, кто тебе прекословить посмеет.
Царь пожиратель народа!

Но мало кто поддерживает Ахилла. Одни герои зависят от Агамемнона, оделившего их добычей, землями, рабами, других попросту устраивает подобное положение, чтобы надо все-

ми стоял кто-то один, единственно лишь не переступая грани в корысти и во гневе. Никто не поддерживает Ахилла, и потому он обречен уйти, а с ним обречен исчезнуть и сам Героический век.

Итог известен: Ахилл погибает, Одиссеев конь берет Троя. Миг ликования ахейцев: враги побеждены и уничтожены; но победителям еще невдомек, что побеждены и они. Смерть троянских героев предвестила и смерть героев ахейских. Так и должно было случиться. Стабильная в абсолюте система обречена на гибель. Ахейские корабли поворачивают к родным берегам, но едва ли каждый десятый герой возвращается к счастью на родине. Одни погибают от руки мстителя Навплия, других подстерегает смерть уже на пороге отчего дома. Третьи, едва ли счастливые, закончили жизнь на чужбине.

Великое третье поколение героев сошло в Аид. Их преемников не хочется даже назвать поколением. Это был умирающий декадентствующий век, когда наследников Геракла и Ахилла уже и героями-то можно назвать лишь с известной натяжкой. Одни — мелкомстительны, другие — злобны, третьи — подавлены собственным предначертанием; все они — бесхарактерны. Они не находят стыда в том, чтобы остаться вне честной битвы. Так поступает Одиссеев сын Телемах: он уклоняется от борьбы, что невозможно для героя второго поколения и позорно для героя поколения третьего. Так действуют и «хитроумный» Эгисф с Клитемнестрой, приготавливающий коварную засаду возвращающемуся Агамемнону.

Истинных героев — считанные единицы, разве что Одиссей, но он герой из третьего поколения, заплутавший во времени. А с уходом его в неведомое западное безвремя Героический век окончательно выродился и исчез в темноте времени, сметенный волнами диких сердец героев дорийцев, ворвавшихся с севера и одним лишь грозным видом своим сокрушивших киклопические стены Микен, Тиринфа и Пилоса.

Именно так виделась эпическая история эллинам от Гомера до Аполлония. А что же их собратья, чей эпический век совпал с эллинским или же почти совпал, уступив тому во времени разве что с пару столетий?

Индийский Героический век отражен в величайшем по объему и масштабу произведении, которое только создало че-

ловечество. Речь, конечно же, о «Махабхарате» — грандиозном во всех отношениях сочинении, имя которого, подобно Библии, следовало бы писать без кавычек.

Нужно сразу заметить, что «Махабхарата» была создана спустя многие века после описываемых в ней событий и даже самой эпической эпохи и испытала серьезное влияние многих религиозно-этических учений, многократно переосмысливалась и, конечно же, дополнялась. Потому неверно рассматривать ее как эпос, схожий с гомеровскими или «Беовульфом», и искать даже минимальную историческую достоверность в событиях, персонажах, характерах, материальной атрибутике. Многоцветное полотно «Махабхараты» — это позднейшее представление обитателей Индии о той давней эпохе, когда еще не были писаны законы и люди руководствовались не буквой права, а честью.

В основе сюжета «Махабхараты» — борьба за власть внутри царского рода Бхаратов, вылившаяся в военный конфликт между племенами пандавов и кауравов.

Опустив многочисленные перипетии взаимоотношений царских родов — взаимные оскорбления, игру в кости на царства и на себя, — подытожим, что многочисленные обиды привели к грандиозной битве при Курукшетре, в которой приняли участие, кажется, практически все народы, проживавшие по верхнему течению рек Джамны и Ганга.

С большой степенью вероятности историки предполагают, что эта битва имела место где-то на рубеже II—I тысячелетий до н. э. и действительно была глобальным событием, на основе которого возникли эпические предания, со временем сплетенные в грандиозную поэму.

Итак, противостояние двух родов, один из которых, пандавы, — хороший, другой, кауравы, — плохой. Плохие кауравы долго унижали хороших пандавов, что сделало войну между ними неизбежной.

Привлекши многочисленных союзников, противники собрали громадные армии — настолько громадные, что чисто физически на ограниченном пространстве их вообразить невозможно. Мы уже убедились в страстной любви индийцев к невероятным числам: пандавы сумели собрать семь акшау-

хини, кауравы — одиннадцать. Если учесть, что акшаухини исчислялось в 21 807 колесниц, столько же слонов, 65 610 всадников, 109 350 пеших воинов, то станет ясно, что пандавы собрали под свои знамена полтора миллиона человек, их противники — почти на миллион больше. Не говоря уж о слонах — водись их столько в Индии, там не осталось бы даже и клочка джунглей.

Шли дружины из всех концов Индии, возглавляемые великими царями, в том числе Кришной — едва ли кто подозревал, что это принявший человеческое естество и обличье бог Вишну. Во главе грандиозных армий стали пять братьев-пандавов, сильнейшим из которых считали Арджуну, и сто кауравов, возглавляемых мудрым Бхишмой, дедом и в прошлом наставником пандавов и кауравов; в этой армии сильнейшим из воинов был Карна, тоже пандав, но незаконнорожденный, оскорбленный своими братьями и потому выступающий на стороне врагов.

Бесчисленные колонны сошлись на равнине Курукшетра. Страшные знамения предшествовали кровавой битве. Сменялись ожившие лики статуй богов, на свет появлялись звери о двух головах, вода в реках обратилась в кровь.

Но предзнаменования не испугали людей. Поутру по разным концам неохватной равнины выстроились две громадные армии, где слоны едва ли уступали в числе колесницам, колесницы — лишь в малом конным воинам, всадники мшались с массой бесчисленных пехотинцев. Переливались роскошные доспехи, грозно сверкало оружие, оглушительно ревели трубы, которые заглушались трубным ревом слонов.

Окинув взором бесконечные ряды вражеской армии, дрогнул сомнением даже бесстрашный Арджуна, признавшись своему возничему Кришне, что не может поднять рук на родичей. Но бог доказывает герою, что он обязан выйти на битву: «Приняв во вниманье свой долг, не нужно тебе колебаться, ведь для кшатрия лучше нет ничего иного, чем справедливая битва... Если же ты справедливого боя не примешь, ты согрешишь, изменив своим долгу и чести. Говорить станут все о твоём вечном позоре. А бесчестие славному — горше смерти. Великие витязи будут думать, что ты отказался от битвы из

страха; ты, кого некогда чтили, станешь для них презренным». А те, кого Арджуна страшится поразить оружием, уже мертвы, ибо судьба их определена.

Ужасна была первая битва. Воины горами тел устлали землю, падали, пронзенные стрелами, ударами топоров и мечей, сшибаемые конями и колесницами, швыряемые прочь пружинами слоновьих хоботов. Гигантская армия кауров выдержала первый натиск и сама перешла в наступление. И могучее всех остальных был великий, испытанный во многих сражениях Бхишма, воспитатель обоих родов героев, повергший многих пандавов.

И на второй день сражения Бхишма остановил наступление пандавов, устоявши против самого Арджуны. Так изо дня в день сходились на поле неистощимые армии, поочередно торжествуя удачу, но не победу. Уже сражались не только люди, слоны и кони, но даже ракшасы, ужасающие обликом и силой. И не могли пандавы никак одолеть могучего Бхишму, покуда Кришна, стоявший возницей на колеснице Арджуны, не придумал коварную хитрость. Зная, что Бхишма презрит поединок против неравного ему героя, он предложил направить супротив воеводы витязя Шикхандина. Некогда этот сын царя Друпады появился на свет девой, но, желая подобной судьбы, взмолился богам и получил от них мужество. Шикхандин выпустил во вражьего предводителя три стрелы, однако тот не пожелал отвечать силой оружия, клеймя противника презрительными словами. Тогда Шикхандин и пришедший к нему на помощь Арджуна принялись осыпать Бхишму «тяжелыми ядрами, престрашными трезубцами, секирами, булавами, палицами, дротами, метательными снарядами всяческими, стрелами с золотым оперением, дротиками... огненными снарядами», все сильнее и сильнее рая старого воина.

Истекая кровью, тот рухнул на землю. Битва немедленно прекратилась, пандавы и кауравы собрались вокруг умирающего деда. Теряя последние силы, тот попросил Арджуна: «Подопри стрелами мою голову». Арджуна, пуская стрелу за стрелой, исполнил это желание. Потом новой стрелой Арджуна выбил из земли родник подле губ Бхишмы: полководец напился чистой воды и объявил, что умрет через двадцать

дней, — боги даровали Бхишме способность самому определить день своей смерти.

После гибели еще одного предводителя кауравы уговорили встать во главе армии Карну, «что мощью равен был льву или слону, шею имел, как у быка, а также подоился быку поступью, голосом и взглядом». Умелый в обращении с оружием, Карна стрелял из лука с такой быстротой, что «сотнями срывались, подобно пчелиным роям, потоки стрел, причем острие каждой из них касалось оперения предыдущей». Карна был противником, равным Арджуна, а свидетели его воинского искусства даже полагали, что он превосходит соперника. В отличие от большинства героев, Карна был благороден, он несколько раз щадил побежденных им в поединках пандавов, ибо дал обещание своей матери Кунти не убивать братьев, кроме Арджуны. Карна вывел войско на новую битву, ужаснейшую, чем прочие.

Струились реки крови, ожесточение достигло предела. Пандава Бхима поразил палицей каурава Духшасану, жестоко оскорбившего жену пандавов Драупади (одну на пятерых — о нравы!) и, памятуя о своей клятве страшно отомстить ему за оскорбление Драупади, рассек поверженному горло и принялся жадно глотать его кровь, причем «пил жадно и долго, бросая вокруг свирепые взгляды».

И наконец настал миг решающего боя между величайшими из врагов. В этот миг все живые существа — боги и демоны, змеи и птицы, животные хищные и травоядные — разделились, заняв сторону одного из противников. Каждый из витязей рассчитывал на свое сверхоружие: Карна — на «полные жгучего яда стрелы», Арджуна — на оружие «Анджалика», «шестикрылое, в три локтя», — стрелу, от которой нет спасения даже богам.

Колесницы сблизились на расстояние выстрела. Карна, лучший из всех стрелков, положил на ложе лука губительную стрелу, оттянул тетиву и разжал пальцы. Но Кришна, уловив неуловимое движение тетивы, ударил в дно колесницы, отчего та по ступицы увязла в земле, а стрела миновала цель, лишь сорвав золотой венец с головы героя Арджуны. В ответ тот начал посылать стрелу за стрелой, на куски разбив золоченый доспех Карны. Кони каурава метнулись с накатанной колеи

и увязли в песке по самые ступицы — свершилось проклятье, назначенное Карне: он будет уязвим лишь тогда, когда его колесница утратит свой бег.

Карна бросился с колесницы, изо всех сил уперся ногами в землю, пытаясь выдернуть увязшее колесо. Тем самым он подставил Арджуне свою спину и кричал, заклиная врага, чтобы тот подождал, пока каурава не выдернет колесо — и тогда герои продолжат бой снова на равных. Но Арджуна, желая закончить с кровопролитием, не внимал призывам к благородству. Возложив на лук Гандиву смертоносную стрелу, пандавы снес Карне голову.

На следующий день войско кауравов было добито, жалкие остатки его бежали прочь. Пандавы обнаружили неприятельского предводителя царя Дурьодхану и бросили ему вызов на поединок против любого из них. Дурьодхана принял вызов, выбрав в качестве оружия палицу, какой владел лучше прочих. Биться против него вышел царевич Бхима, также умелый во владении палицей. Противники сошлись посреди кольца, образованного пандавами. Дурьодхана нанес Бхиме страшный удар, но получил в ответ сильнейший. Противники описывали круги, стараясь занять удобную позицию, и непрестанно поражали друг друга палицами. Победа клонилась на сторону то одного, то другого. Дурьодхана сокрушающе поразил Бхиму в голову. Чувствуя, что вот-вот потеряет сознание, царевич нанес недругу запрещенный удар — ниже пояса, раздробив Дурьодхане оба бедра. Оставив умирающего, пандавы удалились. Уже ночью Дурьодхану нашел самый яростный из кауравов герой Ашваттхаман. Оплакав царя, герой обещал отомстить врагам.

Истомленные многодневной битвой, пандавы почивали мертвым сном, не выставив вокруг лагеря караулов. Убедившись в том, что вражеский стан спит, Ашваттхаман сотворил молитву Шиве, извечному сопернику Кришны-Вишну. И тут ему явилось ужасное существо. Ашваттхаман тщетно пытался поразить его всем оружием, какое имел при себе, пока не убедился, что пред ним — Шива. Герой преклонил пред богом колена, моля о помощи, и Шива призвал к себе ужасную рать демонов.

После этого он вошел в тело Ашваттхамана, и они, бог и герой в одном теле, подступились к спящему лагерю и начали разить недругов. В стане пандавов поднялась паника. Победители решили, что это гигантский ракшас проник в лагерь. Обезумев от страха, пандавы убивали друг друга, падали под ударами беспощадного меча Ашваттхамана. За человечиною в лагерь пандавов стаями ринулись страшные слуги Шивы — ракшасы и пищачи, питающиеся людской плотью:

Страстные, с кривыми клыками, с утесоподобными зубами,
Патлатые, длиннобедрые, пятистошные, большепузые, о раджа!

С вывороченными назад длинными, безобразными
пальцами, с хриплыми голосами,
Страшилища с посиневшими шеями, с привязанными
звенящими бубенцами;

Очень свирепые, совсем ничего не щадящие,
отвратительные видом
С детьми и женами ракшасы разнообразных обликов
там виднелись.

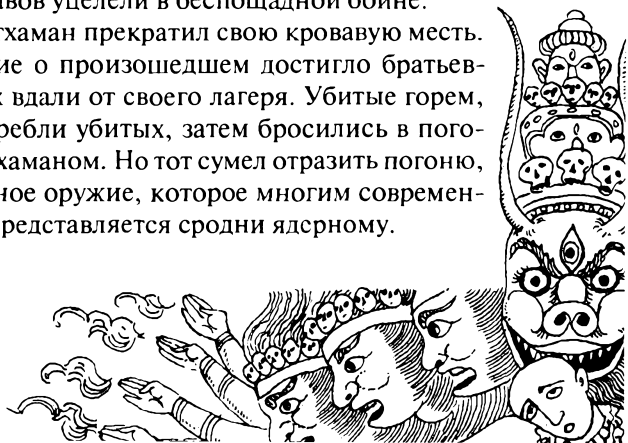
Одни пили кровь, другие столпились в пляске,
«Вот превосходно! Вот свежинка! Вот так сладь!» —
так восклицали,

Жир, костный мозг, кровавые кости животных
в изобилие пожирали,
Кровавой пищей живущие, они жрали остатки.

Жуткий пир длился до самого рассвета, и лишь считанные витязи из армии пандавов уцелели в беспощадной бойне.

С рассветом Ашваттхаман прекратил свою кровавую месть. Тем временем известие о произошедшем достигло братьев-пандавов, ночевавших вдали от своего лагеря. Убитые горем, герои оплакали и погребли убитых, затем бросились в погоню за убийцей Ашваттхаманом. Но тот сумел отразить погоню, пустив в ход диковинное оружие, которое многим современным исследователям представляется сродни ядерному.

На этом и завершилась битва при Курукшетре, в которой ни один из противников не одержал победу. Спустя годы погиб Кришна — человеческое воплощение бога Вишну. Нечаянная стрела охотника поразила лежащего Кришну в пятю. Пятеро пандавов отправились в дальнее странствие — к священной горе Меру. Достиг рая один лишь герой Юдхистхира, принятый в обитель богов. Этим и была подведена черта Героическому веку индийских ариев с его невероятной гиперболизацией, причудливым перемещением классической эпики и позднейшей религиозной этики, исказившей изначальную канву сказания, но отнюдь не умалившей его художественную ценность.

Сородичи индоариев арья также имели свою великую Героическую эпоху, запечатленную многими преданиями, из которых, увы, дошли до нас только поздние.

В Авесте упоминаются лишь несколько эпических персонажей. Первый из них и знаменитейший — Керсаспа — герой, стройных коней имеющий, поразивший рогатого ядовитого змея Сэрвару с зубами «длиной в человеческую руку» и неких «златопятого Гандарву» (очевидно, дракона) и «каменнорукого Сनावидуку». Еще Керсаспа прославился как обладатель «косматой дубины» и истребитель многих врагов-туранцев. Еще одного дракона прикончил герой Траэтона. Царь Кави-Хаосрава многократно громил туранцев, а перед смертью удалился в гору и был взят Ахурамаздой на небо.

В принципе, это все. В основном иранская эпика знакома нам по более поздним источникам — средневековым поэмам, самой грандиозной из которых является «Шахнаме» Фирдоуси — еще один великий эпос.

Фирдоуси поставил целью создать эпическую историю Ирана — от первых до последних царей; но историю не царей, а именно героев, ибо цари занимают в этой истории особое место, лишь когда начинают искать славу не в богатстве, а в подвиге.

В «Шахнаме» можно найти полный набор героических аспектов и сюжетов.

Кеюмарс, первый из царей, он же первый человек, с помощью сына Хушенга победил черного дива, потом сам взшедший на престол Хушенг — дракона, третий из царей, Тах-

мурес — поразительно поэтическое имя «Отважная лиса, носящая шкуру!» — одолел самого Ахримана.

В те времена к западу от страны арьев (конкретно в Иерусалиме — сколь изящен перенос эпической традиции на исторические реалии!) правил Зохак, овладевший тронем через отцеубийство. Он захватил трон Ирана и, как мы уже знаем, царствовал тысячу лет, кормя выросших из плеч змей мозгом умерщвляемых юношей.

После многих перипетий его одолел Феридун (Траэтона), который

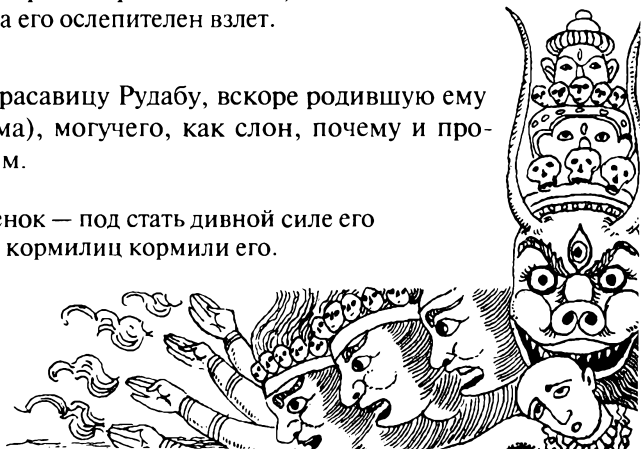
...необоримой своей булавой
Рассек на сопернике шлем боевой.

Феридун принял престол Ирана и счастливо правил долгие годы. Ему в конце концов — после уже известной нам истории с тремя старшими сыновьями — наследовал Менучехр. В его правление родился богатырь Заль, с самого появления на свет поразивший персов своим видом — младенец был белокур, отчего показался людям седым — «Была голова у младенца седа». Отец Сам решил бросить Заля на произвол судьбы и оставил его у подножия скалы. Заля подобрал и воспитал Симорг — чудесная птица. Симорг кормил ребенка одним мясом, отчего Заль вырос необыкновенно сильным. По взрослении Заль был найден и признан отцом, после чего стал правителем Систана (Бактрия). Заль поражал недругов своей мощью и отвагой.

В бою — что морское чудовище он,
В седле — словно мечущий пламя дракон.
Кровавые реки в сражениях льет,
Кинжала его ослепителен взлет.

Заль взял в жены красавицу Рудабу, вскоре родившую ему сына Ростема (Рустама), могучего, как слон, почему и прозванного Мощнотелым.

Рос львенок — под стать дивной силе его
Десяток кормилиц кормили его.

Как время пришло от груди отлучать
И к мясу и хлебу его приучать,
Стал блюд пятьдесят поедать он зараз.

Едва возмужав, Ростем начал демонстрировать свою необоримую силу. Он поразил булавой взбесившегося слона, сумел объездить гигантского коня Рехша. После смерти царя Менучехра Ростем стал главным бойцом Ирана в войнах против соседей-туранцев, которыми верховодил могучий Афрасиаб. Ростем посадил на опустевший престол Ирана царя Кобада, разбил Афрасиаба, едва не полонив его голыми руками, перебил тысячу сто шестьдесят вражеских ратников (гиперболизация, но не такая чудовищная как в «Махабхарате»). Чудом спасшийся царевич Афрасиаб так поведал отцу о Ростеме:

Он — силою слон, а отвагою — лев;
Нет разума в нем, только сила и гнев.
Горы попирая, вершину и склон,
Не конь его мчит, а неистовый слон.
Стократно мы в шуме грозы боевой
Разили того седока булавой.
Сказал бы, он весь из свинца сотворен,
Иль он из железа, иль каменный он.
И горы, и воды, и львы, и слоны
С пути его были бы вмиг сметены.
Он будто на лов гнал коня своего,
Казалось, сраженье — игра для него.

Туранцы запросили мира, но тут новый иранский царь Кей-Кавус, соблазненный Ахриманом, решил напасть на северных соседей, живших к югу от Каспийского моря. Ростем отказался принимать участие в несправедливой войне, иранцы были разбиты, царь и его полководцы пленены. Тут, однако, Ростем решил выручить неразумного царя и отправился в путь.

В дороге он на пару с Рехшем совершил множество подвигов — «семь приключений Ростема»: конь убил напавшего на него гигантского льва, помог Ростему сразить дракона. Потом Ростем умертвил коварную колдунью, явившуюся пред его очи в облике прекрасной девы, взял в плен витязя Авлада, победил великана-дива Эрженга, оторвав тому голову, убил

Белого дива (полный набор врагов эпического героя: лев, дракон, колдунья, богатырь, дивы). Потом следовали бесчисленные победы над многочисленными врагами-людьми — туранцами, извечными недругами Ирана.

Красавица туранка родила от Ростема Сохраба (Сухраба), поражавшего воображение людей уже в младости:

Лишь месяц младенцу, а кажется год.
В три года о грохоте битв он мечтал;
На пятом отвагой героя блистал;
А в десять уж был он сильнейшим в краю,
Никто не дерзал с ним тягаться в бою.

Возмужав, Сохраб возглавил туранцев в войне против Ирана, захватил Белую крепость, защитники которой ушли через подземный ход. Сохраб побеждал иранцев до тех пор, пока не столкнулся с Ростемом, не зная, что тот — его отец (мотив: бой отца с сыном). Первый поединок не выявил победителя.

Во второй раз сын одолел отца, повалил его наземь и хотел обезглавить, но Ростем убедил противника, что настоящий боец не вправе при первой победе добивать поверженного и должен отложить сведение счетов до следующего успеха. Ну что сказать — этика классического героя, не чуждающегося коварства!

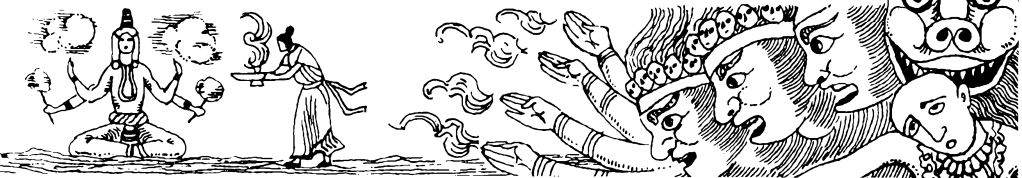

Но в третьем сражении верх взял Ростем. Умирая, Сохраб пригрозил своему убийце, в прошлый раз прибегнувшему к обману:

Найдется кому среди воителей снести
Ростему, бойцу знаменитому, весть:
Сохраб в поединке повергнут во прах,
Он умер со словом — Ростем — на устах.

Узнав, что убил собственного сына, Ростем впал в великую печаль, а мать Сохраба покончила с собой.

У Кей-Кавуса от одной из младших жен был сын Сиявуш. Его попыталась соблазнить старшая жена Судабе, а получив отказ, обвинила юношу в изнасиловании (мотив Грозной Матери в аспекте мачехи). Сиявуш путем испытания оправдыва-

ется и возвращает доверие отца. Потом закручивается интрига с туранским двором — Сиявуш пытается выступить своего рода посредником между родственными ему царскими домами, но, вновь оклеветанный, уже в Туране, погибает от руки палача. Уже после смерти Сиявуша рождается сын, будущий царь Ирана Кей-Хосров.

Мстя за гибель Сиявуша, иранцы захватили Туран. Ростем правил здесь семь лет, жестоко разоряя туранскую землю. Опасаясь мести туранцев, сын Сиявуша Кей-Хосров бежал в Иран и вскоре становится иранским царем. Он собирает громадное войско, намереваясь отомстить за смерть отца.

Долго длилась война: сходились в сражениях бесчисленные армии, иногда — в личных поединках лучшие из богатырей. Во многих битвах иранцы сломили гордость врагов. Злой царь-колдун Афрасиаб бежал, но был настигнут; Кей-Хосров лично казнил злодея, повелевшего убить отца.

После смерти Афрасиаба Кей-Хосров помиловал его детей и вручил власть над Тураном сыну поверженного врага. Потом в сопровождении восьми самых доблестных рыцарей он удалился прочь. В одну из ночей он исчезает (мотив исчезновения), предупредив перед тем героев, что приближается метель. Трое из них, в том числе и Ростем, вняв предостережению, уходят прочь, пятеро погибают в снегах. Уход Кей-Хосрова и большинства его богатырей из брэнного мира символизировал закат героической эпохи (мотив ухода богатырей).

Принявший власть Лохрасп добровольно передал ее доблестному сыну Гоштаспу (авестийский Виштапса) и удалился в Балх. Вскоре Гоштасп ласково принял проповедника Зардушта (Заратустру), что вызвало негодование приверженных отчей вере туранцев. Большое туранское войско вторглось в Балх. Лохрасп вывел навстречу свою дружину и пал в честном бою.

Гоштасп проявил себя отважным героем еще до принятия короны, когда, рассорившись с отцом, покинул родину и поселился в Руме. Здесь он убил гигантского волка с рогами и клыками слона и дракона, отчего вошел в милость к румскому кейсару. Позднее, уже увенчанный славой, он принял царский венец.

При Гоштаспе началась новая большая война с туранцами, недовольными проповедью Зардушта. Главным героем в этой войне было суждено стать сыну Гоштаспа богатырю Исфандиару («Созданный благочестием»). Образ Исфандиара происходит от авестийского героя Спентодата, утверждавшего зороастризм в Бактрии. Впоследствии Исфандиар — один из основных борцов за веру.

Исфандиар удивительно похож на Ростема — даже одно из прозвищ его «Бронзовотелый», — и потому неудивительно, что судьбы героев в будущем пересекутся. Невероятно могучий, он уже в юности совершил немало подвигов, отчего отец, по наветам завистников, заподозрил его в намерении завладеть царством и заточил в замке, где Исфандиар был прикован цепями к четырем столбам.

Но когда туранцы вновь вторглись в пределы Ирана, не нашлось никого, кто решился бы возглавить войско, и Гоштаспу пришлось вступить в переговоры с сыном. В конце концов Исфандиар уступил и с отрядом храбрецов отправился в поход на Туран. В пути на семи привалах Исфандиар совершил семь подвигов (ср. семь подвигов Ростема): сразил двух громадных волков, затем двух львов и дракона, убил уродливую колдунью, принявшую облик прекрасной девы, одолел гигантскую птицу Симорг. Потом иранцы преодолели снежный перевал и переправились через бурную реку.

Далее начинается тысяча и одна ночь. Понимая, что ему не взять хорошо укрепленный неприятельский город, Исфандиар прячет в сундуках самых отважных воинов и под видом купца проникает за стены. Наутро его войско подступает к городу, туранские полки выходят навстречу, а диверсионный отряд Исфандиара оставляет укрытия и бросается ко дворцу. В схватке Исфандиар лично победил и обезглавил туранского царя, а потом иранское войско произвело страшное опустошение, без жалости истребляя и стариков, и детей.

В гордыне от свершенных подвигов, Исфандиар начал просить отца уступить ему царский престол. Опасаясь отказать сыну в открытую, Гоштасп поставил условием привести к покорности Ростема, правившего Систаном, — тот, дескать, ведет себя слишком независимо в отношении владыки Ирана:

Исфандиар должен был заковать Ростема в оковы и представить пред очи царя.

Скрепя сердце, Исфандиар согласился исполнить задание. Поначалу богатыри попытались решить дело миром, но договориться не смогли, и Исфандиар принялся поносить предков Ростема. Возмущенный герой закричал гостю: «Умолкни!», схватил его за руку и стал рассказывать о своих подвигах.

Сжал руку так крепко, что из-под ногтей
Царевича хлынул кровавый ручей.
Лицо его мукою искажено,
И стало багровым от боли оно.

В ответ Исфандиар пригрозил поразить Ростема в поединке или приволочь его к отцу как раба. Примирение сделалось невозможным: не помогли и увещевания, с какими обратился к Ростему его отец Заль, а к Исфандиару — его наставник Петушен.

Наутро витязи — старый и молодой — сошлись в поединке (мотив поединка отца с сыном). Если бы Ростем не был стар, еще неизвестно, кто взял бы верх в этом сражении, но молодость оказалась сильнее. Исфандиар изранил Ростема стрелами и погнал его прочь, насмехаясь. Старику не оставалось иного, как укрыться на вершине близлежащей горы. Он не без труда убедил ликующего Исфандиара прекратить бой, чтобы продолжить его поутру.

Ночью в стан Ростема прилетела чудесная птица Симорг, которая исцелила и самого богатыря, и его верного скакуна Рехша. Симорг подсказала герою, как победить неприятеля. По совету чудесной птицы Ростем изготовил стрелу с двумя наконечниками, какой можно было поразить сразу оба глаза — именно глаза были единственно уязвимым местом могучего Исфандиара.

Уже сойдясь в бою, Ростем пытался убедить Исфандиара закончить вражду миром, говорил, что он готов объяснить перед царем, но юный герой, хоть и был поражен внезапным исцелением-возрождением ветерана, требовал полной покорности. Ростему ничего не оставалось, как сделать роковой выстрел. И...

Двужалая в очи вонзилась стрела
Герою, и тотчас застлала их тьма.

Умирая, Исфандиар примирился с Ростемом и завещал ему свергнуть с престола отца Гоштаспа, которого обвинил в своей смерти, и посадить на трон Бехмена, своего брата.

Победа над Исфандиаром стала последней в череде славных дел Ростема. Вскоре судьба уготовила ему гибель. Ростем потребовал условленной дани от владыки Кабула, чьим зятем был его собственный брат Шегад. Озлобленный на непреклонность брата, Шегад решил погубить его. Для этого выкопали в долине подле реки множество ям, утыкав их дно мечами и копьями. Устроив западню, коварный владыка Кабула предложил Ростему поохотиться. Рехш, почувяв опасность, не хотел идти к реке, но Ростем ударил его плетью.

Конь и всадник рухнули в яму. Пронзенный множеством стальных жал, Рехш умер сразу, но Ростем сумел выбраться из западни. У него были пробиты нога и грудь, он истекал кровью. Шегад начал глумиться над братом, но у Ростема хватило сил натянуть тетиву. Напрасно коварный брат пытался спрятаться за стволом дерева. Первой стрелой Ростем прищипил негодяя к стволу, а второй лишил его жизни.

Сыновья отомстили врагам за смерть Ростема. Вскоре умер Гоштасп, и на престол вступил Бехмен. И уже недалек был век Дары — царя Дария, на которого шел войной Искендер. Это уже была история, которую потомки, однако, все еще пытались обратить в манящую первозданной чистотой и яростью легенду.

Эллины, арии, арья — многоликие и так похожие друг на друга. Они были великими героями, достойными великих преданий. Бесспорно, что во всех этих преданиях лишь крохи исторических реалий, но и эти крохи, искаженные веками, позволяют понять, прочувствовать душу, характеры, стремления людей, живших единственно во имя подвига, во имя славы, а уж только потом — богатства и власти.

Глава 10

Заплутавшие в джунглях

Мы распрошались с благословенным Индостаном в тот самый миг, когда свершился переворот в сердцах ариев — они отказались от древних традиций, от сокровенного общения с миром ради обретения новых истин. Кочевники обратились в земледельцев, воины — в обывателей, визионеры — в философов.

Невиданно изобильная природа Индостана способствовала тому. Требовалось немного усилий, чтобы обеспечить себе существование, невиданное в представлении варвара. Не было нужды отстаивать свой кусок и кров, ведь все это давалось по меркам той эпохи легко. Появилось время — не те его крохи, дабы вознести мольбу милосердным богам, но достаточно, чтобы раскинуть мозгами по поводу мироустройства, вышней сути богов, наконец, собственной сути.

Древние боги при этом становились все более и более чуждыми. Они уже не соответствовали новому человеку, который из просто разумного превратился в когитарного — мыслящего. И арии, к тому времени впитавшие кровь коренных народов и забывающие собственные истоки, начали принимать абстрактные истины и такое же абстрактное вышнее, которое лишь условно можно было назвать богом.

Над богами восстал Бра'хман*. Что такое или кто такой Брахман — определить никто так и не взялся. Ясно лишь, что это — наивысший, абсолютнейший Абсолют, какой только можно себе вообразить. Брахман вездесущ, всепроникающ, бесконечно велик и бесконечно мал, независим от прошлого и будущего, вмещает в себе всю множественность бытия и небытия, пространство, время, взаимосвязи вещей, сами вещи, и все боги — не более чем проявления Брахмана.

Потом выдумали Атман, нечто вроде Брахмана, но на личностном уровне, — если угодно, субъективное начало. Заодно арии ввели в оборот массу иных полезных абстракций: карму и тапас, каму и буддхи.

* Следует различать Бра'хман — вышнее начало, брахма'н — жрец.

Пряный запах джунглей дурно влиял на еще недавно практичные и здравые умы, порождая философские химеры. Росли нигилизм и пессимизм. Людей не устраивали прежние культы. Лишь избранные верили в Брахмана — их вера была возвышенна, но была скорее стремлением к вере, нежели самой верой. Те же, кто не находили мудрости и душевных сил уйти от мирских соблазнов и продолжали поклоняться старым добрым богам, все менее удовлетворялись обрядами, предлагаемыми жрецами. Вера в силу жертвоприношения падала. Уничуждался авторитет брахманов, все более воспринимаемых сомневающимися шарлатанами. Их корыстолюбие, стремление властвовать не только над душами, но и над телами порождали негодование. Страх и пассивное неприятие вызывала практика пурушамедху — жертвоприношения человека.

Нравственный кризис, метастазами пронизавший общество, порождал пессимизм, который затмит солнце Индии на многие века. Пессимизм, в свою очередь, вел к двум крайностям — к аскетизму с одной стороны, и, как противодействие, к гедонизму с другой. Именно в это время появляются первые атеисты. Да, соглашались они в духе времени, жизнь далека от совершенства, но это вовсе не повод для пессимизма. Ведь жизнь — единственное, что есть у человека, за ней — ничто, тьма. Ведь и мудрый, и глупый, когда тело разрушается, одинаково погибают, не имея даже надежды на будущее существование. И потому совершенно никчемны размышления о какой-то там карме, искуплении бесконечной судьбы добрыми делами. Смысл жизни заключается в одном — наслаждаться ею, этой самой жизнью.

Пока жизнь еще ваша — живите радостно:
 Никто не может избежать пронзительного взгляда смерти;
 И раз уж этот взгляд все равно испепелит наш остов,
 То как он сможет когда-либо снова возродиться?

Сарвадаршанасанграхи

Адживики и деитти, чарваки и локаяты, настики и пашанды — как бы эти жизнелюбы ни именовались, — все они отвергали Бога-Брахмана, не признавали ведических богов, веруя лишь в нияти — судьбу, определяющую все сущее до мельчай-

ших деталей. Реальным и единственно заслуживающим внимания признавалось лишь наслаждение, а целью жизни — сама жизнь.

Суровые отшельники, ревнители строгой аскезы и высоких моральных принципов яростно порицали жизнерадостных гедонистов, но серьезной конкуренции им составить долго не могли. Не могли до тех пор, пока на арену зарождающейся истории не начали выходить открыватели новых истин, «искатели брода» тиртханкары, предлагающие в поисках новых путей в борьбе за вечное существование возвратиться к идее циклического времени.

В Магадхе, на северо-востоке Индии, зародился джайнизм, изначально — религия воинов, основателем которой считается Вардхамана, впоследствии прозванный Великим Героем — Махавирой. Своим агрессивным отношением к брахманам и богам джайны были близки к нигилистам, но они начисто отрицали гедонизм, проповедуя йогу — нравственную и физическую аскезу во имя постижения истины. О джайнах можно говорить много — учение и адепты весьма заняты, но едва ли в том есть смысл в эпоху Интернета. Вставлю лишь пару маленьких замечаний.

1. Джайнистские монахи не просто брили волосы на голове, но выдирали их с корнем. Страшно даже вообразить, не то чтобы попробовать на собственной маковке!

2. Занятно представить себе такого лысого джайна, разметавшего веничком дорогу перед собой, дабы, не приведи Брахман с Атманом, не раздавить какого-нибудь замешкавшегося мураша, ибо сделать это есть величайший грех — химса, ведь ты можешь раздавить своего предка или недавно скончавшегося собрата-джайна.

3. В силу сверхбережного отношения ко всему живому джайны не занимались ни скотоводством и земледелием, ни уж тем более рыбной ловлей или — о ужас! — охотой. Потому-то они приватизировали для себя торговлю, ювелирку и ростовщичество. Самые милосердные обитатели Индии сделались заодно и самыми богатыми, которыми остаются и по сей день. Чисто индийский парадокс!

Одновременно с джайнизмом поднялось на ноги еще одно учение — его также трудно представить религией, хотя тако-

вым оно все же признается. Биографию Будды пересказывать нет смысла: принц, страдательные знамения, сорокалетняя проповедь, дичайший пессимизм, авидья, карма, сансара, виджняна, мокша, нирвана...

Будда по прошествии последнего перевоплощения отправился в паринирвану, нечто вроде личной нирваны, не претендуя на бренность бытия, однако почитатели вот так за просто его не отпустили, объявив дэватидэва — небесным властителем над небесными властителями. Были воздвигнуты сотни и тысячи, тысячи тысяч статуй Будды, его изречения объявлены догмой: «Небо может опрокинуться с луной и звездами, земля может подняться с горами и лесами, океаны могут высохнуть, но слова Будды останутся верными».

Но ни буддизму, ни тем более джайнизму не удалось в полной мере овладеть душами ариев. Джайнизм мог сделаться религией воинов, но далеко не каждый и даже мало какой воин склонен к аскезе, ибо полная опасностей жизнь предполагает ее краткость, что вызывает желание хлебнуть из чаши наслаждений, дабы забыть о военных тревогах и испытаниях. И в такую минуту не хочется предаваться печальным раздумьям о несовершенстве мира, фатальности кармы и посыпать тело пеплом, заявляя тем самым об отречении от бренного бытия. Нет, кшатриям была чужда аскеза, и потому проповедь Махавиры тронула сердца немногих избранных.

Воздействие буддизма оказалось сильнее. Оно не походило на эффект разорвавшейся бомбы, но благодаря апостолам Будды и в еще большей степени благодаря императору Ашоке буддизм со временем обратился в лавину, подмявшую под себя многих богов и многие культы. Но буддизм проповедовал бездействие как средство освобождения, достижения нирваны, а бездействие — удел избранных. Если каждый будет бездействовать, кто положит горсть риса в миску монаха или напоит молоком младенца? Жизнь прекратится, но лишь человеческая жизнь, и тогда не достигшие Просветления вынуждены будут смириться с телами не брахманов и даже не чандал, а тигров, змей и пауков. Да и государство не слишком одобряло идею бездействия, ибо любое государство сильно именно созидательной деятельностью людей, его населяющих. Так что буддизм бесспорно торжествовал лишь при Ашоке и,

достигнув невиданного расцвета, в последующие века неприменно, но неизменно сдавал свои позиции. Тем более что было кому сдавать.

Вопреки кажущемуся абсолютному торжеству религий тиртханкаров, им ни на мгновение не удалось полностью затмить исконные верования обитателей Индостана — как ариев, так и дасью. Эти верования отступали, отходили в тень, но никогда не были побеждены. Ведийские культы имели обширный круг почитателей, и, если эти почитатели разочаровывались в могуществе древних богов, они были далеки от того, чтобы отвергнуть саму суть религии — веру в благодетельных покровителей, уступая течению времени лишь трансформацией этой веры. На основе ведийских культов зарождались блестящие философские учения и замысловатые этические системы, со временем объединившиеся в эклектическую религию — индуизм, наследовавшую брахманизму.

Скрижалями новой религии стали не гимны и не философские толкования, а чудесные, яркие, по-восточному изысканные, изощренные сказания — эпические поэмы «Махабхарата» и «Рамаяна».

Последняя, сравнительно небольшая по объему, но очень цельная, излагала историю борьбы сил добра с «дьяволом» индийской мифологии демоном-ракшасом Раваной, что обрел невиданную силу и подчинил себе все существа — от богов до подземных тварей, исключая людей, которых Равана счел слишком слабыми, чтобы быть опасными ему. Тогда благостнейший из богов Вишну воплотился в аватару Раму и победил злокозненного ракшаса. Прекрасная сказка со всеми присутствующими атрибутами и без намека на этику и уж тем более на глубокую философскую мысль.

Иное дело «Махабхарата», с героями которой мы уже познакомились. Нет смысла еще раз пересказывать все перипетии этой поистине грандиозной истории, напомним лишь, что «хорошие» пандавы перебили в битве при Курукшетре «плохих» кауравов, чем прогневили покровительствовавшего последним бога Шиву. Тот вошел в уцелевшего в сражении каурава Ашваттамана и отыгрался на победителях, истребив их в нападении на спящий лагерь почти всех. Пятеро уцелевших братьев-кауравов двинулись на поиски высшего

рая Индры, достичь которого удалось лишь герою из героев Юдхиштхире. Такова основная канва, в которую вплетены многочисленные легенды, притчи, поучения, не имеющие прямого отношения к сюжету, но раскрывающие доктрину бхагаватизма — религии, напрямую предшествующей христианству, а гуманизмом своим превосходящей учение Церкви Христовой.

В чем же суть этой доктрины?

Мир создан и управляем Богом, но это не Брахман, а индивидуализированное божество Ишвара, выступающее под именами Вишну, Шивы, Кришны.

А что же старые боги? Какие-то пережили крушение — это прежде презренные божества презренных дасью; другие превратились в кшудрадевата, буквально «богов-слуг», способных дать материальные блага, но не освобождение. Индра — ничтожный божок, уступающий в могуществе даже аскетам-карликам. Яма отныне не символизирует смерть, обращаясь в судью-дхармараджу. Ваю и Варуна совершенно лишены престижа...

Боги умерли? Отнюдь. Напротив, боги вернулись. Человек не нашел исхода из богов. Человек не нашел исхода из смерти. Нирвана оказалась недостижимой для человека толпы. И тогда человеку пришлось искать путь к Богу, которым и стал Бхагават, чаще всего выражаемый двумя популярнейшими индуистскими божествами, обретшими власть и могущество в I тысячелетии до н.э., — Вишну и Шивой.

Именно с их становления начинает свой отсчет индуизм. В отличие от буддизма с его привлекательной этикой, индуизм был ярок, подобно ослепительному павлину на фоне неказистой птахи. Он не исповедовал беспросветный пессимизм, обещая просветление и спасение каждому. И потому он был с ликованием принят мятушимся, разуверившимся в торжестве нирваны человеком.

Первый из богов индуизма, Вишну почитался уже в эпоху Вед. Впрочем, его роль была в ту пору невелика. Но с течением времени могущество ведийских богов начало клониться к закату, а вот Вишну, напротив, обретал все большую силу, вбирая в себя культы других божеств. Утвердившись в Матхуре, почитатели Вишну постепенно распространяли культ своего

божества на соседние земли, при этом подпитывая арийского бога кровью автохтонных божеств.

Вишну виделся индуистам настоящим совершенством. Он безмерно красив: четырехрукий, синеконный, в ярком венке. Вишну — первопричина мира. Это именно он, Вишну-Нараяна, спит на тысячеголовом змее Шеше в первозданном океане, и во время сна из пупа Вишну вырастает лотос, из которого появляется Брахма, проявляющий мир. По сотворении мира Вишну пробуждается и правит им до тех пор, пока не наступает пралайя, и Вишну вбирает в себя весь этот мир, чтобы после освежающего, дарующего силы сна дать толчок к появлению мира нового.

Как бог, вобравший в себя множество культов, Вишну многолик. Он — создатель, поддерживатель, охранитель мира. Суть Вишну как спасителя проявляется в десяти воплощениях-аватарах, олицетворяющих основные ступени развития мира.

Первая аватара Вишну — рыба-матсья. Именно в таком обличье явился бог к праведнику Ману, предупредив его о потопе, а затем, спасши в бушующих волнах корабль с Ману и его семьей, а заодно семью великими риши, что заложат основы нового мира.

Вторая аватара Вишну — черепаха-курма. Обратившись в гигантскую черепаху, Вишну дал богам точку опоры для пахтания океана, что помогло им вернуть утраченные во время потопа сокровища, в первую очередь дарующую бессмертие амриту.

Третья аватара Вишну — вепрь-вараха. В этом облике бог низошел на землю для борьбы с демоном Хираньякшей, погрузившим земную твердь на дно океана. Вишну убил демона и вернул землю на отведенное ей место, выступив в роли спасителя и строителя сразу.

Четвертая аватара Вишну — человек-лев (нарамсинха). В этом странном облике Вишну вступил в борьбу против другого демона, Хираньякашипу, который в награду за аскезу получил от Брахмы абсолютную неуязвимость. Ни бог, ни человек, ни зверь не могли убить его ни днем, ни ночью. Мастер перевоплощения, Вишну напал на злобного демона на закате, выйдя прямо из колонны в облике полульва-получеловека.

Пятая аватара Вишну — карлик-вамана. Это — пересказ древнего ведийского гимна о трех шагах Вишну. Демон Бали посредством аскезы захватил власть над миром и стал угрожать богам. Обернувшись карликом, Вишну попросил у демона в подарок столько земли, сколько он сумеет отмерить тремя шагами. Бали со смехом согласился сделать столь щедрый дар. В тот же миг Вишну обратился в неизмеримого великана и двумя шагами покрыл небо и землю, великодушно не сделав третьего, оставив во власть демону преисподнюю.

Шестая аватара Вишну — Парашурама (Рама с топором). Эта аватара — свидетельство роста могущества брахманов, ибо Парашурама в облике человека выступает на их стороне против кшатриев, двадцать один раз подряд истребляя всех мужчин из этого сословия.

Седьмая аватара Вишну — Рама. Этой аватаре посвящен сюжет «Рамаяны». Низойдя на землю в облике человека, спаситель Вишну в упорной борьбе одолел ракшасов во главе с могучим Раваной.

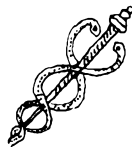
Восьмая аватара Вишну — Кришна.

Девятая аватара Вишну — Будда, последнее воплощение Вишну в прошлом. Индуисты очень ловко использовали враждебный им культ, приспособив для собственных целей и привлекая на свою сторону не устоявшихся в своей вере буддистов. Они объявили, что Вишну сошел в облике Будды на землю, специально чтобы внести в мир заблуждение, испытать людей и сокрушить злые силы.

И наконец, десятая аватара Вишну — Калки, прекрасный всадник на белом коне. Это последнее и будущее воплощение, великий чистильщик мира. В конце настоящей эры Калки с пылающим мечом явится на землю и устроит страшный суд, карая грешников и вознаграждая праведников.

Что это такое — аватары Вишну? Одни ученые видят в них фазы развития мира, проявляющие основные кризисы в истории человечества. Но скорей, они сравнимы с некими событиями-образцами, нечто вроде архетипов. Не наша задача — подробно анализировать это.

Обратим лишь внимание на то, что все началось с рыбы, а закончилось грозным Мессией. Мессия и рыба — не приходит ли на ум известная аналогия?..

Наиболее почитаемая аватара Вишну — Кришна, со временем ставший самостоятельным богом и даже куда более влиятельным, нежели Вишну.

Краеугольный камень кришнаизма — идея бхакти. Бхакти — величайшее открытие индуизма. Это — именно то, благодаря чему индуизм задавил столь совершенный этически буддизм. Впервые в истории человечества была провозглашена бескорыстная любовь, святая привязанность к Богу. Эта любовь дарует спасение. Бог возвещает: «Я обещаю, что тот, кто любит меня, не погибнет». Сила бхакти превосходит силу кармы, последствия прежних деяний могут быть уничтожены посредством бхакти.

Бхакти — высшая любовь, не претендующая на воздаяние. Хотя человек и является объектом постоянной заботы бога, но реально он не вправе рассчитывать на взаимность, ибо такая любовь уже не является Любовью. Академик Смирнов весьма выразительно иллюстрирует это положение догматом бенгальского мистицизма о «бхакти детеныша обезьяны» и «бхакти котенка»: «Детеныш обезьяны в момент опасности активно цепляется за мать, которая и выносит его из беды; котенок даже не осознает опасности и остается пассивным, мать сама заботится о его спасении. Последняя бхакти считается делом избранных и доступной лишь для единиц».

Вот она, истинная любовь, когда ты даже не осознаешь ее как цель и средство спасения, ты просто любишь и веруешь в Него, и тогда Он спасет тебя, не рассчитывающего на спасение, — спасет лишь в силу твоей любви, в силу того, что Он есть твой Отец и твоя Мать.

Расцвет кришнаизма совпал с расцветом буддизма. Именно в этот период окончательно оформилось учение о метемпсихозе, или переселении душ, справедливо считающееся одним из наиболее значимых положений религий, зародившихся в Индии.

Идея переселения душ волновала великие умы и сознание целых народов. О переселении душ размышляли египтяне; тема метемпсихоза занимала величайших мыслителей Греции: Пифагора, Эмпедокла, Платона; по поводу блужданий души рассуждали дети льда скандинавы и галльские друиды. Этой теме не чурались и те, кто обязаны были верить в посмерт-

ное воздаяние, рай и грядущее воскрешение. Каббалисты разработали тезис о гилгул — переселении души. Схожие представления не миновали первохристиан. На переселение души уповали многие христианские секты, во многом именно за эту идею и объявленные еретическими. Манихеи уповали на очищение путем переселения в животных и растения. Идея реинкарнации подробно излагается в «Тибетской книге мертвых».

Но наиболее последовательно теория метемпсихоза проявляется именно в учениях, зародившихся в Индии. Индуисты были богаты на фантазию и решили, что не обязательно возрождаться в человеческом теле, ибо сделать это можно в любой форме... Но, по их мнению, любовь к богу не гарантирует мировоплощения. Куда надежнее достичь цели через аскетизм. Именно этот путь избрали арии. Аскеты, отшельники, учителя-муни составили успешную конкуренцию жрецам. Обладая способностями, кажущимися непосвященным сверхъестественными, они поражали воображение. Аскет-шаман представлялся выше богов, властнее их. Если бог был волен дать человеку лишь богатство, то аскет, властвуя над миром духов, способен был подарить еще и процветание, и власть, и бессмертие. Вынеся многолетнюю аскезу, муни становился господином над богами.

И вот уже упомянутый ракшас Равана, простояв неподвижно, не отрывая взгляда от солнца, пять тысяч лет, требует: «Да буду я неуязвим для асуров и для богов, для птиц супарнов и для змей, для якшей и для рашкасов. Прочих созданий я не страшусь; люди — что былинки перед моей мощью». И боги вынуждены дать ракшасу такую власть и бессильны что-либо противопоставить ему.

Или вот Индра, явившийся, к слову, в качестве поденщика на зов аскета Кашьяпы, оскорбляет ничтожных карликов.

Подобно горе возвышались поленья,
Но Индра, неся их, не знал утомленья.

Тогда мудрецы, ростом с маленький палец,
Свирепому богу навстречу попались.

Духовные подвиги их истожили,
С трудом стебелек они вместе тащили...

Они показались ничтожными богу,
Над ними занес он огромную ногу.

Бхагавадгита

Но могущественные аскезой карлики угрожают непобедимому еще недавно богу, пугая созданием нового Индры. И Индра в страхе отступает, моля о прощении, а история заканчивается поучительным нравоучением аскета:

Почтенны и слабые телом творенья,
Никто твоего не достоин презренья.

Какой бы властью ты ни обладал по праву рождения или подвига, всегда может найтись кто-то превосходящий тебя в смирении и аскезе, а, значит, и власти. Отныне любой может вознестись над кем угодно, даже над богами. Возникает своеобразный культ аскета, который может подчинить своей воле ведических богов...

Со временем аскетизм принял форму йоги — аскезы не просто физической, но и нравственной. Йогину чужда идея бхакти. У него нет потребности в любви к Богу, спасении через любовь. А если она и присутствует, то где-то там, на втором плане. Йогин достигает освобождения через собственное совершенствование, через «претворение себя в бога», самообожествление.

Йога — верх духовного сосредоточения. Йогину присущи глубокая интроверсия, столь почитаемая в Индии и столь чуждая западной культуре, абсолютное равнодушие по отношению к приятному и неприятному, к внешним предметам, отрешенность от вождления и отвращения. Йогин должен следовать заветам Кришны, который учил: от привязанности рождается гнев, от гнева — заблуждение, от заблуждения — гибель.

Если быть последовательным, йога — самый верный путь к бессмертию. Йогин замыкается в себе настолько, что начинает воспринимать себя как целый мир. Йогин осознает не собственную мнимую значимость, а свою глубину, свой макрокосм.

Задача йогина — добиться власти над мировой энергией, праной, — схожа с той, что преследовали рвущиеся к могуществу маны шаманы. В этом отношении йогин — прямой наследник шамана, он и есть шаман, но достигающий цели единственно через аскезу, без использования психоделических препаратов.

Йога дарует овладевшему ею грандиозную силу. Недаром молва приписывает йогину способность к чтению и передаче мыслей, изменению параметров тела, умение перемещаться в любую точку пространства, способность усилием воли выделять из себя информационно-энергетического двойника и т. д. Но, обладая потенциально великой силой, йогин не вправе этой силой воспользоваться, ибо подобное означает отречься от учения, наиглавнейшей сутью которого является избавление от любых влечений, возвращение в исконную чистоту непроявленного эго, отказ от самости, то есть переход из Атмана в равнодушное бесстрастие Брахмана и обретение тем самым абсолютной свободы.

Бог йогинов — Шива, великий, ужасный и благостный бог; бог несказанно многоликий, его нередко изображали с четырьмя ликами, а то и с тысячью глаз. Он и личный бог, и создатель, и судья, и охранитель мира, и истребитель, и беспощадное время.

Как бог аскетов, великий йогин Шива восседает, осыпав нагое тело пеплом аскезы, на тигриной шкуре на самой высокой вершине Гималаев. Бог медитирует, поддерживая течение бытия. Но отрешенность не мешает Шиве активно проявлять свое присутствие в каждом уголке мира, ибо он обладает способностью двоиться, множить свою сущность.

И чаще Шива проявляется как выражение жизни и смерти в самых яростных их выражениях. Он и порождает мир, и разрушает его. В своем танце Шива создает мир, вовлекая приведенную в движение материю в ритм звуков и неистовых движений. И он же, кружась в танце ярости — тандаве, разрушает бытие, неся смерть всему преходящему. Дикий характер Шивы определяет непостоянство мира. Шива есть все, но прежде всего время; для индуса символом разрушающего времени является пляшущий в круге огненных языков Шива.

Облик Шивы ужасен, ибо бог-истребитель должен ужасать, ведь страх — могущественнейшая из сил. Даже благостный Шива внушает трепет. Гигантское существо, более чудовище, нежели бог: лицо Шивы пугающе синего цвета, посреди лба яростным огнем сияет третий глаз — выражение архаичной мудрости и неутраченной связи с Всеобщим, телепатический прожектор, позволяющий Шиве проникнуть в самые потаенные уголки мира, недостижимые для прочих богов. Вокруг прекрасно-уродливой головы бога вьются шипящие змеи, они же обвивают предплечья; на синюю, налитую смертельным ядом шею небрежно брошено ожерелье из черепов. Синяя шея — знак Шивы-спасителя, Шанкары (умиротворяющего), испившего по просьбе богов плеснувший при пахтании океана яд и спасшего таким образом мир. Сам же Шива избежал смерти благодаря йогической силе: устремив мощь Всеобщего внутрь себя, он остановил яд в шее, не допустив его к сердцу, но шея навсегда осталась пораженной и налитой пугающим синим цветом. Некоторым аскетам Шива виделся подобным змее, с четырьмя ликами, с золотыми рогами.

Но трехглазый, синешей и золоторогий Шива — ничто в сравнении с Махакалой, Великим Черным, олицетворением Шивы в великом гневе. Если есть на земле что-то невыразимо ужасное — это Шива-Махакала, властитель разрушающего времени. Вот каким предстал ужасающий Махакала перед героем Ашваттхаманом, отстаивавшим достоинство кауравов, которым покровительствовал Шива:

Здесь он увидел Существо, месяцу иль солнцу подобное
сияньем,
Огромнотелое, ужасающее, у ворот стоящее (на страже);

Одетое в окровавленную тигровую кожу,
В верхней одежде из кожи черной лани, обвитое змеей
как священным шнуром.

Его толстые, огромные руки держали разнообразное оружие,
Одна — была обвита змеей, как поручем, изо рта (выдыхал он)
яркое пламя;

Страшноликое, с выступающими из пасти клыками,
Украшенное тысячью глаз многоцветных.

Его великолепия ни рассказать, ни описать невозможно!
От его вида в прах рассыпались бы даже горы!

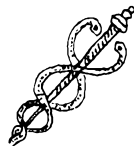
Из его ноздрей, ушей и всех тысяч
Его глаз вырывалось великое пламя...

Махабхарата

Таким предстает Шива-истребитель, Шива-погубитель, Шива-олицетворение времени, превращающий «Вселенную в свой тончайший мир...». Против подобного бога не устоит никто и ничто: ни человек, ни демон, ни даже бог. Когда прочие боги бессильны в борьбе против хаоса, они призывают на помощь Шиву, и грозный Махакала, восстанавливает нарушенное равновесие, истребляя асуров, ракшасов и прочую нечисть. Ужасный Махакала, пожиратель сырого мяса и потребитель таких напитков, что способны ужаснуть не только человека, но даже бога.

Пьющий огненный яд, пьющий смерть, пьющий молоко,
пьющий сому;
От стекающего меда ты первый испиваешь,
ты ведь пьешь ранее блаженных.

Махабхарата

А через мгновение он — любовь. Ведь любовь и смерть всегда идут рядом. Любовь, порождающая жизнь, и смерть, эту жизнь убивающая. Потому-то помимо ужасающего ожерелья из черепов символом Шивы является лингам — плодотворящий фаллос, дарующий порождение всему живому.

Именно эта потаенная, сокрытая выдвинутой на первый план свирепостью, любвеобильность Шивы открыла путь к возвышению женских божеств. И подле Шивы появляется супруга Шакти, чье почитание достигает апогея в самом ужасном своем выражении — культе Кали, богини смерти и беспощадного времени. Она, беспощаднейшая погубительница и истребительница, как ничто иное олицетворяет гибельное, истребительное, черное время.

В связи с отождествлением Кали с беспощадным временем ее культ приобрел громадную популярность, более всех про-

чих напоминая о бренности человека. Любить Кали означало любить Время, а значит, быть пощаженым им. Не удивительно, что культ Великой богини Кали со временем затмил культ Шивы, ибо пожирание времени Махакалой было щадящим, с надеждой на грядущее возобновление, в то время как Кали не даровала подобной надежды, обещая единственно власть над настоящим мгновением, лишенным длительности, то есть над Вечностью...

А если уж зашла речь о Вечности, невозможно обойти вниманием Брахму, третьего великого бога индуизма. Он возвысился позже своих сотоварищей Вишну и Шивы и их популярности, несмотря на широкое его почитание, все-таки не достиг. Брахма — бог во многом искусственный, призванный дополнить Вишну и Шиву, которые, кстати, отлично ладили между собой — даршаны (школы) Вишну и Шивы одинаково признавали оба божества: для вишнуистов Шива выступал в облике Вишну, для шиваистов Вишну был Шивой; эти боги легко переходили друг в друга, являя, по сути, двуединое божество.

Здесь можно вести речь об архетипе Троицы, подробно рассмотренном Юнгом («Попытка психологического истолкования догмата о Троице»), однако подробно о сем мы растекаться мыслью по древу не будем. Заметим лишь, что именно сложное, основанное на архетипических символах сознание человечества, вернее, коллективное бессознательное было причиной возникновения «троиц», именно это обстоятельство породило и Брахму, призванного смягчить противоречия агрессивного дуэта Вишну — Шива и привести должную гармонию. В Тримурти (троице) Брахма выступает как божество-примиритель, некая золотая середина.

Так как роли хранителя и истребителя были уже распределены, Брахме отвели роль породителя мира. Он появляется из лотоса, вырастающего из пупа спящего в ночи небытия Вишну, и проявляет мир. Горы являются костями Брахмы, земля — плотью, океан — кровью, космос — желудком, ветер — дыханием.

С возникновением троицы миропоявление обрело законченный вид. Отныне три аспекта были представлены каждый своим богом. Брахма выражал рождающий аспект, Вишну — охраняющий, Шива — разрушающий.

Брахма утверждает совершенство Тримурти. Именно с его появления завершается оформление пантеона локапал — хранителей мира. Именно с Брахмой возникает величайший священный символ индуизма — мистический слог АУМ, выражающий всю сущность миропоявления: Начало, Середину, Конец, где «А» воплощает Вишну, «У» — Шиву, «М» — Брахму. Появление Тримурти ознаменовало готовность человека вырваться на просторы истории...

Но джунгли Индии поработили своих поработителей. Отрекшись от могучих древних богов, арии сначала растворились в джунглях Индостана, чтобы потом, окончательно атрофировавшись душой, обречь себя на вымирание.

Глава 11

Так говорил Заратустра

Боги ариев-иранцев происходили от единого индоевропейского корня. Ветвясь, это древо давало все новые побеги — сначала бедную поросль, по мере роста ствола обращавшуюся в пышную крону. Чем дольше генерировал свои сакральные представления тот или иной эпос, тем обильнее разрастались божественные семьи, как было у эллинов и римлян, индийцев и скандинавов. Не отстали в этом отношении и иранцы, пестовавшие своих богов не столетие и даже не тысячелетие.

По обыкновению, ранний пантеон редко бывает четко определен функционально. Так и тут; поэтому на вершину пантеона карабкались многие: Варуна и Индра, Яма и Митра. Однако арьи как-то быстро определились: как бы ни звался их небесный покровитель, но прежде всего он — Мудрость, Мазда. И потому они объявили своим кредо «даэна мазда-ясна» — «вера чтущих Мазду», а уж потом ученые мужи для ясности языка переиначили это возвышенное определение в маздаизм, или же в маздеизм.

То был чисто индоевропейский культ с возвышенной поэзией, потреблением галлюциногенов, шаманских радений. Как и положено, одни боги возвышались, другие ниспровер-

гались, рождались новые, умирали, случалось, старые. Как нередко бывает, с течением времени старое поколение богов породило себе на смену новое, но полностью от власти не отказалось и потому мирно сосуществовало с ним. В точности, как у собратьев-индоариев. До поры до времени боги не ссорились. До поры до времени...

Среди прочих богов арии выделяли двух, чьи имена уже звучали выше, — Варуну и Митру. У индоариев Варуна — могущественный древний властелин, а Митра — вполне заштатный божок, удостоившийся лишь малого упоминания в «Ригведе». У арьев дело обстояло несколько иначе. Варуну они почитали как бога, связанного с водами. Еще Варуна был богом клятвы, обязательства. Он строго следил за исполнением обещанного, если же клятва нарушалась, принимал меры. Приведем цитату из труда бабушки «зороастристики» Мэри Бойс, в свою очередь процитировавшей индийский трактат: «Обвиняемый должен был погрузиться под воду, держась за ноги стоящего рядом человека. Погружаясь, он произносил следующие слова: “Воистину защити меня, Варуна!” В этот момент стреляли из лука, и быстрый бегун бросался вслед за стрелой. Если бегун возвращался со стрелой до того, как обвиняемый под водой погиб, это означало, что Варуна, бог клятвы, шадил и оправдывал его. Если же несчастный умирал, значит, он был виновен, и на этом дело заканчивалось. Одно из испытаний огнем заключалось в том, что обвиняемый должен был пробежать по узкому проходу между двумя пылающими поленницами. Если он оставался живым, значит, Митра, бог договора, провозглашал его невиновным. В огненных ордалиях использовали и расплавленную медь, которую выливали на обнаженную грудь обвиняемого».

Митра также был связан с клятвой; его именем клялись соседи, разграничивая пастбища или источники. Со временем Митра постепенно оттеснил на второй план Варуну, обретя космическую мощь, власть над словом, разумом, самой истиной, даже и военную силу.

Триаду завершал Ахура. Что входило в его функции — неясно. Верно, он был воплощением богов-властелинов, ахуров, их персонифицированным архетипом, неким абстрактным — или же конкретным — воплощением высшего.

Уже из самой принадлежности богов к судебным испытаниям ясно, с какими стихиями они ассоциировались: водой и огнем. Но со временем у них появились субституты, уверенно отстранившие на второй план своих предшественников. За водную стихию стал отвечать Апам-Напат, что дословно означает «Внук вод». Также почиталась водная богиня Ардвисура Анахита — «Влага Могучая», представлявшаяся в облике прекрасной девы, которая помогает иранским богатырям бороться с дэвами, драконами и иноземными недругами.

Явилась Ардвн-Сура
 Прекрасной юной девой
 Могучею и стройной,
 Высокой и прямой...

Авеста

Властелином огня сделался Атар. Огонь воплощал Истину, проявляясь как небесный огонь (молния), огонь Солнца, жизненная сила живых существ, пламя очага и алтаря. Атару совершали приношения из трех элементов: сухих дров, благовонных трав и животного жира.

Божеством земли был Зам.

Истовое почитание стихий: огня, воды, неба, земли, — все то, что нередко именуют эсхатологической концепцией маздаизма, сделало его своего рода выдающейся религией. Осквернить любую из стихий означало обречь себя на адские муки.

Потому-то арья никогда не пил воду из ручья или реки, а набирал ее в посудину или на худой конец в горсть. И не приведи Ахура с Варуной и Митрой помочиться в ту воду или плюнуть.

Потому-то огонь предназначался только для приготовления пищи или обогрева и никогда не зажигался попусту; он горел на специальных площадках, и следили за ним специально назначенные к тому люди.

Потому-то погребальный обряд маздаистов так поражал иноплеменников, ибо усопших не предавали земле и не сжигали, а оставляли на растерзание диким животным и птицам, позднее поручив погребальную функцию собакам.

Завершая повествование о пантеоне арья, необходимо упомянуть еще несколько богов. Конечно же, это Хаома, зеленоглазый бог, что даровал посвященному высшую истину. Истина доносилась неслышимым словом, отчего Хаоме посвящали язык закладываемого животного.

Это великолепный бог-воитель Вертрагна — Побивающий защиту — бог победоносной войны. Вертрагна приходился братом-близнецом Индре, но воплощающим лишь одну военную ипостась; он даже имя взял, созвучное известному эпитету Индры — Вритрахан, Погубитель Вритры. Вертрагна ведет в бой воинов, его грозный рык зажигает огонь в их сердцах. Бог-оборотень, он предстает в самых различных аватарах: сильным ветром и золоторогим быком, златоухим конем и большеглазым верблюдом, стремительным вороном и горным бараном, прекрасным юношей и великолепным мужем, а также:

Рассвирепевшим вепрем,
Злым, острыми зубами
И острыми клыками
Разящим наповал,
Взбешенным, неподступным,
Сердитым, пестромордым,
Чьи ноги из металла,
Передние и задние,
Чьи жилы из металла
И из металла хвост,
Чьи челюсти — металл.

Авеста

В отличие от индийцев, иранцы отдавали должное женским божествам. Помимо Ардвисуры они почитали Истину-Арта (Аша), которая олицетворяла закон мироздания, регулировала движение светил, смену времен года, рождение, смерть и возрождение, вечное обновление. Также арьи почитали богиню вод Апас, которой приносили в жертву настой из молока и листьев священных растений.

Пантсон дополняли боги, что называется, второй величины — неба и земли, солнца и луны, два бога ветра — близне-

цы, причем расколотые еще надвое каждый. Один именовался Вата, другой Вайу, который, по определению. М. Бойс, «дыхание самой жизни: милосердное, пока ее поддерживает, и грозное, когда ее отнимает».

Было немало богов в облике тварей животного мира. Один упоминавшийся выше Вертрагна предстал в облике многих тварей: и быка, и верблюда, и, конечно же, кабана. Могучую пару ему составлял Тиштрия, звезда Сириус, управлявший дождем и представлявшийся в образе прекрасного коня, что охранял воды. Когда на земле объявлялся опаляющий огненным дыханием дэв засухи Апаоша, Тиштрия стремительно кидался ему навстречу. В ужасной битве порой одолевал дэв и гнал Тиштрию к морю Ворукаша, где, набравшись сил от водной стихии, блистательный Тиштрия вновь обретал мощь и обращал дэва в постыдное бегство. И изобилие нисходило на равнины, и бесконечный зеленый ковер радовал глаз до следующей засухи, когда вновь обрушится на доли мерзкий Апаоша и вновь устремится ему навстречу прекрасный Тиштрия.

Как и другие кочевники, арьи терзались в предпочтении коня и быка. Но если прекрасный Тиштрия вечно стоял на охранении природы, то бык был принесен в жертву — заодно с первочеловеком и перворастением. Из плоти первосуществ появились на свет люди, животные и растения — благая суть всего живого. Умерщвленного быка обожествили под именем Гэуш-Урван — Душа быка. В будущем, принося в жертву быка, арьи не сомневались, что этим они укрепляют силы Богобыка, который в ответ заботится о жизни и размножении всех живых существ.

К особым животным относилась еще и собака — прирученная тварь, без которой трудно вообразить жизнь охотника или скотовода. Но для арьев пес являлся еще и проводником в иной мир. Собратья в Индии препоручали тело умершего всем стихиям: и земле, и огню, и воде, и небу. Они предавали тело огню, пред тем положив его на землю, и более — для лучшего соприкосновения с землей нередко набивали одежды усопшего комьями почвы. После кремации пепел либо рассеивали в воздухе, либо предавали воде. Для арьев подобное осквернение стихий представлялось ужасным кошун-

ством, и потому они не нашли ничего лучшего, как отдавать тела усопших хищным птицам, а еще лучше — собакам, которые с аппетитом потребляли мертвечину. Для арья собаки — существа священные; в соответствии с нормами авестийской традиции за их убийство или причинение им вреда грозило наказание до тысячи ударов плетью. При совершении обрядов собаке предназначался первый кусок пищи. Ее сравнивали с лучшими из людей; но одновременно же собака воспринималась низшим существом. В 15-й главе Витевдата собака характеризуется как раб, вор, зверь — она «угодливая как потаскуха, коварная как потаскуха, гадящая по дороге как потаскуха», слюнчая как ребенок. Вот такая парадоксальная любовь-неприязнь, почтение с отвращением. Собаку пестовали, ее же и приносили в жертву.

Арьи, народ возвышенный, почитали Хварно, персонификацию созидательной мощи, счастья и благополучия, некоей божественной харизмы, тесно связанной с огнем. Силой-Хварно обладали боги Ахура-Мазда, Митра, Аши. Хварно — награда праведникам и героям. Хварно были наделены династии праведных иранских царей Парадата и Кейанидов.

Хварно — высшее, что существует в мире, кроме благих богов. Если хотите, это своего рода связь между божественным и человеческим, некая эманация, наделяющая праведного человека нечеловеческой силой. Быть может, уместно сравнить Хварно с иудейской Хокмой, выражением божественной мудрости, трансформированной христианством в Духа Святого. Обладание Хварно равносильно обладанию божественным благоволением. Именно потому иранские и туранские герои стремятся завладеть вожделенной силой, дарующей разом и плодородие, и богатство, и власть.

Первым владельцем Хварно был легендарный Йима, который и стал легендарным благодаря влиянию Хварно,

Которое пристало
Властительному Йиме
Владельцу добрых стад,
На длительное время...

Авеста

Но Золотой век проходит. В понятии иранцев его гибель связана с троекратным грехом Йимы, трижды отвергавшим истинную веру. Трижды Хварно отлетает от Йимы, делая и его, и мир беззащитными пред злом. Йима гибнет, но мир спасают боги и герои: Митра, Траэтона, Кэрсаспа. Они свершают великие подвиги, истребляя чудовищ и иноверцев, но и они не без греха. Гордыня, тщеславие, жестокость точат души великих богатырей. Именно потому они гибнут, по собственному недомыслию утрачивая Хварно.

В конце концов Хварно назначено отдаться в руки лишь одному-единственному человеку, праведнику, которому предстоит спасти мир. До тех пор, покуда этот человек не придет в мир, Хварно ждет своего мига на недостижимой глубине прозрачнейшего озера Ворукаша.

Человеком этим суждено было стать Заратустре, — мы уж будем вопреки моде придерживаться транскрипции Ницше, — личности столь же легендарной, как Моисей, Будда и Христос. О жизни Заратустры известно очень немного, но это немного позволяет почти с абсолютной уверенностью утверждать, что Заратустра был реальным лицом. По крайней мере, убедительных опровержений этому нет. Время жизни пророка точно установить невозможно: эпоху Заратустры определяют шестисотлетним интервалом — с 1200 по 600 год до н. э. Если довериться легендарной — псевдоисторической, а возможно, исторической — традиции, Заратустра родился в 660-м, а был убит в 583 году до н. э., но большинство современных исследователей придерживаются точки зрения, согласно которой легендарный проповедник жил на границе IX—VIII столетий до н. э. То есть примерно три тысячи лет назад на территории так называемого «внешнего» Ирана (Восточный Иран, Бактрия, Маргиана) или чуть к востоку от него, в Согдиане, родился младенец, получивший от отца Порушаспы странное нашему слуху и такое естественное для древнего арийца имя — Многоверблюдный либо же Староверблюдный — имя Заратустра можно перевести и так, и этак: кому как по нраву.

Существует замечательная легенда о рождении Заратустры, повествующая, что будущий пророк был единственным в мире младенцем, который при рождении не заплакал, а засмеял-

ся, словно предвещая тем самым жизнелюбивый характер будущего учения.

Подобно прочим известным пророкам, Заратустра долгое время себя ничем не проявлял. Он жил обычной жизнью — кочевника или жреца — до тех пор, пока ему не исполнилось тридцать. В этом возрасте на Заратустру снизошло откровение, ему явился Ахура-Мазда, разъяснивший сущность вахви даэна маздаясни — доброй веры почитателей Мазды, истинного маздаизма, которая впоследствии будет наречена по имени своего основателя.

Тридцатилетие — странный рубеж. Возможно, это число — дань некоей традиции, связанной с магией цифр, но нельзя исключить вероятность того, что оно основывается на физиологической закономерности человеческого организма. Известно, что в возрасте от 26 до 34 лет большинство людей переживают наивысший пик умственной, психической и физической формы. Так или иначе, но все великие пророки начинали свою деятельность именно в этом возрасте: Заратустра, Будда и Иисус — в тридцать, Мухаммед — чуть позже, в сорок. Лишь Моисею было восемьдесят, когда он сделался глашатаем Бога, но, зная любовь библейской традиции к непомерно большим срокам жизни «отцов-основателей», эту приумноженную цифру следует считать условной.

Откровение снизошло на Заратустру неожиданно. В тот день он как всегда направился набрать воды для жертвоприношения и приготовления пищи. Заратустра дошел до середины реки, где вода была чище, и в этот миг узрел сияющее божество Воху Мана (Благой Помысел), которое чрез мудрость светлого Ахура-Мазды одарило Заратустру знанием высшей истины.

И с этого часа Заратустра начал проповедь. Однако в родном племени он не был понят и принят; хуже того, он вынужден был бежать от преследований жрецов, поклонявшихся отеческим богам.

После долгих скитаний Заратустра был принят восточно-иранским царем Виштаспой, правившим в Дрангинане, что на юго-востоке Ирана. Здесь его учение пришлось по душе царице Хутаосе. Следом к нему склонились многие сановники, ну а потом к нему возблаговолит и сам царь. Выслушав Заратуст-

ру, Виштаспа сделался адептом новой веры. Из царства Виштаспы Заратустра постепенно распространял учение на территории Восточного Ирана, Хорезма и Бактрии.

Однако далеко не всем местным правителям была по душе эта вера. Могущественный Арджатаспа, вождь племени хьяуна, покорил царство Виштаспы; правда, побежденные спустя тысячелетие приписали победу себе и красочно рассказали о страшной каре, которой подвергли несчастного Арджатаспу — якобы его пленили, затем, позоря, отрезали руку, ногу, ухо, выкололи глаз и в таком виде отослали домой поведать о поражении туранского войска.

На деле же победителем вышел туранец, заставивший царя с пророком, с вельможами и всеми семействами бежать на запад, где беглецы нашли пристанище у братьев-ариев Персиды.

Но враги Заратустры не оставили его в покое и на новом месте. Согласно легенде, пророк принял смерть от их рук. Однажды, когда Заратустра молился, к нему подкрался жрец, приверженец маздаянской веры, поразил его ножом в спину. Заратустре было к этому моменту 77 лет и 40 дней. Понятно, что во всем этом сохранились лишь отголоски истинной истории.

В чем же суть учения Заратустры, пользовавшегося долгое время большой популярностью и оказавшего серьезное влияние на мировые религии — христианство и ислам?

В любой великой вере есть свои тайны. Такие тайны присутствуют и в зороастризме, и главной из них является само учение Заратустры. Арийский пророк не оставил ни одной собственноручно написанной строки; он и не мог этого сделать, ибо не знал письма. Более того, мир еще много столетий после смерти пророка не имел ни одного письменного источника, излагающего положения его учения: зороастрийцы долгое время считали письмо изобретением злых сил и потому не пользовались им для фиксации догматов своего священного канона. Изречения Заратустры, сведенные в так называемые Гаты, выучивались жрецами наизусть и передавались ученикам в устной форме. В виде письменного памятника, священной книги Авесты, они были оформлены спустя многие века после смерти Заратустры. Поэтому весьма проблематично

утверждать, что мы имеем дело с настоящими изречениями Заратустры, так как искажения, неизбежные в устной традиции, должны были быть куда большими, чем те, которые имеют место, когда речь идет о Торе.

Заратустра отталкивался от двух идейных столпов. Во-первых, он отказывал в признании старым богам. Эти боги казались ему неестественными. Во-вторых, он пытался сделать человека через сильного бога сильным.

Но как дать человеку силу? Просто, считал Заратустра. Нужно лишь уравнивать зло с добром. Иранцы имели своеобразное, свое представление о противостоянии сил, определяющих существование мира, — представление, отличное от представлений прочих народов. Если большинство этносов представляли мир как противостояние добра и зла с очевидным превосходством первого, но в то же время с извечным, предопределенным наличием в мире второго, Заратустра предложил свой взгляд на миропорядок. Добро и зло примерно равны! — провозгласил он. В какой-то период истории сильнее добро, но, случается, верх одерживает и зло. Мало того, он отказал времени в бесконечности, коловращении. Да, пока силы добра и зла год из года ведут войну между собой: Ахура-Мазда разрушает козни Анхра-Майнью, Тиштрия гонит прочь Апаошу, — но непременно наступит день, когда добро одержит верх над злом и наступит эпоха торжества истины.

Заратустра, этот блестящий ум, привнес в мир мечту сильного человека, определителя будущего. Он отважился на столь еретическую мысль, как допущение возможности временной победы зла, и определил человека как главную силу в борьбе между Добром и Злом. Этот человек должен был найти в себе силу решить — или быть рабом, или самому определять собственную судьбу. Так легендарный пророк впервые в истории предоставил человеку право на выбор — ту самую свободу воли, которой, предоставив небу во всех его проявлениях полноту волеизъявления, добровольно лишили себя все остальные народы.

Старые боги в представлении Заратустры недостаточно четко определяли суть противостоящих друг другу сил. Потому Заратустра отверг богов, провозгласив реальное существова-

ние лишь двух высших величин. Благим божеством Заратустра объявил Ахура-Мазду. Ахура-Мазда олицетворял добро, он был вечный, а следовательно, бессмертный, предельно абстрактный, не имел ни облика, ни антропоморфных свойств.

Заратустра, провозгласив Ахура-Мазду единственным не сотворенным богом, творцом всего благого, объявил его властелином аша — праведности и порядка.

Сокровенную суть Ахура-Мазды выражала Амеша Спента — совокупность божественных качеств: Воху Мана (Благая Мысль), Аша Вахишта (Лучшая Истина), Хшатра Вайрья (Власть Желанная), Спента Армайти (Святое Благочестие), Хаурватат (Целостность), Амертат (Бессмертие). Кроме того, сам Ахура-Мазда олицетворял Святое Слово (Мантра Спента), то самое, что было в начале, определяющее слово жреца, в котором на паству исходит Бог.

Должно обратить внимание на особое значение Воху Мана — первоначально одного из свойств Ахура-Мазды, позднее самостоятельного божества. Воху Мана — составная часть триады Ахура-Мазда — Воху Мана — Арта, в которой Ахура-Мазда — высшее божество, Арта — миропорядок, а Воху Мана тождественно личному Богу — это стремление человека к Высшему в себе. Заратустра обращается за сакральной силой именно к Воху Мана. Таким образом, невольно приходишь к выводу, что Заратустра был близок к идее личного Бога и, отвергнув древнейшую трицу богов-ахур, первым пришел к идее совершенной Троицы — Триединого в Одном (Ахура-Мазда-Отец, Воху Мана-Сын, Арта-Дух Святой).

Заратустра был на перепутье между Ахура-Маздой — богом всех и Воху-Маной — личным богом, но эту грань так и не переступил, ибо сила человека определялась самим человеком, но не Спасителем, через страдание спасающим человечество. Спаситель должен был объявиться позднее, когда человек обозначит свою позицию в противостоянии добра и зла.

Дабы противостояние добра и зла выглядело действенным, Заратустра противопоставил благому Богу равную величину, тень, черное Солнце — злого духа Анхра-Манью (Аримана). У индийцев Манью — бог ярости и гнева. Для Заратустры Анхра-Манью — абсолютное выражение абсолютного зла. Он — второе равновеликое звено системы бытия, он — тем-

ный двойник светлого Ахура-Мазды, он — необходимое звено, обеспечивающее стабильность и потенцию развития: поэтому в реальное время Анхра-Манью неунитожим.

Это была абсолютно новая религиозная система, определяемая как дуализм или как дуалистический монотеизм — равенство и противостояние добра и зла и право человека на выбор между ними. Заратустра оказался велик именно этим — дерзостной способностью противопоставить свет и тень, объявив их равностворенными и равносильными. Этим он даровал человеку шанс быть сильным — сильным в праве самому определять собственную жизненную позицию и тем самым творить будущее — свое и мира. По Заратустре, приверженцы Ахура-Мазды и истины ашаваны выстраиваются непробиваемым строем против другвантов, приверженцев Анхра-Манью и лжи.

Заратустра подарил иранцам громадную потенцию, определив их будущую воинственность, результатом которой станут грандиозные завоевания и создание империи от Инда до Пеня в Элладе. Именно учение Заратустры способствовало персидской экспансии. Оно оправдывало войны против иноверцев как борьбу со злом. И не вина Заратустры, что соплеменники не в полной мере приняли его проповедь.

Провозгласив существование единственно двух богов, начал добра и зла, Заратустра тем самым «отменил» всех прочих божеств. Почитаемые иранцами боги были объявлены дэвами, слугами Анхра-Манью. Такая участь постигла Индру, Вертрагну, Митру и пр. Кое-кому «повезло» чуть больше: они обратились в абстрактные категории, выразившие суть Ахура-Мазды. Также Заратустра проклял хаому, «омерзительное зелье», вопросив: «Когда опрокинут эту мочу — это хмельное питье, которым жрецы наносят вред?»

Заратустра напрочь отвергал хаому как символ шаманизма, ибо из шамана, минуя магизм, он шагнул сразу к вере — причем не в богов, а в Бога, где оргиастический экстаз сменяется религиозной экзальтированностью.

Хаома отвергалась не просто как символ старой веры, но и как символ всего патриархального сознания, важнейшей частью которого были оргиастические культы с потреблением галлюциногенов и кровавыми жертвоприношениями, которые также были объявлены злом.

Заратустра от этих практик отказался в пользу религии, суть которой — обращение к Вышнему. Его мантра — не заклинание богов; это уже молитва, подкрепленная жертвой, — к Богу.

Глава 12

Взрыв времени

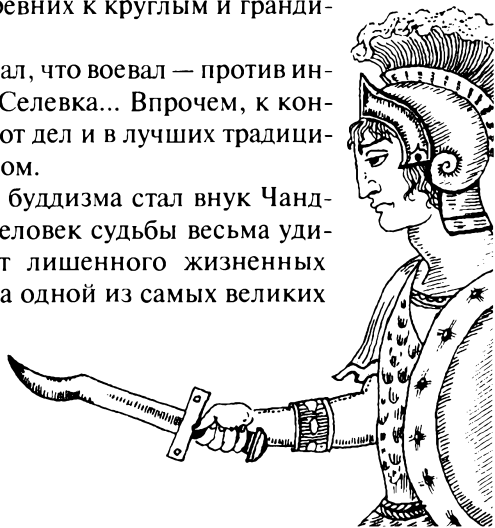
Однако вернемся с запада на восток — естественно, в пределах Азии. Так ли, нет, но рассеявшиеся по берегам пяти рек арии постепенно достигли Ганга, все более расплываясь в зелено-растительной кипени Индостана. Они утратили веру предков, поглощаемую заумно-философскими верованиями и философствующими богами аборигенов. Тримурти обещало спасение через бескорыстную любовь к Богу. Учения Махавиры и Будды манили мечтой о нирване и этикой безделья. Остатки веры предков кое-как держались до тех пор, пока новомодные верования не обрели могущественных покровителей.

Джайнам покровительствовал великий Чандрагупта, основатель империи Маурьев. Юнец, лицезревший Александра Великого, он после смерти великого полководца изгнал из Пенджаба македонские гарнизоны, а заодно прикончил Александрова любимца, могучего царя Пора, чье мужество так поразило Александра в кровавой битве при Гидаспе.

Еще более кровавой оказалась битва против главных соперников — армии Нандов. Как утверждают летописи, в ней погибли миллион пеших, сто тысяч конных, а заодно десять тысяч слонов. Ох уж эта любовь древних к круглым и грандиозным цифрам!

Потом Чандрагупта только и делал, что воевал — против индийских соседей, против диадоха Селевка... Впрочем, к концу жизни он остепенился, отошел от дел и в лучших традициях дигамбаров умертвил себя голодом.

Через поколение покровителем буддизма стал внук Чандрагупты — легендарный Ашока, человек судьбы весьма удивительной, проделавший путь от лишенного жизненных перспектив бастарда до властелина одной из самых великих империй, которые знала история.

Отцом его был Биндусара, сын великого Чандрагупты, правитель Магадхи и сопредельных земель, воинственный и просвещенный, матерью — бедная, в смысле имущественного положения, девушка, правда, из приличной семьи, отданная отцом в царский гарем неведомо из какого расчета, ибо больших преференций присутствие в постели царя в качестве одной из многих наложниц не сулило.

Потомки приписали Ашоке множество достоинств: храбрость, мудрость, порядочность. Бесспорно, он обладал таким важным достоинством, как умение располагать к себе людей. Это, скорее всего, и сыграло главную роль в его возвышении. Когда против Магадхи восстала Таксила, именно ему, не отмеченному ни званиями, ни опытом, отец доверил навести порядок. Как уверяют, Ашока усмирил восставших не столько силой оружия, сколько убеждением. Что, в общем-то, сомнительно, ибо юного принца отличало как раз стремление к действию, а не склонность к переговорам.

Очевидно, Ашока выделялся в сравнении со старшим братом, пусть не глупцом, но и не отмеченным большими дарованиями. Потому по смерти престарелого Биндусары многие из приближенных царя заняли сторону младшего принца. Как и подобает в таких случаях, приключилась междоусобица, во время которой старший принц погиб, и трон достался Ашоке. Потом, если верить не вполне ясным свидетельствам, новоявленный правитель перебил всех прочих своих братьев, хотя впоследствии — о том есть надписи, высеченные на камне, — упоминал о них с любовью.

Засим Ашока решил прибрать к рукам те немногие земли Индостана, что были оставлены вне внимания отцом и дедом, и объявил войну богатому царству Калинга, расположенному на берегу Бенгальского залива.

В средствах энергичный царь не церемонился и поведал потомкам, что в ходе победоносной войны его солдаты сотню тысяч неприятелей перебили и еще больше взяли в полон. Даже если цифры и преувеличены, резня была славной. Истребляли всех: и знать, и простолюдинов!..

А вот потом начались чудеса в духе библейских легенд. Обозрев кучи трупов, Ашока вдруг испытал раскаяние и принялся искать способ избавиться от чувства вины. И обрел истину

в учении Будды, которое до того монархов династии Маурья едва ль занимало. Как помните, великий дедушка покровительствовал джайнам, победоносный папаша — тот вообще был атеистом.

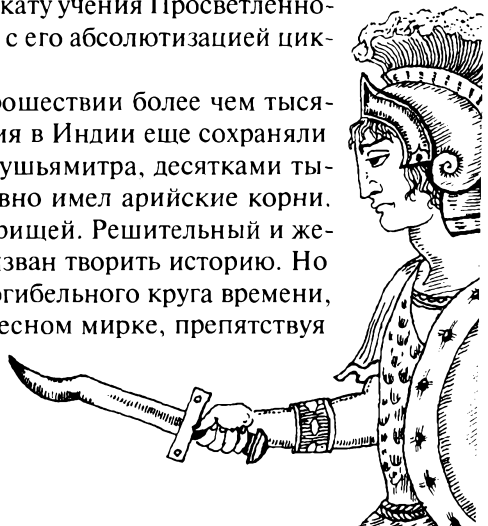
Ашока пошел по собственным стопам. Он — как свидетельствует эдикт от 256 года до н. э., облегчил существование подданных и прочих живых существ: запретил вырубать леса, бесцельно уничтожать животных, в том числе и ради жертвоприношений, повелел строить каналы, учебные заведения, раздавать милостыню. Более того, вдоль дорог ради обеспечения путешественников тенью сажали деревья. Ну чего только не придумаешь для того, дабы остаться в доброй памяти потомков!

При этом добродетельный Ашока не прекращал войн, покоряя еще сохранившие независимость территории. Так что милосердие его было относительным. В те страны, куда не могло дотянуться оружие Маурьев, Ашока посылал эмиссаров, распространявших буддизм, справедливо полагая, что наилучший способ покорять — слово, а не бранная сталь.

При том Ашока поначалу не препятствовал распространению иных вероучений. Но в старости в нем вдруг пробудился религиозный фанатизм. Для начала он попытался навести порядок среди собратьев-буддистов, а потом принялся третировать иноверцев — всех без исключения. Кончилось все это для него плохо. В лучшем случае Ашока закончил свои дни в заточении. В лучшем...

Спустя полвека империя Маурьев пала. Захвативший власть Пушьямитра Шунга был брахманом и жестоким преследованием буддистов положил начало закату учения Просветленного в Индостане. Наступал индуизм с его абсолютизацией циклического восприятия времени.

Как ни странно, но арии по прошествии более чем тысячелетия с периода своего появления в Индии еще сохраняли этническую самоидентичность. Пушьямитра, десятками тысяч разрушавший ступы Будды, явно имел арийские корни. Как и многие другие из его сотоварищей. Решительный и жестокий, он самой судьбой был призван творить историю. Но вместо того чтобы вырваться из погибельного круга времени, который замыкал человека в его тесном мирке, препятствуя

самому стремлению к свершениям, он придал ему поистине апокалиптические масштабы.

В долгой веренице чисел-цифр индуистской хронологии есть своя прелесть. По крайней мере, на их фоне действительно сознаешь Эйнштейново: все относительно.

Итак, низшей единицей «брахманистской хронологии» считалась юга, то есть «век». Юги неравнозначны.

Первая из юг, критаяуга, длится четыре тысячи лет плюс по четыреста лет рассвета и сумерек; это совершенный, Золотой век, характеризуемый полнотой благ, счастьем, совершенством, соблюдением справедливости-дхармы; это изначальный рай, когда человек пребывал в полной гармонии с природой и самим собой.

За критаяугой следует третаюга, длящаяся с рассветом и сумерками 3600 лет, — три четверти совершенства. Справедливость-дхарма убывает на четверть, появляются труд, страдание и смерть.

Третаюге наследует длящаяся 2400 лет двапараюга, для которой характерны две четверти дхармы, пороки и несчастья, сокращение человеческой жизни.

Ну и самое ужасное время — калиюга, эпоха богини Кали, длящаяся 1200 лет, — темный век всего лишь с четвертью дхармы, распрями, раздорами, гибелью добродетелей, вырождением.

Нетрудно высчитать, что полный цикл — четыре юги — состоит из 12 тысяч лет. Это есть махаюга, или сутки Брахмы. Но как сопоставить с этими числами тот факт, что калиюга, как утверждают индуисты, наступила 18 февраля 3102 года до н. э.? Неужели мы живем в новой критаяуге? Что-то не похоже!

Индуисты блестяще вышли из тупика, объявив, что юги надо рассчитывать в божественных годах, каждый из которых равен 360 обычным. Таким образом, сутки Брахмы возрастают до 4320 000 лет, а мы тут же оказываемся в проклятущей калиюге!

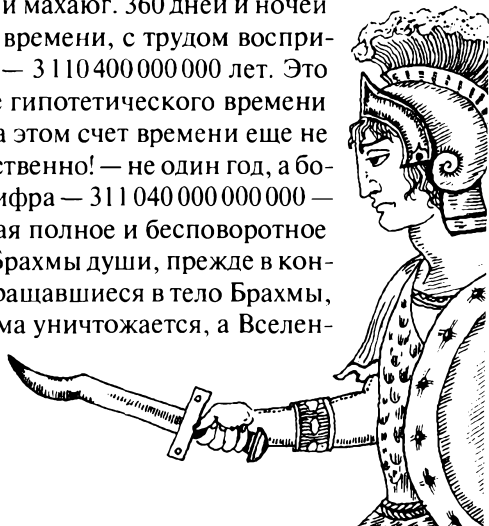
Каждые божественные сутки завершаются пралаей (растворением), которая выражается в том, что анала, огонь из океана, дыхание беспощадного Шивы, вырывается на поверхность и пожирает Вселенную. А предвестником огня выступает ужасный и прекрасный Калки, жезлом дхармы воздающий по

заслугам каждому человеку и животной твари. Калки, олицетворение времени, подводит итог эпохе Кали, также олицетворяющей время, а затем вселенский огонь испепеляет сущее, очищая пространство для новых миров.

И наступает ночь Брахмы, когда существует один Вишну, в коем заключено непроявленное бытие. В назначенный миг блеснет искра, из пула Вишну появится лотос, из которого выйдет сияющий четырехликий Брахма, который и приступит к творению нового мира. Абсолютный субъект, выраженный Тримурти — проявленным в Брахме Вишну и покуда бездейственным, но копящим свою грозную силу Шивой, — приступает к сотворению объекта, то есть бытия. Затем в действие вступают энергии раджас и тамас, первая — сильна, вторая — едва намечена. Раджас раскручивает бытие по центробежной спирали (правритти), по мере истощения раджаса возрастает доля тамаса, несущего тьму. Когда тьма одолевает свет, начинается нивритти — сворачивание спирали. Развертывание и сворачивание спирали есть сансара — поток жизни. Когда спираль свертывается окончательно, происходит пралая, и мир прекращает свое существование. Но тут же начинается отсчет новых божественных суток. Так за днем идет новая ночь, и новый день, и новая ночь...

Но сутки — лишь вторая ступень исчисления времени. Далее следует настоящая головоломка чисел. Тысяча махаюг составляют кальпу — день Брахмы. В конце дня Брахмы наступает махапраяга — Великое растворение. Мир возвращается к пракрити, изначальной неоформленной субстанции.

Но и махапраяга еще не конец существования. За ней следует великая ночь Брахмы из тысячи махаюг. 360 дней и ночей составляют год Брахмы — отрезок времени, с трудом воспринимаемый обыденным сознанием — 3 110 400 000 000 лет. Это по меньшей мере в сто раз дольше гипотетического времени существования Вселенной. Но и на этом счет времени еще не окончен, ведь Брахма живет — естественно! — не один год, а божественные сто лет. Получаемая цифра — 311 040 000 000 000 — наконец-то конечная, знаменующая полное и бесповоротное завершение времени. Со смертью Брахмы души, прежде в конце каждого космического дня возвращавшиеся в тело Брахмы, поглощаются мировым духом, карма уничтожается, а Вселен-

ная возвращается к непознаваемому мировому духу и ждет нового создателя.

И как, скажите, после такой неистойой свистопляски цифр, непостижимых конкретно, относиться ко времени? По меньшей мере, с пиететом, по максимуму — с ужасом. Индийцы относились ко времени по максимуму. Время-Кала — божество пугающее. Именно божество, неотвратимое более всех прочих, даже богов Тримурти.

Все творит и (все) разрушает Кала, иной нет причины
Гибели, разрушения, владычества, счастья-несчастья,
существования-несуществования.

Непрестанно вращается Кала; не спасется им обреченный
на гибель;
Незаблуждающийся среди заблудших, Кала бодрствует
среди воплощенных.

Даже стараясь, далекого его никто не может предвидеть.
Он — древний, вечный Закон (Дхарма), равно похищающий
все живое...

Жизнь живущего в мире Кала, придя, уносит;
Возвышенье, паденье, бытие, небытие — все это — Кала.

Махабхарата

Кала представлялся тысячеглазым нестареющим конем с семью поводьями, везущим тяжелый воз. Порой он представлялся Шивой — Кала нилакантой, огнем как символом всеуничтожающего времени, порой Вишну или Кришной. А еще индуисты отождествляли время с богиней Кали, самым ужасающим творением человеческой фантазии. Не исключено, что отзвук имени времени — Кала — присутствует в имени Калки, прекрасного всадника индийского Апокалипсиса.

В отличие от восточных собратьев арии нашли в себе силы и мудрость преодолеть сладкую пагубу циклизма и не жонглировать умопомрачительными числами.

Наряду с Моисеем и его преемниками Заратустра был первым, кто воспринял время линейным. Он решительно разрушил идею цикличности, подводившую человека к надежде на

бессмертие через вечное возрождение. Человек, распутав клубок циклического времени в прямую истории, определял будущее.

Неведомо в точности, какой выглядела космогония в изложении Заратустры, — в Авесте сохранились лишь наброски космогонической концепции. Куда более обстоятельные космогонии дошли до нас в зерванистской и пехлевийской версиях. По прошествии многих столетий от первоисточника они не отображают в полной мере представления о становлении мира самого Заратустры, но в целом выдерживают его идею начала и завершения, что разорвало круг, сделав время линейным.

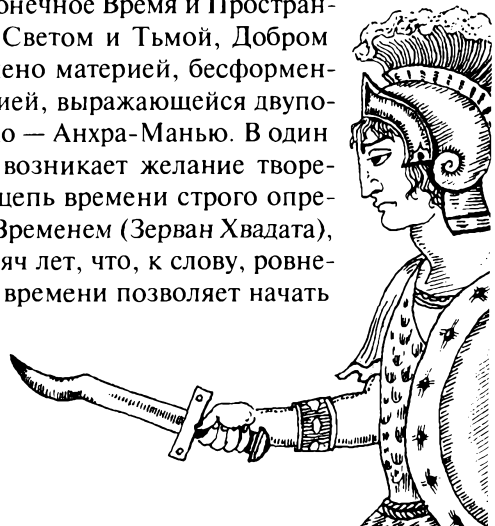

Итак, изначально существовало бесконечное время... В начале было время, суть коего неопределима. Время — то ли категория, то ли бог. Скорее, это все же была категория, ибо высшее у Заратустры в целом имеет склонность быть категорией, очсрчивающей ту или иную грань бытия, нежели богом. Зерван Акарана — бесконечное время. Только вдумайтесь, в какой сумасшедший полет нужно было отправить мысль, чтобы осознать бесконечность времени! Чтобы от собственного секундного и вечного бытия перейти к осознанию того, что невозможно осознать; чтобы представить дышащую полынью степь с табунами вороных лошадей и перемалывающих жвачку быков бесконечным космосом с оспинами гаснущих звезд. Вдумайтесь!

Мириады изысканных фраз, самых сокровенных истин не смогут выразить даже блеклую тень того, что именуемо Зерван Акарана — Бесконечным Временем.

Изначально существовали Бесконечное Время и Пространство, разделенные надвое между Светом и Тьмой, Добром и Злом. Пространство не определено материей, бесформенно; оно проявляется лишь потенцией, выражающейся двуполусно: Добро — Ахура-Мазда и Зло — Анхра-Манью. В один прекрасный миг у Ахура-Мазды возникает желание творения. Он прерывает бесконечную цепь времени строго определенным отрезком — Конечным Временем (Зерван Хвадата), протяженностью в двенадцать тысяч лет, что, к слову, ровно день Брахмы. Линейность времени позволяет начать историю, то есть творение.

В течение первых трех тысяч лет Ахура-Мазда творит мир в идеальном, нематериальном виде — возникают одни лишь идеи вещей — чудесный мир светлых порождений. Анхра-Манью увидел исходящее от них сияние и понял, что Свет — его погибель. Злой Дух бросился к Ахура-Мазде с намерением уничтожить порожденное, но Свет обжег Анхра-Манью, заставив отступить. Тогда Ахура-Мазда предложил сопернику мир. Ахура-Мазда вовсе не жаждет искоренить зло совершенно, и в том нет ничего удивительного. Анхра-Манью нужен благому богу в качестве противовеса, ведь именно в этом кроется потенция развития, именно борьба противоположностей обеспечивает единство и развитие мира.

Но речи Ахура-Мазды о мире породили в злом мозгу Анхра-Манью мысль о слабости светлого бога. Мира жаждет лишь слабый — так решил дух зла. Анхра-Манью отверг предложение мира, в яростной мощи своей желая абсолютной власти. Тем самым дух зла подписал свой смертный приговор. Мудрый до хитрости Ахура-Мазда предложил сопернику: «Давай сойдемся в такой-то день и будем биться, покуда не стемнеет». «Стемнеть» должно было ровно через девять тысяч лет — срок, намеренно вычлененный Ахура-Маздой из Вечности, ибо победа над злом возможна лишь в том случае, если борьба их будет иметь завершение — иначе, конечной. Именно конечной, так как бесконечность дарует силу злу. Ведь Вечность безвременна, тождественна с бесформием, а зло, вожделеющее разрушения, сильно именно там, где отсутствует форма. Чтобы победить, Ахура-Мазда должен был определить срок, и он сделал это, назначив три периода по три тысячи лет — срок, достаточный даже для самой великой битвы. Пока Анхра-Манью пребывал в радостном предвкушении схватки, Ахура-Мазда прочел великую силой молитву:

Как наилучший Господь,
Как наилучший Глава,
Давший по Истине дело
Мазде благое и власть,
Убогих поставил пасти.

*«Ахуна Вайрья»,
главная зороастрийская молитва*

Сокровенные слова поразили Анхра-Манью в самое его злобное сердце. Дух зла «был охвачен смятением и низвергнулся обратно во тьму. И он оставался в смятении три тысячи лет». Это время Ахура-Мазда использовал, чтобы придать миру материальную форму — воздвигнуть неприступный редут против грядущего натиска Анхра-Манью. Светлый бог создал себе верных помощников Амеша Спента (Бессмертных Святых) — семь великих богов (они же совокупность его божественных качеств, из которых и выросли). Кроме них Ахура-Мазда сотворил мир: небо в форме яйца, воду, землю, светила, растения; он сотворил первочеловека Гайомарта, который в силу первоначального неприсутствия в мире зла был бессмертным, и первобыка, олицетворение мощи природы. Очень показательно, что для борьбы со злом Ахура-Мазде нужен именно материальный мир. Созданный прежде мир «творений в неземной форме» был бесцелен и неосязаем, а значит, несовершенен в борьбе со злом. И потому Ахура-Мазда придал ему материальную суть.

Материальный мир Ахура-Мазды был прекрасен. Его составляли лишь чистые существа — добрые боги, животные и растения, чистая вода и чистый огонь. Период, когда Ахура-Мазда создавал этот мир, получил название Творения.

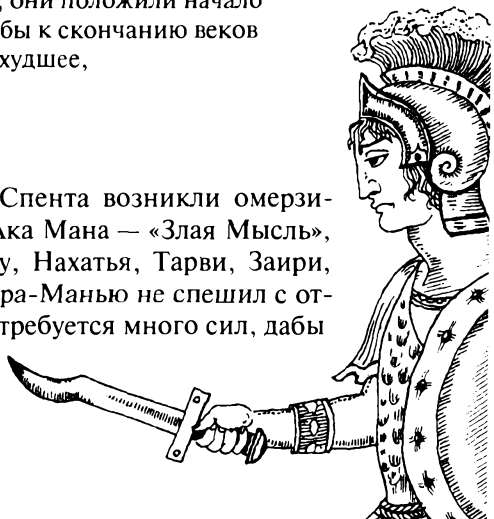

Однако материальный мир оказался уязвим в большей мере, нежели мир духовный, и Анхра-Манью не замедлил воспользоваться этим обстоятельством. Пока Ахура-Мазда творил, его близнец терпеливо выжидал, создавая себе яростных злобных помощников. То есть каждый творил свой мир.

Когда же встретились оба Духа, они положили начало Жизни и тленности и тому, чтобы к скончанию веков Было бы уделом лживых — наихудшее, а праведных — наилучшее.

Авеста

В качестве антиподов Амеша Спента возникли омерзительные дэвы. Первым появился Ака Мана — «Злая Мысль», за ним последовали Индра, Шару, Нахатъя, Тарви, Заири, Митаохта, Друдж, Айшма. Но Анхра-Манью не спешил с открытою враждой, ибо знал, что потребуется много сил, дабы

сразиться с могущественным Ахура-Маздой. И все это время мир жил, не зная зла. Воздух был чист и светел, огонь — ярк и бездымен, вода — чиста и прохладна в жару. В степи, покрытой цветущими растениями, мирно паслись живые твари. Великодушный и прекрасный ликом Гайомарт обрабатывал землю и ухаживал за первозданным быком.

И так продолжалось долго, пока наконец злой дух не решился начать войну. Улучив момент, Анхра-Манью, «сильнейший во лжи», ворвался в мир, пробив его нижний свод и вынырнув из воды. Антагонист уже по факту своего рождения, Анхра-Манью начал переустройство мира. Он испортил чистую воду солью, огонь — дымом, сотворил злых животных и растения, умертвил Гайомарта и быка. И наступил второй период, Смешение, — период, являющийся настоящим.

Этот период есть эпоха борьбы добра и зла. Происходит великое дуалистическое противостояние. Ахура-Мазда во главе армии добрых божеств борется со своим антиподом. Каждый добрый бог также имеет своего злого антипода, добро и зло существуют нераздельно. Против «блистательного, мощного» коня Тиштрии, олицетворения звезды Сириус и животворящей влаги, бьется дэв Апаоша, «паршивый и черный» слуга Анхра-Манью, олицетворение жары и испепеляющего ветра. Еще одно божество, Вайю, вообще раскалывается на двух богов-близнецов: бога победоносной войны и богатства и его антипода — бога зла и несчастья. Уже одно это обстоятельство — близичность — свидетельствует о том, что силы равны и ни одному из противников не победить без вмешательства третьей силы.

Кто же должен сыграть роль этой третьей силы? Естественно, человек, являющийся единственной стороной, еще не определившей своего выбора. И потому обстоятельство равного противостояния, столь незначительное на первый взгляд, приобретает громадную значимость. В мире, созданном близнецами, нет абсолютного добра, как нет и абсолютного зла. Обе противоположности равны, а следовательно, судьба поединка зависит от человека, от его выбора. Это накладывает величайшую ответственность, но и дарует великую силу. Ведь, вмешиваясь в борьбу богов, человек занимает равное с ними положение, образуя троицу. Человек превращает-

ся из пассивной твари в активнейшего участника жизненного процесса. Он борется — за добро ли, за зло, — но борется рьяно, бешено, отважно. Человек обретает великую потенцию, равной которой не имел никогда прежде, в своем величии он вырастает в сверхчеловека, а потом и до Человека, духом равного Богу. Каждый зороастриец ощущал свою великую значимость, недаром даже молитву Ахура-Мазде зороастрийцы произносили стоя, гордо выпрямив спину, в то время как задавленные тяжестью первородного греха иудеи, христиане и мусульмане либо падали на колени, либо гнули спину в низком поклоне.

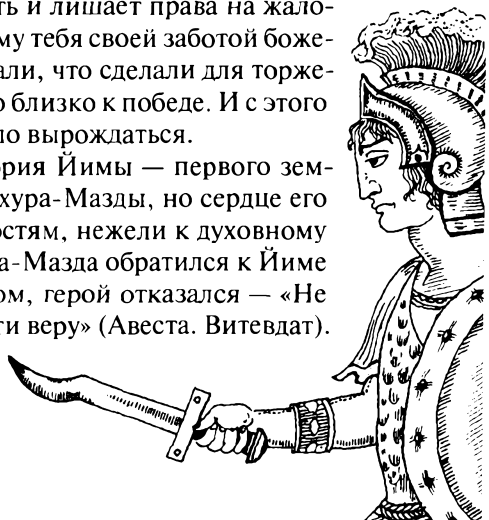

Зороастрийская концепция, по сути, отвергает догмат предопределения. Если будущее иудея, христианина или мусульманина всецело во власти Бога, то зороастриец зависит лишь от себя. В его власти, кому служить, и лишь от него зависит, каково будет воздаяние. Мало того, зороастриец несет ответственность не только за собственную душу, но и за весь мир. Ведь именно его вклад, склонись он на сторону Анхра-Манью, может стать решающим в победе злых сил и привести мир к гибели, напротив, одно-единственное доброе дело может перевесить чашу весов на сторону Ахура-Мазды.

И был миг, когда арии, осознав свое великое назначение, вознеслись сердцем до бога, и, ничтожные числом, двинулись на Восток и Запад, и покорили две трети обитаемого мира. Это было время великих героев — Траэтоны, Керсаспы, Кави Хаосравы. Время, золотой блеск которого сохранен преданиями. Но человек слаб, ему трудно быть равным богу. Это налагает слишком большую ответственность и лишает права на жалобу, на тоскливый вопль оставившему тебя своей заботой боже-ству. В конце концов арии посчитали, что сделали для торжества добра слишком многое и добро близко к победе. И с этого мгновения величие дуализма начало вырождаться.

И предвестием тому стала история Йимы — первого земного царя. Йима был любимцем Ахура-Мазды, но сердце его более склонялось к плотским радостям, нежели к духовному созерцанию. И потому, когда Ахура-Мазда обратился к Йиме с предложением стать его пророком, герой отказался — «Не создан я и не обучен хранить и нести веру» (Авеста. Витевдат).

Он не пророк, он не готов нести веру. Но Йима согласен стать правителем и оберегателем беспомощного рода людского — «я стану мира защитником, хранителем и наставником. Не будет при моем царстве ни холодного ветра, ни знойного, ни боли, ни смерти». С благословения Ахура-Мазды, наделившего Йиму божественной удачей — Хварно, тот организует царство и трижды расширяет его пределы.

Но злобный Анхра-Манью готовит людям жестокие испытания. Золотому веку грозит зима, глобальное бедствие, сравнимое с библейским потопом. Во спасение племени и имущества Йима огораживает свой мир несокрушимой стеной. Подобно тому как Ной спасал от потопа свой род и тварей с помощью ковчега, Йима противопоставляет грядущей зиме стену, способную защитить от самой жестокой стужи. Люди воздвигают громадный загон, какой вмещает в себя все, что есть в этом мире. «Туда принес он (Йима. — Д. К.) семя всех самцов и самок, которые на этой земле величайшие, лучшие и прекраснейшие. Туда принес он семя всех родов скота, которые на этой земле величайшие, лучшие и прекраснейшие. Туда принес он семя всех растений, которые на этой земле высочайшие и благовоннейшие. Туда принес он семя всех снедей, которые на этой земле вкуснейшие и благовоннейшие. И все он сделал по паре».

Но все же настойчивый и хитрый Анхра-Манью добился своего. Не в силах разрушить скрепленное божественной силой жилище людей, Анхра-Манью поразил его создателя — Йиму. Он поселил в сердце Йимы великую гордыню. Йима вдруг решил, что это он, а не Ахура-Мазда сумел преградить путь ворвавшемуся в мир злу. Йима стал восхвалять себя равным благому богу. Йима свершил ужасный грех и «неистинное слово... взял себе на ум». В великой гордыне Йима вольно или невольно перешел на сторону духа зла. Йима стал жесток. Он испробовал вкус мяса и вкус власти, забив быка и поработив своих соплеменников. И Хварно, дарованная Небом удача, улетела от Йимы, лишив его в одночасье и божественного расположения, и земной власти. С грехопадением Йимы в мир проникли зло и смерть.

Беда ариев заключалась в том, что, пресытившись военными успехами, они слишком уверовали в скорое наступле-

ние последнего периода — Разделения, который ознаменует окончательную победу Ахура-Мазды. Этому периоду должен будет предшествовать момент Фратергирд (Фрашгард), когда на землю поочередно сойдут три Саошьянта — Спасителя, три сына Заратустры, рожденных девственницей от семени пророка. Заметим наперед, идея Спасителя тогда была новой для человека и пришла к нему по душе. Недаром эта идея была с готовностью перенята большинством религиозных учений.

Фратергирд — момент истины, когда почитатели Ахура-Мазды будут отделены от тайных и явных слуг Анхра-Манью. Это судный день, когда из земли возникнут кости умерших, которые обростут плотью, и вернется в эту плоть душа-фраваши. Мириады живых и оживших должны будут перейти через реку из раскаленного металла, что хлынет по велению Ахура-Мазды из гор. Добрые сердцем и делами пересекут этот очищающий поток с улыбкой на устах, злые взвоят от невыносимой боли. Бог Хаома приготовит священный напиток, дарующий бессмертие. Люди выпьют его и вернут себе молодость и силы. А потом каждому воздастся по заслугам: праведники попадут в рай, слуги Анхра-Манью — в ад, где их ожидают вечные муки.

Но покуда время Разделения не настало. Мир живет противостоянием добра и зла. Мир живет отвагой и трусостью, честью и предательством, щедротой и скупостью, великодушием и коварством. Мир живет так, как ему положено жить.

Идея о сотворении мира несотворенным богом, о грядущем завершении мира Страшным судом имела громадное значение. Человеческое время получило начало и завершение, и это завершение зависело лишь от самого человека; теперь лишь от него зависело, кто одержит победу в противостоянии добра и зла и чем, соответственно, ознаменуется завершение времени — торжеством и вечным блаженством или падением и вечной катастрофой. Откровения Заратустры зажгли священный огонь в сердцах персов, в краткий с точки зрения истории миг превратив их в самую сильную духом нацию.

Глава 13

Код Бехистуна

Жизнь Заратустры полна загадок — как, впрочем, жизнь любого пророка, усердием многочисленных прозелитов обращенная в легенду. Уже спустя годы после ухода реалии жизни дополняются многими вымыслами, спустя десятилетия она превращается в житие, ну а через столетия уже почти и невозможно найти рациональные зерна посреди пышно разросшейся нивы мифов, преданий и архетипических арабесок.

Реально мы не знаем о Заратустре практически ничего. Даже имя его и то трактуется двояко, то ли похвалой, то ли оберегом. Не осталось и описания внешности пророка, — скорее всего, он не выделялся среди соплеменников ни грозным лицом, ни богатырской статью. Поговаривают, что у него будто бы были три жены, три сына и три дочери — ох, уж эта архетипическая троица! Рождение чудесно, жизнь подвижническая, кончина трагична — как и подобает герою! Известно, что родом Заратустра был с востока Ирана, где и начал проповедь своего учения, поначалу мытарственную, но вдруг приобретающую популярность. За Заратустрой числились сорок ближних учеников, неофитами были многие влиятельные лица, в том числе правитель небольшого царства в пограничье современных Ирана и Афганистана.

А вот тут начинаются загадки и немалые споры. Дело в том, что некий Виштаспа или Гистасп состоял в числе приближенных Кира Великого, а сын того самого Виштаспы впоследствии сделался царем царей, величайшим из монархов своего времени. Можно ли отождествить двух Виштасп, одного из которых авестийская традиция помещает на востоке Ирана, другого, уже исторические свидетельства, — на западе?

Большинству исследователей зороастризма эта версия не по вкусу — она кажется им притянутой за уши. Легенда о пророке вырождается в некий исторический романчик — это во-первых. Во-вторых же, получается, что учение Заратустры имеет не столь уж глубокие корни до того момента, как «засветилось» историческим фактом — в качестве государственной религии и философской доктрины. Получается, что Заратуст-

ра вылез из тьмы, сказал откровенное слово — и целая нация, к слову немалая, вдруг приняла новую веру.

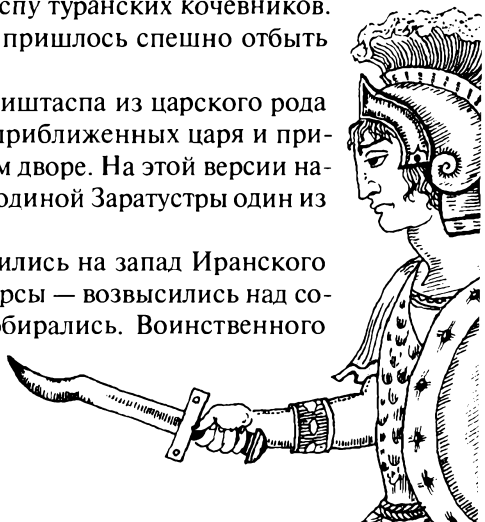
Возможно ли это, если учесть, что подобные религии воздвигались кирпичик за кирпичиком не одно столетие. Иудеи приняли Яхве по меньшей мере после тысячелетнего метания. Христианство металось между язычеством, митраизмом, гностицизмом и таинственными восточными культурами несколько долгих столетий. А тут — некий пророк провозглашает существование единого и единственного бога и ведет за собой толпы новообращенной паствы. Возможно ль?

А то нет! Едва ли кто сомневается в существовании Мухаммеда и стремительном успехе ислама. Просто арабы в тот момент нуждались в том Боге — в противном случае рисковали бедуинствовать от оазиса к оазису. А вот римляне не нуждались, и потому пришлось дожидаться Константина Великого, вполне прагматично «продвинувшего» одного из богов — того, который верховодил самой фанатичной паствой, что и принесло победу в междоусобицах императору-язычнику. И арии нуждались именно в таком Боге, вернее, в истовом слове и в великой идее, какая утверждала прозелита новой веры как единственно праведного, а всех его противников — слугами лжи и зла. Ну и заодно с соответствующими предпочтениями победоносным праведникам.

Заратустра с его верой был нужен именно людям, алчущим победы. На востоке, в царстве Виштаспы, ему не удалось найти серьезной поддержки. Местные жрецы-другванты к конкуренту отнеслись, мягко говоря, без восторга. Возможно, именно они, приверженцы отеческих культов, и натравили на неосторожного неопфита Виштаспу туранских кочевников. И Заратустре с его покровителем пришлось спешно отбыть подальше от слуг лжи — на запад.

Возможна и иная версия, что Виштаспа из царского рода Ахеменидов всегда входил в круг приближенных царя и принял Заратустру уже при парсийском дворе. На этой версии настаивали жрецы-маги, определяя родиной Заратустры один из западноиранских городов.

Так или нет, события переместились на запад Иранского нагорья. Здесь арии — мидяне и персы — возвысились над соседями, но останавливаться не собирались. Воинственного

пыла и сил у них доставало, а вот подходящей идеи, дабы поддержать тот самый пыл, не было. Заратустра с его лозунгом борьбы праведников, слуг истины против слуг лжи пришелся как нельзя кстати. Едва ли он стал духовным лидером — скорее всего, попросту не успел, но недаром ему приписывалось руководство несколькими десятками преданных учеников, да и Виштаспа, личность довольно известная, пришелся ко двору — парсийскому.

Сам пророк был благосклонно принят в мидийском сословии магов, что претендовали на исключительную духовную роль среди собратьев и в силу этого пребывали в оппозиции царю Иштувегу, который пытался подмять под себя племенную аристократию, не сознавая всей опасности своего занятия.

Расчетливые маги обнаружили в учении Заратустры то, что искали, — оригинальную идею, выделявшую его среди прочих. Они решили подхватить знамя новой веры и сделать ее своей — как некий оригинальный «бренд», привлекательный для военной верхушки. Если Заратустра, как кажется (но, может, лишь кажется), осуждал войну, мидийские маги ее оправдали. Неизвестно, был ли к тому времени жив сам Заратустра, но идея противостояния истины и лжи пришлась как нельзя к месту.

А вот здесь стоит уделить несколько слов датам — во многом условным. Согласно зороастрийской традиции, крайней к нам датой, допускающей наличие в брэнном мире Заратустры, считается 583 год до н. э. Так что по нашей гипотезе он вполне мог знаясь с царем Иштувегу. Был ли знаком с пророком Кир, тогда еще не Великий? Не исключено, что мог, — юношей, если условно определить год рождения Кира рубежом VII–VI веков до н. э. Впрочем, Кир мог и впоследствии познакомиться с учением Заратустры через посредников — через того же Виштаспу.

Так или иначе, какая-то незримая духовная сила подтолкнула Кира восстать против мидян, а потом начать беспрецедентную экспансию в Передней и дальше — в Средней Азии. И символично, что погиб великий царь в походе против самых непримиримых слуг лжи — тех самых кочевников-туранцев, анарийа, которых ненавидели арии, как своих извечных многовековых противников.

Наследники Кира продолжили победоносное шествие по миру уже под знаменем новой веры. Но то была совсем не та вера, которую привнес в мир Заратустра. Жрецы-маги узурпировали учение Многоверблюдного. «Чистый» зороастризм умер, просуществовав едва ли с полвека. Если Заратустра, предварив своего верного почитателя Ницше, умертвил богов во имя единого несотворенного Бога, чья суть демонотеизировалась разве что абстракциями Амеша Спента, маги ненавязчиво вернули все на круги своя. Ну кому, скажите на милость, нужны Благая Мысль с Лучшей Истиной, Святое Благодетельство с Целостностью!

И вот Благая Мысль Воху Мана «выпасает» скот, Лучшая Истина Аша Вахишта поддерживает огонь, Власть Желанная Хшатра Варья заведует металлами и небом, Святое Благодетельство Спента Армайти покровительствует земле, Целостность Хаурватат — растениям, Бессмертие Арметат — воде, Спента Манью вместе с Ахура-Маздой — человеку.

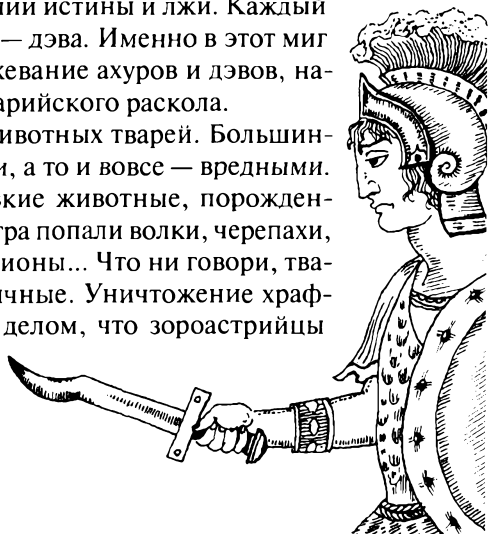
Понимая, сколь чужды простолюдину абстракции Бога, пусть и наделенные свойствами стихий, маги ввели в новую веру старых богов Атара, Митру, Вертрагна, Арьямана; впрочем, их почитание никогда не исчезало. Ахура-Мазда вдруг приобретает сразу несколько жен — Спента Армайти, Паренди, а заодно становится отцом ведущих божеств Атара, Аши, Сраоши, Рашну, Митры.

Ближайшее окружение Ахура-Мазды получает наименование ахуров, пантеон в целом был поименован язатами — достойными почитания.

Ну и, наконец, блестяще, образно воплощается в жизнь идефикс Заратустры — о противостоянии истины и лжи. Каждый благой бог обретает себе антипода — дэва. Именно в этот миг происходит окончательное размежевание ахуров и дэвов, наметившееся еще в эпоху великого арийского раскола.

Заодно поделили надвое всех животных тварей. Большинство были признаны бесполезными, а то и вовсе — вредными. Таковых нарекли хрэфстра — низкие животные, порожденные Анхра-Манью. В разряд хрэфстра попали волки, черепахи, змеи, лягушки, мухи, пауки, скорпионы... Что ни говори, твари по меньшей мере малосимпатичные. Уничтожение хрэфстра считалось настолько благим делом, что зороастрийцы

предавались ему без особой на то практической надобности, чем немало поражали воображение иноверцев-иноземцев. Геродот поведал: «Маги же собственноручно убивают всех животных, кроме собаки и человека. Они даже считают великой заслугой, что уничтожают муравьев, змей и вредных (пресмыкающихся) и летающих животных».

Возглавлял армию храфстра Ажи-Дахака — трехглавый дракон. Победенный героем Траэтоной, Дахака был прикован к скале Демавенд, откуда вырвется, когда начнется последняя битва между добром и злом. Он вновь нападет на мир Ахура-Мазды и будет окончательно уничтожен героем Керсаспом.

Змеи вообще и в целом — создания, более прочих нелюбимые Ахура-Маздову воинству. Все эти гады-драконы отождествлялись с туранским отродьем. Хотя не везде. Арии-кафиры, осевшие в Нуристане, к змеям относились лояльно. Почему? Осталось загадкой. Ну разве что предположить связь культа змеи с Землей и Небом.

Благими были признаны немногие создания, приносящие несомненную пользу. Здесь преемники Заратустры не стали оригинальничать. Особое отношение было к трем вернейшим слугам человека — коню, быку и собаке. Но кажется, более прочих почитался бык, из семени которого, как считалось, произошли все живые существа.

Двойственным оказалось отношение к хаоме. Заратустра проклял и ритуальный напиток, и растение, отказал в признании и зеленоглазому богу. Но слишком была велика сила древнейшей традиции, слишком велика привязанность к хмельшему снабдью, слишком велика значимость хаомы для магов, поддерживавших посредством хаомы свой авторитет. Потому хаому даже восславили, устами Заратустры посвятив ей целый яшт, в котором пророк обращается с мольбой к Хаоме.

Как и прежде, истово почитались стихии, прежде всего огонь. Его возжигали на пави — платформах для жертвоприношения; во время походов перед царем несли неугасимый огонь. Со временем Атару стали возводить грандиозные храмы.

Гораздо большую значимость, нежели прежде, приобрело хварно — божественная эманация, дарующая силу, власть, процветание. Теперь хварно сделалось своего рода посредником между Ахура-Маздой и повелителем Персии — читай: ми-

ра. Ахура-Мазда торжественно вручал хварно царю, как то отражено на знаменитом Бехистунском барельефе, тем самым не просто утверждая его, царя, власть, но и его, царя, божественность, богопреемственность, богоподобие — как угодно. Персидские цари сами претендовали на суть верховного божества — творца, поддержателя и повелителя мира, по сути оттесняя на второй план Ахура-Мазду. Этим объясняется тот факт, что имя бога с течением времени в посвячительных надписях бывает подменяемо именем царя.

Зороастрийские традиции выстраивались постепенно. Роль и значимость новой веры во многом зависели от расположения к ним того или иного правителя.

Кир едва ли был истовым зороастрийцем. Пусть его и отличала истовость в борьбе с внешними врагами ариев, в первую очередь туранцами, но скорей то было естественное стремление ярко выраженного пассионария завоевать себе великую славу, богатство, утвердить власть — а через все это бессмертие в потомках.

Сын Кира Камбиз был человеком со странностями. По крайней мере, так считали его современники; хотя не исключено, что каверзные сплетни о Камбизе выдумали потомки. Камбиз захватил Египет, после чего загадочным образом скончался — будто бы нечаянно нанес себе рану мечом; вероятно, все же ему помогли.

Собственно в Персии в это время была великая смута: власть захватил маг Гаумата. От самозванца парсийские аристократы быстро избавились, возведя на престол Дария, сына того самого Гистаспы-Виштаспы, который, возможно, покровительствовал Заратустре.

Не мудрено, что Дарий симпатизировал зороастризму. Более того, будучи человеком неглупым, он прекрасно понимал роль подобной религии, которая была способна не только сплотить этнически-лоскутное одеяло империи, но и своей установкой бороться за истину до самой победы добра. Таким образом, зороастрийская вера благословляла экспансию против любого неверного народа, олицетворявшего ложь и зло.

Потому-то Дарий восславил Ахура-Мазду, объявив символ веры: «Ахура-Мазда — великий бог, создавший эту землю, со-

здавший небо, создавший человека, создавший счастье для человека, сделавший Дария царем, одним царем над многими, одним владыкой над многими... Ахура-Мазда, когда он увидел эту землю в смятении, тогда и поручил ее мне, он сделал меня царем. По милости Ахура-Мазды я таков, что я — друг правых, я — недруг злых. Я не желаю, чтобы слабым делали зло сильные, и я не желаю, чтобы сильным делали зло слабые. Того, что правдиво, того желаю... Я не желаю, чтобы кто-либо делал зло; но я не желаю и того, чтобы кто-либо, делающий зло, не был бы наказан...» (Бехистун).

После подобного заявления любая агрессия в глазах правоверного арья была абсолютно оправданна. Под знаменем новой веры Дарий продолжил войну против неверных. Это он шагнул через Геллеспонт и крепкой ногой стал на Балканах. Афиняне разбили персов при Марафоне, ознаменовав свою победу легендарным бегом — прихотью отнюдь не спортивной, но ради спасения государства, ибо гонец не орал истошно, как уверяли: «Радуйтесь, афиняне, мы победили!» — но предупредил, что персы порядком потрепаны, но еще не разбиты и, обогнув мыс Суний, могут без боя занять оставшиеся беззащитными Афины.

Преемник Дария Ксеркс продолжил наступление на запад. Хотя афиняне выставляли его лентяем и трусом, едва ли он был таким. Быть может, Ксеркс и не отличался энергичностью, но был последователен и настойчив. Он подавил восстания в Египет и Вавилонии и сумел организовать грандиозный поход против Эллады, которая, однако, устояла.

Сделав упор на внешнюю политику, Ксеркс не забывал и о внутренней. Именно он окончательно утвердил зороастрийский пантеон и запретил культ дэвов во всех сатрапиях империи, закрепив свое повеление на каменных скрижалях — «Дэвов не почитай!» Если прежние владыки терпимо относились к прочим богам, Ксеркс проводил весьма жесткую религиозную политику, не просто отказав в поддержке храмам иноверцев, но и время от времени теребя их казну.

Возможно, это и сыграло свою печальную роль в судьбе Ксеркса. В конце концов он надоел своим подданным и был умерщвлен с наущения собственного сына начальником дворцовой стражи.

Артаксеркс, прозванный Долгоруким — одна его рука была и впрямь длинней другой, — оказался политиком куда более расчетливым, нежели отец. Дабы не искушать судьбу, вернее, приближенных предпочтениями нового переворота, он для начала прикончил приведшего его к власти начальника стражи; в дальнейшем он вел себя весьма осмотрительно, в том числе и в вопросах веротерпимости. К богам собственно зороастрийским он присовокупил иноземных, в первую очередь богиню Иштар, занявшую место подле Ахура-Мазды под именем Анахит. Возвысился и древний Митра. Возникла троица наиболее почитаемых божеств, к которым присоединяли Вертрагну.

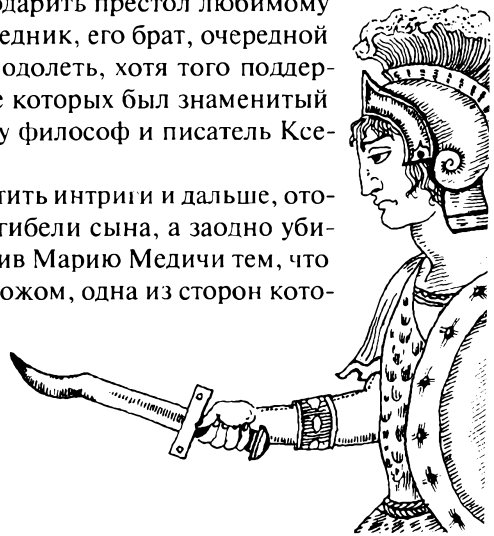
Долгорукий правил едва ль не полвека, а после его смерти началась чехарда. Его сына придушили по пьяни после пары месяцев счастливого правления. Согдиана, бастарда, убившего брата, прикончили спустя полгода после вступления на престол. Очередной наследник-убийца по имени Дарий, присвоивший — что свойственно убийцам — пышное прозвище Добронравный, провел на престоле два десятка лет и прославился борьбой за власть против очередного брата, которого после победы умертвил, приказав бросить в яму с угольями.

Далее заговор следовал за заговором, а казни становились все изощреннее. Сатрапы рвали империю, а в политике верховодила царица Парушиятиш (Парисатида), чье имечко переводится в приличном обществе почти неприлично. Царица крутила муженьком, а заодно и братом, как хотела, и, сдаётся, была причастна к его смерти, хотя история фактов не сохранила.

По смерти мужа она решила подарить престол любимому сыну Киру, однако законный наследник, его брат, очередной по счету Артаксеркс, сумел Кира одолеть, хотя того поддерживали греческие наемники, в числе которых был знаменитый авантюрист, а по совместительству философ и писатель Ксенофонт.

Но Парисатида продолжала крутить интриги и дальше, отомстив всем, кто был причастен к гибели сына, а заодно убила ненавистную сноху, предвосхитив Марию Медичи тем, что травила соперниц, разрезая плод ножом, одна из сторон которого была щедро смазана ядом.

Впрочем, все это мы знаем от придворного врача Ктесия; а сочинитель он был еще тот, что не мешало ему обвинять в выдумках своего соперника по искусству истории Геродота.

Ну а далее властная мать-царица скончалась, и на царя поднялись все верные прежде сатрапы, а заодно и многие сыновья. С бунтовщиками — в том числе и сыновьями — Артаксеркс немилосердно расправился, почему и умер в собственной постели и даже, кажется, собственной смертью в возрасте аж восьмидесяти шести лет, из которых большую часть жизни просидел на троне.

Сынок, также Артаксеркс, был под стать своему отцу, приказав в первый же день царствования перебить едва ли не сотню родных и сводных братьев. Восстания он подавлял также безжалостно, истребляя сатрапов и вырезая население взбунтовавшихся городов. Заодно уничтожал храмы — места душевного отдохновения побежденных, а священного быка Аписа приказал зажарить, после чего с ближними почитаемую скотину и съел.

Но кончил этот царь хуже предшественника, будучи отравлен евнухом Багоем, который спустя пару лет убьет и царского преемника.

И вот на престол Персидской державы взошел небезызвестный Дарий Кодоман, которому суждено было стать последним из Ахеменидов.

Все эти годы новая вера, принесенная на просторы Персиды великим пророком, кажется, процветала. Все более пышными становились обряды. Возводились роскошные храмы, на которых горел неугасимый огонь. Приносились пышные жертвы стихиям, причем жертвенное мясо прибирали к рукам прагматичные маги. Хаому они тоже потребляли, хотя, думается, со временем заменили ее вином — и достать проще, и крышу не сносит.

И все было распрекрасно, и империя, хотя и не без известных потрясений, благоденствовала, покуда вдруг откуда ни возьмись объявил о себе давний ретивый соперник — вера в Бесконечное Время, Зервана.

Глава 14

Еретики

Отчего-то зерванизм, или иначе зурванизм — кому как нравится, — зачастую считают пасынком зороастризма, хотя это по меньшей мере спорно. Еще не известно, кто был папой, а кто — сыном.

Для Заратустры Зерван — абстрактная категория. В Авесте лишь смутные упоминания о Боге Времени, причем в ее поздних частях. В «Гатах» Зерван не упоминается вовсе, но присутствует в более поздних «Ясне» и «Вендидате». Причем здесь Зерван — просто обозначение времени: бесконечного (акарана) и конечного, исторического (даргахвадота). И Зерван поставлен много ниже вышних абстракций Амеша Спента, его обыкновенно упоминают вместе с Тхвашей (пространством) — это просто-напросто философски-натуралистическая концепция.

Более того, создается такое ощущение, что упоминание о Зерване — некая вставка, порождающая вопрос: зачем понадобился этот странный, но оказавшийся весьма привлекательным бог?

Как проявление некоего начала, положившего наличие в мире добра и зла? Не исключено, ибо трудно было обвинить в ответственности за зло Ахура-Мазду. С другой стороны, зороастризм в изложении Заратустры подобного вовсе не отрицал, ибо Анхра-Манью возник именно с целью возложить на человека ответственность в противостоянии добра со злом и триумф за конечное торжество добра. Так что здесь проблемы теодицеи не было вовсе — в этом зороастризм едва ли не исключение среди прочих религий.

Однако с течением времени роль Ахура-Мазды как творца мира пытаются умалить, и место сотворителя сущего занимает Зерван как отец божественных антиподов.

Именно такую концепцию выдвинули зерваниты, оппоненты классического зороастризма, но притом всегда считавшие себя ревностными адептами учения Заратустры.

Вопрос о происхождении зерванизма дискусионен. Одни исследователи считают его молодой порослью, ересью, от-

почковавшейся от традиционного зороастризма. Однако уже доказано, что зерванизм имеет весьма раннее происхождение и берет начало из исконных представлений ариев, повсеместно признававших существование сакральных антиподирующих сил, однако весьма неоднозначно трактовавших истоки их появления. Если на востоке Ирана бытовали взгляды об их изначальном существовании, западные арии предпочитали иную версию — о появлении добра и зла из некоего первоисточника.

Мифы о братьях-близнецах, извечных Авеле-Каине, традиционны и повсеместны. И традиционно же происхождение братьев от некоего родителя. Вот и обитатели Западного Ирана, подпитывающие патриархальную мудрость халдейской ученостью, полагали, что в начале всего было время. Ну что поделать, верили халдеи во всемогущество времени, вернее, Вечности, ибо именно время как Вечность выражало в их понимании незыблемость сущего. Отсюда и Великий год, и вечное возвращение, и вера в судьбу с ее астральной атрибутикой. Но главное — Вечность, идею которой и приняли парсийские арии.

Когда эти представления сложились? Можно смело сказать — в первой половине первого тысячелетия до н. э., предположительно — в VIII—VII веках или чуть ранее. Именно к этому времени относят пластину из Луристана, на которой вычеканено муже-женское божество, порождающее из плеч близнецов. Уже почти общепризнано, что это и есть Зерван, порождающий Ахура-Мазду и Анхра-Манью. Но подчеркнем — почти.

А дальше и вовсе пойдут одни гадания. Вроде бы Луристан, область на юго-западе Ирана, был населен в то время персами. То есть в бога Времени верили, признавали его именно они. С другой стороны, почитание Зервана античные авторы приписывали магам, то ли племени, то ли обособленной жреческой касте, влиятельной к северу. При этом что только им не приписывали!

И что же тогда получается? Заратустра — по нашему мнению — прибыл в Иран, когда зерванизм уже здесь процветал, причем с верой в изначального бога-время и порожденных им близнецов. Заратустра то время как вечность отринул, сохранив близнецную концепцию мира, основывающуюся на противостоянии двух начал, что единственно гарантирует потенцию к позитивному развитию.

Если маги были соперниками зерванитов, они вполне могли принять новую оригинальную религиозную концепцию, весьма привлекательную в пассионарном отношении именно в качестве противовеса идеям соперников — ариев-парсов.

Со времени, когда мидийцы сделались одним из двух привилегированных народов империи Ахеменидов, маги с их верой сделались духовно-жреческим сословием державы и повели борьбу с зерванитами, однако не превращая ее в открытую вражду.

Но можно предложить и другой вариант — что, напротив, маги были огьявленными зерванитами, а набиравшая популярность и покровительство знати вера пророка Заратустры грозила подорвать их влияние. Тогда, устранившись на второй план и внешне признав новую веру, они повели подрывную борьбу против нее, не погнушавшись физическим устранением пророка.

Маги могли вынужденно принять новую веру, пришедшуюся по душе пассионарным и агрессивным владыкам Ахеменидам, но сохранили древние традиции и, постепенно, тишком реанимируя веру в древнего бога времени, подчиняли своему влиянию царей не столь энергичных, а порой и откровенно слабых, державшихся у власти за счет жестокости и коварства.

Как там все было на самом деле, мы уже не узнаем, но факт, что зерванизм уже в самом начале исторической эпохи ариев имел немалое влияние. Выставляя себя истинными зороастрийцами, зерваниты разрушили самые главные устои зороастризма. Они отказались от четко определенной Заратустрой линейности времени, указав, что времени-даргахвадота предшествует-последует вечность-акарана, а значит, что объявленный пророком Страшный суд Фрашгард наступит неведомо когда, если наступит вообще. Выходит, вовсе незачем рвать жилы в священной борьбе с анариа, этими мерзкими дэвовскими порождениями, а можно вести жизнь размеренную, спокойную и сытую. Философия обывателя, что во все времена по нраву многим.

Внешне космологическая концепция зерванизма стройна, словно логические рассуждения Канта. Налицо бесконечное время — оформленное и бесформенное, конечное и нескон-

чаемое, что дает истоки всему. Истоки, начало которых неопределимо.

Если предположить вторичность зерванизма, время было обращено в Бога. Зерван есть производная от Зерван Акарана — бог, происшедший из категории. Человеку, даже сильно-му сердцем, трудно воспринимать в качестве объекта почитания категорию, и потому неизбежна трансформация ее в бога, который более конкретен и наделен, в отличие от категории, характером. Зерван — изначально несотворенный бог, властелин времени. Его можно с определенными оговорками отождествить с орфическим Хроносом. Подобно Зерван Акарана, Зерван даже не время, а вечность, не имеющая ни конца, ни начала.

Время — могущественнее обоих творений (добра и зла. — *Д. К.*)

Время — истинное мерило деяний.

Время благоднее всех благодных.

Время разрешает вопросы

лучше всех разрешающих вопросы.

Наше время переходяще,

В установленное время будет сломлен пребывающий в роскоши.

Душа не спасется от него (времени. — *Д. К.*)

Ни взлетев ввысь,

Ни опустившись вниз,

Ни укрывшись в преисподней.

Из зерванитского гимна

С появлением Зервана как бога Времени арийская концепция возникновения мира приобретает стройные очертания, становясь приемлемой даже для ультрасовременного философского учения. Вечность, представляющая высшую эманацию неразделенного, поляризуется на две антагонистические силы — добро и зло. Но при этом нельзя забывать, что Зерван — сознательное время. Не следует ли из этого, что Зерван сознательно сотворил зло? Отнюдь. Предположить существование бога-творца, сознательно порождающего зло, было бы слишком даже для дуалистического зороастризма. Намерения Зервана самые что ни на есть благие, он желает заполнить пустоту мира добром. Зерван решает создать сына, какой сотворил бы небо и землю, растения и животных, наполнил мир живо-

творящей материей и движением. Зерван молит судьбу о даровании ему сына, но тот никак не появляется на свет. Что поделать, даже время порой не властно над судьбой! И по прошествии тысячи лет Зервана посещает сомнение — а не тратит ли он понапрасну силы?

Именно этого мига ждала судьба, на хрупких плечах которой лежала ответственность за развитие мира. Любое развитие возможно лишь при наличии антагонизма, дающего жизнь движению. Судьба терпеливо дождалась мига сомнения Зервана, чтобы даровать миру условие развития — божественный антагонизм. Именно в этот миг в чреве времени зародились желанный Ахура-Мазда и ненавистный, но столь необходимый миру Анхра-Манью.

Узнав о том, что у него будет два сына, Зерван поклялся отдать власть над миром тому, кто родится первым. Он знал, что первым должен быть Ахура-Мазда. Но простодушный бог добра рассказал о клятве Зервана брату. И тогда Анхра-Манью разорвал отцовское чрево и с торжеством вышел наружу, явив свой отвратительный лик Зервану. Бог времени содрогнулся от ужаса. Он желал бы отречься от данного обещания, но не мог идти наперекор собственной клятве. Это было слишком даже для всемогущего бога. Зервану пришлось исполнить обещание и передать власть Анхра-Манью, но при этом Бог Времени установил срок, по истечении которого дух зла сгинет и воцарится добро. Срок в девять тысяч лет.

Введение Зервана придало зороастрийской концепции большую стройность и, казалось, ничего не изменило. Основой ее осталось дуалистическое равновесие добра и зла. И равновесие это исключало все негативные тенденции, характерные для иудаизма и эпигонских религий. Обе силы: и Ахура-Мазда, и Ариман (Анхра-Манью) — абсолютно равноправны изначально. Оба бога принимают участие в творении, воспринимая его каждый по-своему.

Оба Духа, которые уже изначально в сновидении
были подобны близнецам

И поныне пребывают во всех мыслях, словах и делах,
суть Добро и Зло.

Авеста

Зерванизм абсолютизировал время, сделав упор на его свойства как вечности. При этом Зерван, по сути, умалял Ахура-Мазду, приняв функцию творца и предоставив сыну должность лишь устроителя — сомнительную, ибо другим устроителем был Анхра-Манью.

Время определяло все — судьбу мира, судьбы богов, судьбы людей. Линия времени, с таким трудом натянутая Заратустрой, свернулась в спираль — без начала и конца. История обратилась в вечное повторение; эпоха противостояния добра и зла — в великий год. «Кроме того, — справедливо отмечает Мэри Бойс, — зерванистские заблуждения относительно судьбы и неумолимой власти времени затемнили главное в зороастрийском учении — идею о свободе воли, о возможности для каждого человека решить свою собственную судьбу путем выбора между Добром и Злом».

Если маздаиты эпохи персидской экспансии лишь отчасти поступились свободой воли, передав благому богу контроль, но не власть над нею, зерваниты отказались от этой свободы вовсе, вверив свою судьбу во власть величайшего из богов, которого только можно себе вообразить, — Могушественного Времени.

Именно зерваниты своей проповедью сокрушили краеугольный камень учения Заратустры — идею свободы воли. Действительно, к чему бороться за добро, когда уже все определено бесконечным временем? В будущем это приведет к фактическому поражению зороастризма в противостоянии с зерванистским маздаянизмом, а впоследствии и с исламом.

Незримое противостояние классического зороастризма и зерванизма, облаченного в мантию зороастризма, имело трагические последствия для ариев. По мере обретения славы, богатства и власти арийские вельможи все чаще привечали во дворцах и поместьях всяческих философствующих чудачков, порой философов, порой же откровенных проходимцев. Что делать — мода! Вот так в арийскую верхушку и проникали велеречивые маги. В борьбе за влияние с военной знатью им волей-неволей приходилось быть изворотливыми. Это были большие интриганы, настоящие иезуиты своего времени, без колебания пускавшие в ход нож или болиголов. Со временем они приобрели немалое влияние в придворных кругах, след-

ствием которого становились заговоры, убийства, перевороты, восстания властолюбивых сатрапов.

Тому есть немало свидетельств. Не исключено участие магов в убийстве Ксеркса. Вероятна их причастность к мятежам сатрапов. Но до поры до времени маги старались не афишировать свое тайное могущество. Будучи в массе своей истинными приверженцами зороастризма, самой пассионарной на тот момент веры, они шли впереди войска со священным огнем, и тогда ариям сопутствовала удача. Даже с эллинами они воевали с переменным успехом, хотя на стороне тех были превосходящее вооружение и организация, которым парсийские витязи могли противопоставить разве что удаль с отвагой.

Но постепенно зерванизм выходил из тени, распространял свое странное обаяние не только на декадентствующую знать, но и на неискушенных простолюдинов. Вот тогда-то и произошел крах величайшей империи, когда для последнего из Ахеменидов метания между зерванизмом и зороастризмом закончились Гавгамеллами.

Обыкновенно считается, что грандиозный успех восточного похода Александра объясняется гением его предводителя, великолепной организацией войска да храбростью македонян и греков. Все это так. Но едва ли кто попытался связать триумф этого предприятия с тем катастрофическим духовным сдвигом, который произошел в душах обитателей Ахеменидской империи.

Насколько беспомощными показали себя арии во время этой кампании! Причем именно арии, тогда как иноверцы проявляли достойное мужество и подобающую тому мужеству энергию.

Весной 334 года до н. э. армия Александра, покуда еще не Великого, переправилась через Геллеспонт. Отменная армия, про которую отчего-то считают нужным писать, будто бы она была невелика. Ничего себе невелика! Тридцать тысяч пехотинцев, по большей части тяжеловооруженных, да пять тысяч всадников-катафрактариев. Очень даже приличная армия по тем временам, если, конечно, не сравнивать ее с фантастическими армиями, сошедшимися в битве при Курукшетре.

На реке Граник Александру противостояла равная по численности персидская армия, имевшая серьезный перевес

в коннице. Однако македонские и фессалийские эскадроны после недолгой стычки разметали неприятельскую кавалерию — персов и всадников западных сатрапий. Азиатская пехота попросту разбежалась; сопротивление оказали лишь греческие наемники на персидской службе — и то скорее в силу страха перед вполне очевидным пленением и, как итог, смертью или рабством. Заметим, добрая половина бежавших исповедовала зороастризм, но зерванистского толка и умирать ради неведомо когда назначенной победы сил добра желанием не горела.

Через полгода приключилась новая битва. При Иссе персы имели примерно двойное превосходство, в том числе громадный — если верить античным историкам, традиционно, с подачи архиграмматиков, жизнеописателей подвигов Александра, преувеличивающим силы врагов, — корпус наемников. Но большую часть армии составляли все те же персы и военизированный сброд из западных сатрапий. Последние заслуживают упоминания разве что по причине их численности, персы же — в связи с верой в Зервана со всеми вытекающими из той веры последствиями.

Итог битвы известен. Персидские полки на левом фланге не устояли под стремительным натиском македонских агеи; Дарий, наплевав на заповедь противостояния злу, бежал; греческие наемники после упорного, но недолгого сопротивления отступили.

Но наиболее показательна последняя, решающая битва — при Гавгамеллах. Здесь персы имели по меньшей мере шестикратное преимущество. Македоняне впервые столкнулись с воинами, в прежних сражениях участия не принимавшими. На левом крыле «Великой армии» встали массагеты и бактрийцы — туранские всадники, правое заняли каппадокийские конники, по сути, тоже туранцы, но западные, и прочие. Сам Дарий с лучшими отрядами персов стал в центре.

В прежних сражениях Александр с ходу сокрушал неприятельское левое крыло, но тут он вдруг занялся невразумительным маневрированием. Тем временем правый фланг персов смял противостоящие им македонские полки. Каппадокийцы могли выйти в тыл армии Александра, и тогда исход сражения был бы решен. Однако большая часть их бросилась грабить

македонский лагерь, переполненный добычей, взятой трофеями в предыдущих сражениях. Александр же тем временем так ничего и не сумел поделаться со среднеазиатской конницей и изменил направление главного удара — в центр. После непродолжительного сопротивления персы бежали, но туранские всадники отступили в полном порядке.

Эти туранцы оказали македонской армии самое серьезное сопротивление, какое она только встречала за время похода. Бактрийцы, согдийцы, массагеты два года терзали армию Александра в Средней Азии, причинив ей потери большие, нежели огромные армии Дария в трех великих сражениях. И сопротивлялись бы дальше, если бы не предательство отряда ре-негатов, умертвивших вождя сопротивления Спитамена.

И каков же вывод. Прежние пассионарии персы, приняв веру в Зервана, утратили стремление жертвовать собою ради победы добра, а следовательно, и отчее мужество, зато его в полной степени сохранили народы, державшиеся веры отцов, либо новообращенные, не познавшие сладкой пагубы зерванизма, зороастрийцы.

Не потому-то Александр, привечая персов, формировал первые туземные контингенты из туранских племен, много более отважных, нежели поистаскавшиеся на пирах и философских диспутах арии. Да и женился он по любви на туранке Роксане, остальные же браки — по разуму, как жертва державной политике.

Именно в это время Александр окончательно утверждает в своем отношении к зороастризму. В целом веротерпимый, он отказал в признании единственно арийской вере. Более того, он преследовал зороастрийцев и, судя по тому, в сколь неприглядном облике он предстает в переложении наследников Ахеменидской культуры, весьма рьяно. Физического истребления, кажется, не было, а вот канонический, писанный золотом свод книг Авесты (если искомый существовал) Александр будто бы приказал сжечь.

Отчего такая немилость? Думается, Александр — сам ли, через более просвещенных «друзей» — познал силу этой веры, опасную для завоевателя, обратившего взор к виднеющимся в лучах восходящего солнца горам, за какими простирались бескрайние все еще просторы Востока. Он имел под началом

самую боеспособную на тот момент армию, реальную опасность которой представляли сильные духом люди. Но отнюдь не те, кто признавал бесконечность времени.

Потому-то вельмож-зерванитов Александр милостиво приблизил. Потому-то он привлек на свою сторону «варваров»-туранцев, ибо те шли в бой не ради победы добра, а за милое сердцу героя сокровище в любом его выражении.

Александр стал первым европейцем, приоткрывшим Западу занавешенные паутиной джунглей тайны Индии. Его армия объявилась в Пятиречье во времена смутные, когда предавались забвению старые истины, уходило в никуда величие древних городов, исчезали отеческие боги.

Именно здесь македонской — если же быть более объективным, евразийской — армии довелось одержать самую кровавую победу. На реке Гидасп войско Александра сошлось в битве с армией местного царя Пора, основу которой составляла самая могучая военная сила древности — слоны. В сражении македоняне потеряли тысячу человек, чего не случалось прежде, исключая разве что потери, понесенные в туранской партизанской войне.

Пораженный отвагой и физической мощью Пора, Александр не только сохранил ему жизнь, но и умножил его владения. Он удивился еще более, если бы поинтересовался тайнами той необычной веры, которую исповедовал Пор. А этот могучий, за два метра, царь придерживался, вероятно, джайнизма, учения, распространенного в те времена в Пенджабе, причем особенно распространенного среди воинов.

О джайнизме мы уже говорили выше, но в большей степени — о его зримых странностях. Между тем то было вера сильных людей, готовых час от часу смиренно мести дорогу перед собой ради спасения букашек, но и готовых, если придется, добровольно расстаться с жизнью, причем самым мучительным способом, как то проделал поразивший воображение македонян джайн Калан, добровольно и бесстрастно взошедший на костер.

А далее, к востоку и югу, медитировали те, кто предпочитали самоубийству медленное угасание. Так поступали последователи Будды-Шакьямуни.

Джайны и буддисты медленно, но верно подтачивали древние арийские традиции. Джайн Чандрагупта покорил с пол-

Индии лишь ради того, чтобы уморить себя голодом. Его внук Ашока едва ли был искренним буддистом. Буддизм устраивал его как средство бескровного успокоения вечно недовольных условиями бытия подданных.

Культуру древних ариев, кроме того, пожирали философствующие еретики. Однако им не суждено было одержать победу, ибо из тьмы уже выползали древние боги. Вишну, Шива, Брахма — о них мы уже вели речь. Но апогеем возрождения культуры древних обитателей Индии стал культ Шакти — во всех ее выражениях.

Арии привели с собой на благословенные земли Индостана многих богинь, олицетворяющих силы природы, абстракции, супруг богов — мужей, налитых жизненной силой и страстями. Но были они безлики и серьезного места в религиозных воззрениях ариев не занимали. Из более тысячи гимнов «Риг-веды» богиням посвящены лишь 22, из них 20 — богине зари Ушас в силу ее привлекательности. Так что женские божества были велики числом, но не почитаемы.

Но по мере умирания ведической веры и возвышения новых богов в пантеон постепенно просачиваются богини из местных. Сначала они не больно влиятельны, но, приобретая могучих мужей, возвышаются сами, объединенные общим именем Махадеви или Шакти, Великой Богини. По сути, возвращаются времена Великой и Ужасной Матери, выступающей во множественных ипостасях: Парвати (Дочь гор), Сати (Добродетельная), Гаури (Белая), Дурга (Неприступная), Чанди (Лютая)...

Шакти — не просто Богиня-Мать, благодатная богиня. Постепенно она начинает восприниматься как энергия созидания, сохранения, разрушения, активное личное существо, включающее индивидуальные души. Возникает своеобразный женский монотеизм, ибо Шакти оттесняет, а то и совершенно растворяет Шиву.

Ужасной славой пользовалась Шакти-Кали — богиня-истребительница, чьей ярости и кровожадности могли позавидовать Иштар, Сехмет и Артемида, трехкратно вместе взятые. Черная женщина с распущенными волосами, красными глазами и вываленным изо рта языком — Кали пришла в этот мир для того, чтобы истреблять. Кали — апофеоз смерти. Адепты

Кали, тхаги, или «душители», сотнями умерщвляли прохожих на проселочных дорогах Индии. Самый известный из них, но, может быть, и не самый жестокий, некий Бухрам из Аллахабада, умертвил более 900 человек.

Однако Кали не просто Смерть, она — космос Вселенной. Это она обращает материю и сознание в состояние энтропии. Она — беспощадное время, ужасный всадник Апокалипсиса Калки, она порождает добро и зло, истину и ложь. И она же их поглощает, как и положено беспощадному времени.

Глава 15

Запад и Восток: взлет и падение

Если индоарийские боги растворились в джунглях Индостана или были поглощены зыбучими песками Пенджаба, то их иранские собратья-антиподы не только не исчезли в безднах вечности, но победоносно шествовали на Восток и Запад.

Бездарная утрата власти, а заодно и империи последним Ахеменидом подвергла зороастризм серьезному испытанию. Александр, к тому времени уже сделавшийся Великим, симпатии к вере огнепоклонников не испытывал. Он претендовал быть богом, в то время как это место было занято Ахура-Маздой; небесный трон для двух богов был слишком тесен. Маги в силу приверженности отеческим традициям симпатий к незваному гостю испытывать попросту не могли. Тем более что македонское воинство не церемонилось с зороастрийскими храмами. Грандиозный храм Фратадара в Персеполе пострадал в пожаре, воспламененном куртизанкой Таис. Другой знаменитый храм — Анахиты в Экбатанах македоняне грабили и грабили до тех пор, пока не сорвали серебряные пластины с крыши и не соскребли золотое напыление с колонн. А если еще прибавить анекдот про сожжение «золотого экземпляра» Авесты, нетрудно понять, что симпатии к великому завоевателю поборники истины не испытывали, тая чувство обратное, поклоны отвешивая, но при том шепотком именуя Александра «ненавистным» — эпитетом, которого был удостоен единственно Анхра-Манью.

Столь же нелюбимы и истовым зороастрийцам были унаследовавшие Восток Селевкиды, хотя они были более чем веротерпимы. Впрочем, после смерти Никатора его наследники уделяли внимание в основном Западу империи, предоставив Востоку вариться в собственном соку и выказывая лишь слабые потуги вернуть здесь былое влияние. Люди предприимчивые этим пользовались, откусывая от громадного неповоротливого спрута Селевкидской империи лакомые куски. Такими предприимчивыми были Аршак с Тиридатом, предводители парнов, народа на Востоке не больно известного.

Но никогда не поздно прославиться — так решили братья-парны. Воспользовавшись хаосом селевкидской власти, они подняли мятеж и подчинили земли к юго-востоку от Гирканского моря. Их наследники прибрали к рукам богатую Гирканию. Потом, при воинственном Митридате I, настал черед Мидии, потом Персиды и прочих земель к востоку. При этом Аршакиды не оставляли вниманием и запад, крепко став ногой на древних землях Вавилонии и Ассирии.

Вернее, не ногой, а копытом, ибо покоряли соседей силой самой победоносной в те времена конницы — латных всадников, скачущих на могучих, закованных в броню скакунах. «Драконы» — полки в тысячу воинов — сметали со своего пути во много раз превосходящие их армии противников. И никто, ни один из соседей не мог им противостоять.

Запад познакомился с парфянами уже после смерти Митридата, новых соседей явно недооценив. Сулла едва снизошел до разговора с парфянским посланником, Помпей обращался с парфянским царем, словно с собственным легатом. За все это пришлось поплатиться Крассу.

Не место здесь пересказывать перипетии злосчастной экспедиции триумвира на Восток. Достаточно сказать, что Красс, как и подобает высокомерному потомку Ромула, к врагам отнесся с нескрываемым пренебрежением. Имея четырехкратный перевес, он позволил завлечь свое войско в ловушку. Половину римского воинства парфяне перебили, еще четверть пленили, отправив пленников охранять восточные границы империи, где бывшие легионеры доблестно, но без успеха сражались против вооруженных дахуанами китайцев. Сам Красс повторил судьбу Великого Кира — его отрубленная голова бы-

ла брошена на театральный помост в финале пьесы Еврипида «Пенфей».

Впрочем, век величия и славы Парфии оказался недолог. Уж больно взбалмошны были цари-парны. И в политике, да и в вере. Парфяне, подобно предшественникам-персам, проповедовали зороастризм, но как-то непоследовательно, ибо признавали и иноземных богов, отождествляя их с зороастрийскими.

Единственное, что они в полной мере унаследовали от своих легендарных предшественников Ахеменидов, был культ огня. Этих самых огней они возжигали превеликое множество, утвердив особую значимость трех: Атар-Фарнбаг — огонь жрецов в Парсе, Атар-Гушнасп — огонь воинов в Шизе, Атар-Бурзин-Михр — огонь земледельцев в Хорасане. Некоторые из огней были аташданами — неугасимыми, — парфяне были первыми нефтедобытчиками в истории.

А вот Ахура-Мазду, прозывавшегося теперь Ормаздом, парфяне «подвинули», отдав пальму первенства Митре — богу, куда более им понятному и близкому. Возможно, это случилось при царе Митридате, что прирастил Парфию землями от Малой Азии вплоть до Инда. Недаром этот царь при восхождении на престол взял имя «Данный Митрой». Парфяне не просто верили в благого и воинственного бога, но и заразили этой верой своих соседей и извечных противников — римлян.

К перелому эпох римляне уже провозгласили *requiem aeternam deos* — вечную память богам. Времена второго Катона минули, уступив развеселым и победоносным годам Лукулла, Красса и Цезаря. Юпитер и Янус сделались непопулярны, потесненные божествами таинственными, мистериальными, вроде Изиды или Диониса. Легионеры, с переменным успехом воевавшие с парфянами на Евфрате, зауважали своих неприятелей, а заодно и богов, которым те поклонялись. Вернее, бога...

Ахура-Мазда-Ормазд римлян не привлек — уж больно тот был аморфен и прямолинеен в своих призывах отстаивать истину. Зерван был уж тем более непонятен — солдату не приходило в голову, что можно поклоняться времени. А вот Митра... Тот был симпатичен — своим прямодушием, воинственностью и той самой таинственностью, что извечно влечет чело-

века. Он так лихо прикалывал быка, что это не могло не восхитить бравых римских вояк. А еще про него пошептывали, что принявший таинства Митры может обрести вечную жизнь.

И, возвращаясь с Востока, легионеры несли веру в Митру — прекрасного юношу во фригийском колпаке...

Вообще-то, пути митраизма на Западе были весьма извилисты. Жил да был на берегах Эвксинского Понта государь, прозывавшийся Митридатом Благородным, или Евпатором. К парфянам сей Митридат отношения не имел, владея собственным царством, надо сказать, немалым и весьма процветающим. Славен был тем, что с самого детства искал и находил на свою голову приключения, знал два десятка языков и был невосприимчив к ядам, которые в гомеопатических дозах употреблял с того же самого детства, дабы не быть отравленным по взрослении.

Сведений о конфессиональных пристрастиях Митридата история не сохранила, но, исходя из одного лишь тронного имени — вернее, шести, ибо предшественники нашего героя также именовались Митридатами, — резонно предположить, что Митру он — как и предшественники — почитал.

Силой вернув отнятый было у него престол, Митридат в считанные годы покорил соседние царства, создав самую могучую и обширную в Причерноморье империю. Потом он имел неосторожность дерзнуть возвыситься над Римом, но потерпел неудачу, хотя и долго сопротивлялся. Кончил он естественной для государя смертью — не от яда, ибо к сим снадобьям был невосприимчив, а от меча собственного телохранителя.

После Митридата остались киликийские пираты — brave парни, обосновавшиеся в неприступных гористых бухточках. Грабили они всех и вся, в том числе и римлян, к тому времени возомнивших себя властелинами мира. Какое-то время римляне это терпели, потом собрали флот и поручили командование честолюбцу Помпею, который и покончил с разбойниками. Но многие из них, в пример своему господину, также чтит больше прочих богов Митру. И зараза эта распространилась среди легионеров — парней, ко всяким иноземным диковинам восприимчивым.

Все это в сочетании с войнами против парфян, в которых римляне имели возможность на собственной шкуре убедиться

в доблести своих недругов, помогли им сделать вполне логичный вывод: у этих отважных людей отважный бог. Так Митра приобрел себе множество преданных адептов в Риме.

Пожалуй, ни одна религия не распространялась на Западе столь стремительно, как митраизм; хотя, конечно же, западный митраизм очень сильно отличался от митраизма восточного. Восточный митраизм был религией публичной, поклонением сильному богу — солнцу и воину; западный же — мистериальной, судить о сути которой мы можем в большей степени по христианской теологии, беззастенчиво обокравшей зороастрийские каноны.

Мистерии Митры преследовали цель, обычную для всех мистерий, — постичь высшую истину, а иначе — приобщиться к вечности. Символика митраистских мистерий зафиксирована на многочисленных сохранившихся барельефах в открытых в позднейшие времена митреумах. Композиция, по обыкновению, традиционна, в центре ее — Митра, закалывающий быка. Традиция тавроболии была широко распространена в древности. Достаточно вспомнить Крит с его священными быками, которых нет-нет да приносили в жертву, что нашло отражение в мифе о Минотавре. Еще одного быка принес в жертву титан Прометей. В Месопотамии Небесного быка сразил герой Гильгамеш. В Индии бык Индра сразил вола — демона Вритру. В Персии первочеловек Йима, соблазненный Ариманом, убил первобыка, дабы попробовать вкус мяса, который вскоре приведет его к пагубному желанию испробовать вкус власти.

В чем смысл тавроктонии Митры? И как благой бог может покуситься на жизнь первобыка? Ведь зороастрийцы приписывали умерщвление Быка злодею Анхра-Манью, но притом признавали, что погубительное деяние обернулось благом, ибо из плоти быка возникло все живое: из тела — полезные травы и растения; из спинного мозга пшеница, из крови — лоза, из семени — полезные животные.

Потому-то символическое жертвоприношение было обязательным актом митраистских мистерий. Неофита вводили в митреум — пещеру или чаще подвал, — оборудованный соответствующим образом: священными изображениями, статуей Митры, которые испытуемый, впрочем, не видел, ибо его, завязав глаза, влекли в неизвестность.

Его проводили по семи ступеням посвящения, символизирующим уровень постижения высшего. Тут фантазия изобретателей нового культа играла причудливо. Ступени именовались: Ворон, Скрытый, Воин, Лев, Перс, Гонец Солнца, Отец. В общем-то определенная логика присутствует — если не в рангах, то в именах.

Попутно нашего неопита поливали кровью, что означало обновление души, притом посвященные издавали звериные крики: ворона или льва. Его поили вином вместо хаомы — приятная часть церемонии, что очень быстро сообразили христиане, взяв вино в свой ритуал. При этом неопит познавал былое с грядущим: как осознавший суть тавроболии Анхра-Манью попытался переломить ситуацию в свою пользу. Ведь он убил быка, надеясь тем привнести в мир ложь, однако все, порожденное плотью быка, служило торжеству истины. Дабы исправить это недоразумение, Анхра-Манью принялся насылать в мир своих злобных слуг. Для начала он послал на пагубу произросшим из плоти быка благим порождениям всяческих скорпионов, змей и муравьев. Когда те, выбившись из сил, не добились успеха, творец лжи наслал засуху. В ответ Митра выбил стрелой из скалы воду. Анхра-Манью в ответ устроил потоп. Митра построил ковчег. Выдыхаясь, бог зла соорудил жалкий пожар. Митра ответил тропическим ливнем.

Анхра-Манью осталось лишь признать свое поражение, радуясь хотя бы тому, что не стало быка. Однако и тут его ждало горькое разочарование, ибо в конце времен быку суждено возродиться. И Митра снова убьет его и воскресит людей. Кровь быка, смешанная с жиром, дарует людям бессмертие. Потом бык появится вновь...

После доведения до неопита этих высших истин с его глаз снимали повязку, и теперь уже полноправно посвященный мог созерцать священные изображения.

Обязательной была сцена тавроктонии, где Митра заливает быка. Многосложная сцена. Радостный Митра, радостный бык, по сторонам — пара радостных факелоносцев, символизирующих заход (факел вниз) и восход (факел соответственно вверх) солнца. Порой Митру с быком и стражей дополняли еще львом, змеей и кратером — сосудом для питья. Лев представлял огонь, змея — землю, кратер — воду. Все

вместе — три стихии, сражающиеся между собою. А над ними возвышался Митра — посредник, судопроизводящий и примиряющий.

В наиболее богатых митреумах бывали и иные сцены. К примеру, рождение Митры из камня, охоты, где спутниками бога были лев, собака и кусающая свой хвост змея — существа, в данном случае равно благие, символизирующие солнце. Чуть реже встречался портрет львиноголового божества, обвитого змеей, — Митры или Зервана, ибо зерванизм тоже постепенно проникал незримыми щупальцами на Запад.

Митраисты объединялись в обособленную, сплоченную касту, что помогало выжить в непростые времена дворцовых переворотов, междоусобиц и чудачеств императоров — людей, в пристрастиях непостоянных. Хотя большинство императоров митраистам покровительствовало. Хотя бы по той банальной причине, что Митре поклонялась большая часть военных и знати.

Митру почитали Нерон и Коммод. Он признавался верховным богом при воинственном Диоклетиане. Даже Константин Великий, что принял христианство, от митраизма вовсе не отказался. На территории империи прятались от света сотни и сотни митреумов — от Евфрата до Атлантики. Более всего их было на северо-востоке — в Германии и сопредельных провинциях, что немудрено — ведь именно здесь располагалась большая часть легионов, отражавших натиск воинственных варваров.

Именно отсюда и начались беды для митраизма. Варвары опустошили восточноевропейские пределы империи, провинции пассионарные, откуда рекрутировалась добрая половина легионеров, потенциальных митраистов. Другой бедой стали неудачи в непрекращающихся войнах с Персией, где уже правили Сасаниды. Если две первые из них прошли с переменным успехом, то третья закончилась для римлян унижительной катастрофой.

В те времена в Персии правил Шапур, царь из рода великих. Еще юношей он сражался против парфянских владык, лично сразив в последней битве царского визиря. Взойдя на престол, Шапур успешно воевал против римлян, захватив множество городов к западу от Сасанидской империи.

Пытаясь вытеснить персов из Сирии, которую те захватили и власть грабили, император Валериан повел на восток 70-тысячную армию. Что уж там приключилось, в точности неизвестно. Но факт — в результате сражения ли, предательства римляне были разгромлены, а Валериан оказался в плену. Полоненный император — единственный случай в истории Вечного города!

Но унижение Рима на том не закончилось. Шапур отказался выдать державного пленника — судьба того была печальна. По одной версии, Валериан закончил свои дни в почетном плену, по другой — учитывая характер шаха, она кажется верной, — Шапур использовал императора в качестве скамеечки, когда садился на коня. Когда же Валериан вновь осмелился заговорить о выкупе, предложив в обмен за свою персону несколько тонн золота, шах повелел влить в глотку пленника толлику этого металла, после чего с мертвеца содрали кожу, набили ее соломой и выставили на позор в храм. Там это подобие мумии и красовалось до последней римско-персидской войны, когда император Гераклий, разгромив персов, «вызволил» останки Валериана и повелел предать их захоронению.

Надо ли говорить, что римлянам все эти перипетии судьбы императора — живого и мертвого — по душе не пришлись. Как раз примерно в это время прекратились гонения на христиан, до того со времен Нерона почти непрерывные. К христианам сносно (по меркам того времени) относились разве что Коммод и Максимин Фракиец; похоже, этим буйным чудакам было просто не до каких-то там сектантов: один развлекался на гладиаторском поприще, второй — восьмифутовый гигант — все три года правления истреблял неугодных; христиане ж, будучи людьми благоразумными, в это время забились в щели и на глаза ему не попадались.

А вот Валериан паству Христа недолюбливал. По его приказу были казнены папа Сикст II и масса знатных людей, исповедующих христианство; казни отличались немалым разнообразием: от распятия и «усекновения мечом» до сжигания на костре. И посему на войну против персов армия Валериана шла под крестом Митры — тем самым, что заключен в круг.

Но вот она была разгромлена, и — о чудо! — державный Рим вдруг отказался от преследования христиан. Сын Валериана

Галлиен разрешил христианам свободное вероисповедание, и те не преминули этим воспользоваться.

Но для полного торжества необходимо было покончить с главным соперником — митраизмом. А лучшим средством в подобной борьбе во все времена была идеология. У митраистов с догматикой все было в полном порядке. За прошедшие многие годы она, что называется, устоялась и стала привычно-обыденной. Христиане же, «опоздав» на столетие, пребывали в поиске. И тогда, ничтоже сумняшеся, они принялись беззастенчиво заимствовать чужие догмы. Митраисты манили неопитов обещанием рая, всем прочим предрекая ад. Христиане не замедлили воспользоваться этой идеей. Адепты Митры считали своего бога грядущим Спасителем, апостолы и иже с ними назначили ту же почетную роль Христу. Биографию Христа весьма ловко подогнали под биографию Митры: родился от девы (так же считали армянские митраисты) в хлеву (Митра — в гроте), был приветствуем магами (а кто же еще мог приветствовать Митру?). Да и несотворенные отцы весьма похожи.

Отказавшись от пролития крови, христиане переняли у митраистов идею с вином. Потом они подменили приговоренного к смерти быка агнцем. Потом перенесли все свои главные праздники на дни почитания Митры, запутав невежественных легионеров, которые в конце концов махнули рукой: какая там разница, за кого испить винца!

Но Рим нуждался в крепких телом и духом солдатах, христиане же в большинстве своем воевать отказывались. В конце концов подобное отношение к священному долгу римлянина вывело из себя Диоклетиана, того самого императора, что на склоне лет увлекся выращиванием капусты. Он возобновил преследования христиан и умножил покровительство митраистам, составлявшим костяк армии.

Однако Диоклетиан, этот отважный вояка, в политике все же остался неисправимым идеалистом, променяв, отрекшись, власть на приснопамятную капусту. Далее последовала кровопролитная распря между его преемниками, вылившаяся в решительное противостояние между христианами и митраистами. «С отречением Диоклетиана и Максимиана от престола следовали восемнадцать лет раздоров и смут: империя была

потрясена пятью междоусобными войнами, а остальное время прошло не столько в спокойствии, сколько во временном перемирии между несколькими враждовавшими один против другого императорами» (Э. Гиббон).

Да, так и случилось — отказ от власти мудрого и умеренного Диоклетиана положил начало великому хаосу, когда враждовали между собой сразу шесть августов, постепенно — собственной смертью или не совсем — сходявшие с арены истории. Наконец на первые роли вышли августы Константин, Максенций и Лициний. В 312 году произошло решительное столкновение между Константином и Максенцием, первого из которых историки выставляют образцом всех добродетелей, второго же — вместилищем всех пороков. Возможно, было и не так, но уж воистину — победителей не судят.

В решающем сражении под Римом перевес был на стороне Максенция. Перед битвой Константин повелел воинам нанести на щиты изображение креста, символизируя тем самым противостояние Западу Востоку, под которым теперь воспринималась и принадлежавшая Максенцию Италия. Крест противопоставлялся — Непобедимому солнцу, изображенному на знаменах митраиста Максенция, и символизировал претензию на установление новой эры, новой культуры, новой веры. В кровопролитном сражении при Мульвиевом мосту победу одержала небольшая, но искусная в ратном искусстве, уверенная в своем вожде армия Константина.

Максенций кончил жизнь не совсем так — или же совсем не так, — как подобает полководцу и императору. Упав с моста, он захлебнулся в тине. Константин же свою победу приписал покровительству бога христиан, который вскоре сделался официальным богом империи, хотя и не единственным, ибо Константин почитал отеческих римских, а также галльских, да и азиатских богов. Но христианство начинало первенствовать, ибо Константин понял его силу — готовность к жертвенности. Оставалось лишь направить ту самую жертвенность в нужное русло — умирать не за веру, а за государство и императора или же, что также понял Константин, — за веру, воплощенную в государстве и императоре.

Митраизм же отныне отвергался — как вера, враждебная государству, а теперь уже и государственной вере. Отвергался

еще и потому, что притихшая при Диоклетиане Персия поднимала голову, возвращаясь к статусу врага номер один. Персия, одолев ереси и догматические шатания, стремительно воздвигала монумент древней веры, грозившей через очищение сделаться грозным соперником шаткому полисинкретическому западному мировоззрению.

Потому-то митраист Константин предал свою веру, обратившись — искренне ль, нет — к новой, куда более приемлемой государству. На созванном в 325 году Никейском соборе он объявил христианским прелатам: «Вы — епископы внутренних дел церкви, я — поставленный от Бога епископ внешних дел».

С новой верой Константин намеревался опрокинуть зооострийско-митраистскую Персию, но в сем не преуспел — умер в основанной им столице, что просуществует всего на столетие меньше Вечного (античного) Рима.

Митраизм еще боролся, но сумел горделиво вскинуть голову единственно на три года (361—363) — при очень странном императоре Юлиане, нечесаном, небритом, философствующем и безрассудном, нашедшем гибель в сражении с персами: не так уж часто императоры находили смерть на поле боя, а не в опочивальне или походном шатре — от кинжала, петли, грибочков или неистовства предавших преторианцев.

Ну а потом христиане вернулись. Уже в 377 году римский префект приказал уничтожить митреумы. Христиане, сами добрые три века преследуемые, обратились в преследователей — своих соперников сначала потеснили, потом прижали, а в довершение перешли к грубой физической силе, свидетельство чему — останки умерщвленного жреца, обнаруженные в митреуме, раскопанном в Саарбурге.

Покуда митраизм бился за первенство с христианством, Восток бурлил переменами. Парфянские Аршакиды, столь славные своими триумфами над Римом, растратили пассионарность в междоусобицах. К началу III века Парфянская империя была расколота на несколько сот владений, многие из которых лишь номинально подчинялись царям, а многие и вовсе не подчинялись. То один, то другой правитель поднимал голову против центральной власти, которая была столь шатка, что любой мало-мальски влиятельный вазург или мар-

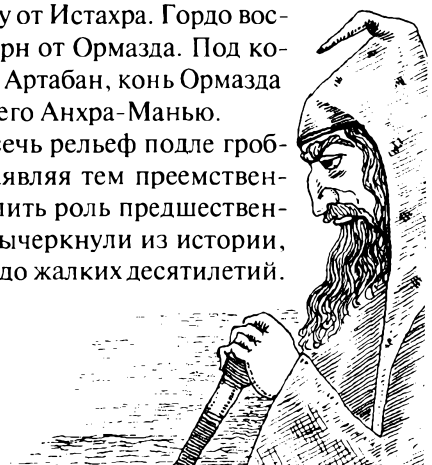
забан мог претендовать на корону. Все эти вазурги и марзабаны ни во что не ставили своих уже ставших номинальными владык. Достаточно было ничтожного проявления слабости этих владык да еще удобного момента.

Подобный момент настал в тридцатые годы III века от рождения Иисуса, которого в Парфии не признавали, но почитателей которого парфянские цари — толерантно, как выразились бы сейчас, — не преследовали. Некий Папак из знатного жреческого рода, хранитель Великого храма Анахиты в Истахре, что в Парсе, сверг местного марзабана и захватил княжеский престол; по другой версии, это сделал его отец Сасан. Как бы то ни было, в итоге власть оказалась у Арташира, младшего сына Папака, возможно своевременно убравшего с пути старшего брата.

Арташир с юности проявлял редкую прыть и полнейшую беспринципность; он равно умерщвлял и врагов, и поднадоевших друзей. Так что первые его страшились, а вторые побаивались. Но что удивительно, никто не решился составить против него заговор. Напротив, когда явилась нужда, соседи дружно встали под его знамена, что позволило Арташиру сформировать небольшую, но сплоченную армию и объявить войну своему сюзерену — парфянскому царю Артабану V, который отказался утвердить власть Арташира. Вазурги с марзабанами, реально оценив ситуацию, перебежали на сторону властителя Парсы, к тому времени силой и уговорами покорившего многие соседние земли. Для начала Арташир разграбил царскую резиденцию на Тигре Селевкию, а потом разгромил и парфянскую армию. С еще живого Артавана содрали кожу — уж таковы были нравы!

Свой триумф победитель запечатлел на впечатляющем рельефе на скале Накши-Рустам неподалеку от Истахра. Гордо восседая на коне, Арташир принимает фарн от Ормазда. Под копытами царского коня — поверженный Артабан, конь Ормазда топчет змееволосого Ахримана, прежнего Анхра-Манью.

Арташир символично приказал высечь рельеф подле гробниц древних царей — Ахеменидов, заявляя тем преемственность с древней династией. Дабы умалить роль предшественников, их впоследствии фактически вычеркнули из истории, сократив четыре века величия Парфии до жалких десятилетий.

Через пару лет после гибели последнего Аршакида победитель подчинил бóльшую часть бывшей Парфянской империи, беспощадно уничтожая непокорных — были разорены по меньшей мере девяносто из двух с половиной сотен княжеств.

Потом Арташир повернул взор на запад и вторгся во владения Римской империи, положив начало вражде, растянувшейся шестнадцатью войнами по четырем столетиям (без двух лет — с 230-го по 628-й).

Свою власть прагматичный Арташир сразу же после вступления на престол принял утверждать укреплением веры. В титулатуре первых же отчеканенных монет значилось «поклоняющийся [Ахура-] Мазде, владыка, Арташир, царь царей Ирана, происходящий от богов».

Арташир повелел своему приближенному Тансару, ставшему верховным жрецом — эрбадом, записать священные книги Авесты, приведя те к единому канону. До того гимны Авесты письменно не фиксировались, и, учитывая бурную историю Персии после Ахеменидов, в передаче священных канонов изустно возникли множественные противоречия; многое было утрачено, многое искажено — дополнено.

Однако, упорядочив зороастрийские каноны с почитанием Ормазда, новая династия и не думала отказываться от почитания богини, жрецами которой Сасаниды служили издревле. Очень скоро цари принимают власть не только от Ормазда, но еще и от не менее популярных богов — Митры и Анахиты, причем, если царь почитался земным воплощением Ормазда, его старшая жена, царица цариц, отождествлялась с Анахит.

Дабы подчеркнуть значимость царской власти, было закрыто большинство провинциальных храмов, а из оставшихся были удалены — читай: разбиты — все статуи. Сасаниды выказали себя первыми в истории «иконоборцами», но только в отношении храмовых статуй. Почему? Можно только гадать, но, вероятно, они пытались свести сакральное чисто к духовному, чуждому материального. Не исключено, что здесь сказалось влияние одной из величайших ересей — манихейства.

Мани — один из наиболее ярких духовидцев в мировой истории. Жизнь его несомненно легендаризирована, но куда в меньшей степени, нежели, скажем Моисея или Иисуса. Рождение, детство и юность Мани не отмечены чудесами. Про-

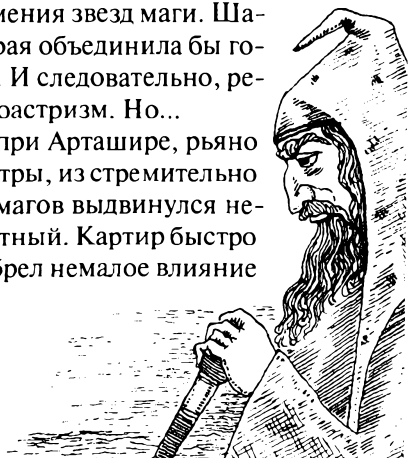
исходил он из знатной парфянской семьи. Отец будущего пророка состоял в одной из вавилонских сект халдейско-гностического толка.

По собственному утверждению, Мани в двенадцать лет получил откровение — равно как и Иисус, — но, вернее, усвоил немало из тех знаний, какими манипулировали гностики. По взрослению он совершил несколько путешествий, побывал в Согде и Китае — и, возможно, не только там. Прекрасно осведомленный в зороастрийской догматике, он познакомился со всеми значимыми на тот момент учениями: языческими культами Востока и Запада, иудаизмом, христианством и гностицизмом. На основе этой мешанины визионерских воззрений Мани в достаточно юном возрасте выстроил собственную концепцию мирооснов и решил, что готов действовать.

Свою проповедь он начал дерзко и решительно, быстро завоевав известность — не просто на уровне секты, как это было с Иисусом, но на государственном. Юный проповедник, не прилагая особых усилий, получил приглашение на коронацию нового шаха Шапура. Этот в будущем великий царь находился в опасном положении. Персия пребывала в состоянии необъявленной войны с Римской державой. Внутреннее состояние было весьма нестабильным. Пусть разноплеменная вельможная клика признала новую династию, однако в головах подданных царил разброд. Усугублялся он тем, что Сасаниды за короткий срок подчинили значительные территории, населенные пестрым в этническом и конфессиональном отношении населением.

Главенствовал зороастризм, но попутно цвели и благоухали христианство, вера в греческих и римских богов; проповедовали наследники левитов, плели паутину диковинных учений всевозможные гностики, толковали знамения звезд маги. Шапур нуждался в некоей единой вере, которая объединила бы государство, причем именно как иранское. И следовательно, религиозным стягом должен был стать зороастризм. Но...

Было одно очень большое «но». Еще при Арташире, рьяно покровительствовавшем учению Заратустры, из стремительно упрочивавшего свои позиции воинства магов выдвинулся некий Картир, человек незаурядный и властный. Картир быстро возвысился над прочими магами и приобрел немалое влияние

при дворе, которое всеми способами укреплял. Шапур, поку- да еще не обладавший авторитетом отца, ощущал опасность, которую представлял авторитет жреца.

Потому, подумав — а шах был очень и очень неглуп, — Ша- пур решил создать два идеологических центра: один — для по- литики внутренней, другой — внешней. Он трезво рассудил, что для персов и племен, приравненных по положению, пред- почтительней зороастризм как вера сильных и пассионарных людей. Для прочих же предназначалась иная вера — в основе также маздаянистская, но с вкраплениями иноземных, род- ных покоренным народам культов. Обе веры, соперничая, бу- дут стремиться опереться на светскую власть, а значит, он, Шапур, сделается верховным судьей. Рассудив подобным об- разом, шах решил принять молодого проповедника.

Случилось ли это на коронации или при иной, может быть, личной встрече — неведомо: сам Мани утверждал, что де- ло было на коронации, — но, быть может, ради того, чтобы придать значимость собственной персоне. Мани был пред- ставлен Шапуру братом шаха Перозом, который отрекомен- довал юного проповедника в самых восторженных тонах. Ма- ни преподнес повелителю Персии свое базовое произведение «Шалуракан» (то есть «Книга Шапура»), в каковом превозно- сил свое учение и без ложной скромности ставил себя на рав- ную ногу с величайшими пророками. «Мудрость и [добрые] дела неизменно приносились людям посланниками бога, — гладко струилось по пергаменту перо Мани. — Раз они были принесены в Индию через посланника, именуемого Буддой, другой раз — в Ирак, через посредство Заратуштры, другой раз — в страны Запада, через посредство Иисуса. В настоя- щий последний век написано вот это откровение в страну ва- вилонскую и объявилось пророчество в лице моем, Мани, по- сланника бога Истины».

Посланник бога Истины! Мани объявлял себя новым про- роком религии Мазды, таким преемником Заратустры. Но много ли в его учении было от классического заратуштриан- ства? Едва ли. Манихейская доктрина являла собой смесь маз- деизма, иудаизма, христианства и — более всего — гностициз- ма. Дабы не перелагать уже много раз сказанное, позволю себе процитировать Мэри Бойс, давшую краткую и очень четкую

характеристику манихейства: «Так, он верил в бога и в дьявола, в небеса и в ад, в три эпохи, в посмертный суд над каждым человеком, в конечную победу над злом, в Последний Суд и в вечную жизнь блаженных праведников среди сил небесных. Что касается этого мира, то его учение было глубоко пессимистическим, так как он смотрел на мир как на полное воплощение зла и считал, что для человека лучше всего возможно в большей степени отказаться от мирского, вести тихую, аскетическую жизнь и окончить ее в целомудрии, так, чтобы душа могла бы попасть на небеса, а сам человек не участвовал бы в увековечении страданий на земле. Учение Мани было, таким образом, прямо противоположно положительным жизнелюбивым принципам зороастризма».

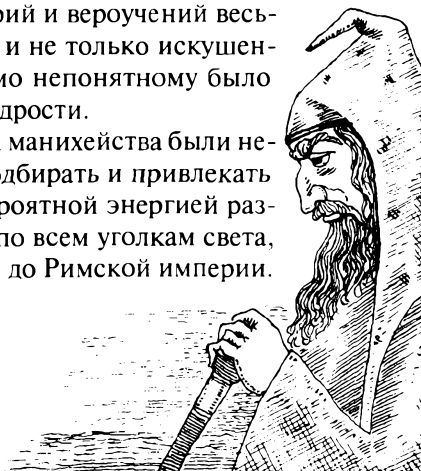

В принципе, сказано все, а если и добавить, то немного конкретики. Мани довольно удачно переумничал мудрствующих гностиков. Бог мой, чего он только не напридумывал! Тут и Отец Величия, мир породивший, и Великий Дух, он же Мать, и, конечно же, Сын. А еще Эоны, Возлюбленный светов, Строитель, и Носители, и Посланники. А против них воинство Мрака или Тьмы — бездуховное и агрессивное, тоже более чем многочисленное: демоны, дьяволы, архонты — эти описаны с немалой фантазией («Архонты мира дыма — двуногие; архонты мира огня — четвероногие; от мира ветра произошли крылатые архонты; архонты мира воды — плавающие; наконец, порождения мира тьмы — пресмыкающиеся») — выкидыши, полный несовершенства и чуждый материальный мир, полный набор архетипов... При этом, в отличие от гностиков, Мани четко обозначил противостояние добра и зла, но, увы, устранил из этого противостояния человека.

Вся эта мешанина терминов, категорий и вероучений весьма привлекала людей искушенных (да и не только искушенных), ибо приобщиться к непостижимо непонятному было сродни быть причастным к истине и мудрости.

Однако главной причиной торжества манихейства были невероятная энергия пророка, умение подбирать и привлекать к себе верных адептов, которые с невероятной энергией разносили семена новоявленного учения по всем уголкам света, куда только могли дотянуться: от Китая до Римской империи.

А если еще учесть, что Мани и его апостолы были весьма плодовитыми сочинителями и неутомимыми переписчиками своих произведений, нетрудно понять и вторую причину, почему манихейство таким многоцветным привлекательным спрутом ползло по просторам Азии, Европы и Африки, где было особенно влиятельно — настолько, что обаянию его поддались столпы христианской церкви. Там, где оказывалось бессильно слово, манихеи действовали убеждением через посредство той самой омерзительной материи, которую так усердно клеймили.

Впрочем, противники клеймили манихеев с неменьшей страстностью, приписывая им массу всевозможных пороков. Будто бы те ради уничтожения косной материи — собственного тела — прибегали не только к аскетизму, которому были привержены сам Мани и его ближайшие пророки, но и необузданному разврату — от банального пьянства до скотоложства.

Но возможно, эта мнимая порочность — помимо стройной и тонко, пусть и заумно прописанной доктрины — и привлекала к учению Мани многих адептов, в том числе и в его родном Иране. Но здесь, где официальные власти восстанавливали на официальном же уроне зороастризм, Мани действовал осторожно. Его апостолы и впрямь выставляли себя аскетами самых строгих правил, здесь он нарек Отца Величия Зерваном, что, конечно же, противоречило нормам классического зороастризма, но вызывало живейший отклик в сердцах зерванитов.

Так что Мани, пророк не просто талантливый, но и прагматичный, имел немалые шансы на успех, если бы не вмешался другой не менее яркий проповедник — Картир, который, как и его противник, не отличался излишней скромностью и оставлял после себя весьма хвалебные каменные скрижали; хотя, надо признать, о его жизни мы знаем мало. Известно, что поначалу он смиренно именовал себя «толкователем Авесты» и особым влиянием не пользовался. Но, будучи политиком в высшей степени искушенным, он предпочел сану настоятеля одного из видных храмов весьма скромную по достатку роль духовного отца шаха Шалура, тенью следуя за повелителем и при дворе, и в поездках по империи, и в походах.

Шапуру наследовал старший сын Хормизд, пытавшийся подражать великодержавной религиозной политике отца. Однако, не процарствовав и года, шах скончался. И тогда началось стремительное возвышение Картира, ибо новый шах Варахран ссориться с могущественным жрецом не пожелал — возможно, побоявшись повторить смерть предшественника, который, вполне вероятно, умер не своей смертью.

Картиру был присвоен титул магупата Ормазда. Пользуясь своим новым положением, честолюбец развернул жестокие преследования иноверцев — и в первую очередь манихеев. Мани вместе с ближайшими учениками был вызван ко двору, где его ожидал самый нелюбезный прием.

К тому времени светская и церковная власти определились в своих отношениях — нужды в религиозной оппозиции больше не было. Мани обвинили во всех смертных грехах и арестовали; свои дни он кончил печально. По одной версии, его умурили в темнице голодом, по другой — с несчастного — дабы ни у кого не возникало более соблазна высказывать опасные идеи! — содрали кожу, набили ее соломой и выставили на всеобщее обозрение (не с него, как мы знаем, первого...).

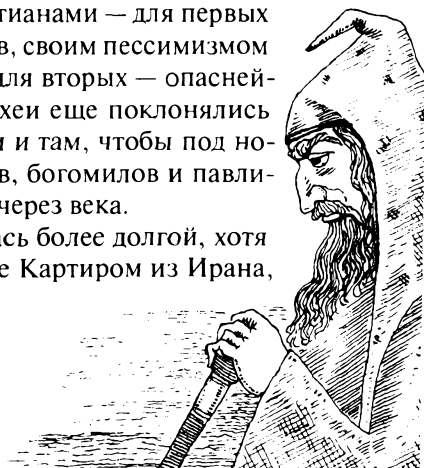

Приключилось это на 53-м году Сасанидской эры, что соответствует 277 году эры Христовой...

Теперь власть Картира сделалась абсолютной — выше царской. Картир приказал выбить на скалах похвалительные надписи, где перечислял современникам и потомкам среди прочих свои заслуги в изничтожении всевозможных еретических сект.

Однако дело Мани и созданная им религия не пропали бесследно. В течение нескольких десятилетий манихейство пользовалось немалой популярностью на Западе, пока не было искоренено римскими властями и христианами — для первых это была ересь вечно враждебных персов, своим пессимизмом подрывавшая сами устои государства, для вторых — опаснейший конкурент. Какое-то время манихеи еще поклонялись своему Отцу в Египте, а потом исчезли и там, чтобы под новыми именами — катаров, альбигойцев, богомилов и павликиан — вновь объявиться в Европе уже через века.

На Востоке судьба манихеев оказалась более долгой, хотя и едва ли более счастливой. Изгнанные Картиром из Ирана,

они бежали на Восток — в Среднюю Азию, где особенно преуспевали в Самарканде, и дальше — в Китай. А когда оттуда их выжили местные даосы и буддисты, тогда манихеи обосновались в Туркестане, а вскоре манихейство сделалось официальной религией Уйгурского каганата. Пусть и всего на одно столетие.

В общем, Картиру их добить так и не удалось, пусть он прилагал к этому все свои силы, последовательно усаживая на шахский престол угодных ему принцев; в довершение головокружительной карьеры он получил должность верховного судьи и титул «Картир, спасший душу Варахрана».

Его крах случился на 70-м году эры Сасанидов, когда престол силой захватил дядя Варахрана Нарсе, которого Картир несколько десятилетий упорно оттирал от трона. У Картира отняли начальство над главными храмами империи и судебную власть. С тех пор имя Картира исчезает со всех посвященных надписей; надо думать, были сбиты и многие, высеченные на камне эдикты некогда могущественного магупата.

Нарсе же с почетом принял во время коронации преемника Мани, нового главу манихеев Инная, что, впрочем, к новому процветанию манихейства не привело.

Глава 16

Конец химеры

После погрома манихейских общин и изгнания уцелевших еретиков на Восток в Персии установился религиозный порядок, что, однако, не значит веротерпимость.

Пришедший после весьма длительной борьбы к власти Шапур II выставлял себя истовым поборником зороастризма в его государственной форме, то есть маздаянизма, однако одну из своих дочерей нарек Зервандухт, что значит «дочь Зервана». Так что разобраться, как именно воспринимал свою веру этот царь, довольно сложно. Хотя, верно, Шапур подобными рассуждениями не занимался, ради укрепления государственной религии делая реверансы в адрес как маздаянистов, так и зерванитов, ибо первые были нужны ему как отважные

воины за истинную веру, а значит, и за истинное государство, вторые же — как люди теодицеи и, значит, покорные его царской воле.

Но можно предположить, что в то время в персидской верхушке преобладала вера в первенство несотворенного Ахура-Мазды, потому что более трети сверхпродолжительного — семьдесят лет! — правления Шапура Персия воевала с Римом. Причем воевала успешно, поистине с религиозным фанатизмом, — ревностный зороастриец Шапур христиан ненавидел. Особенно удачной была вторая война, когда армия Шапура сначала разбила войско императора Констанция, а потом и его преемника Юлиана Отступника — того самого, что погиб в безрассудной контратаке. Приобретениями персов стали римские провинции восточнее Тигра и фактический протекторат над Арменией и Кавказом.

В отличие от многих прочих царей, Шапур лично участвовал в сражениях, подставляясь под неприятельские мечи и стрелы (чем, однако, заметим, не отличался от Юлиана). По свидетельству воина и блестящего историка Аммиана Марцеллина: «Верхом на коне, возвышаясь над другими, сам царь ехал впереди всех своих войск, с золотой диадемой в форме бараньей головы, украшенной драгоценными камнями; его окружали разные высшие чины и свита из разных племен... Он разъезжал перед воротами в сопровождении своей блестящей свиты; но когда он в гордой уверенности подъехал слишком близко, так что можно было разглядеть черты его лица, то едва не погиб: стрелы и другое метательное оружие обратились на него из-за блеска его одеяния; однако пыль помешала стрелявшим верно прицелиться, и удар копья проделал лишь дыру в его облачении. Он ушел невредимым, чтобы затем истребить множество людей».

Шапур II отличался особой жестокостью. Пленникам пробивали лопатки, через полученные отверстия продевали веревки и таким образом подвешивали несчастных на деревьях. Но как бы то ни было, это был, пожалуй, последний из великих шахов. Остальные были либо недалекоими, либо гуляками либо попросту по воле приближенных царствовали всего пару-тройку месяцев, в лучшем случае лет. И это только приближало крах великой империи.

Прологом стало появление на восточных границах Ирана новых и крайне неприятных соседей — эфталитов. Эти варвары, происхождение которых темно, за пару десятков лет подчинили громадные территории — от запада Турана до Кашмира и Пенджаба, где потрепали за пару тысяч лет совершенно «обындившихся» ариев.

Продвинувшись сколь это возможно на востоке, эфталиты обратили жадный взор на запад. Теперь Ирану стало не до привычных уже войн с Римом. Пришлось отбиваться, но, увы, успеха персы не снискали. Эфталиты заманили в засаду армию шахиншаха Пероза, как обычно закованную в броню и неповоротливую. После недолгого сопротивления персы капитулировали вместе со своим предводителем.

Вдоволь поглумившись над царственным пленником, варвары согласились отпустить его восвояси в обмен на тридцать ослов, конечно же груженных золотом. Перозу удалось наскрести золота лишь на двадцать, а остальные заменить на сына Кавада, оставленного в заложниках.

За время двухгодичного плена (заметим, относительно комфортабельного) Кавад сумел подружиться с варварами, найдя в них немало разумного — в том числе и те качества, что подрастеряли цивилизованные персы. Когда же Кавада отпустили, Пероз решил им отомстить, что было большой и последней его в жизни ошибкой. Обиженные варвары устроили ему новую ловушку. Вычислив будущее поле сражения, они вырыли ямы, покрыв их ветками и землей. Бросившаяся в атаку сасанидская бронированная конница провалилась в эти ямы, где и нашла свою, воистину Рустамову смерть.

Новым шахиншахом стал брат Пероза, назначенный тем перед походом регентом государства. Но тот оказался слишком расположен к простому люду, что не понравилось знати. Шаха схватили и ослепили, передав престол Каваду.

Кавад какое-то время таился, но потом, улучив момент, расправился — чужими руками — с опаснейшими из соперников из числа тех, что возвели его на престол, а дабы в будущем создать противовес владетельной знати, решил опереться на новую силу, верней старую, но заявившую о себе только теперь, в смутное время.

Идеи Мани не пропали втуне. Диковинно преломившись в лоне зороастризма, они вылились в учение некоего Зардушта, главным проповедником учения стал Маздак (Маздаки-Бамдад), человек происхождения темного, но, видимо, из священнослужителей — мобедов. И явно неглупый. По крайней мере, в глазах великого Фирдоуси.

Жил муж, и Маздаком он был наречен,
Речист и разумен советом силен.
Премудрым и доблестным мужем он был.

Шахнаме

Маздак не отказался от традиции разделения мира на благое и злое начало, но уверял, что эпоха разделения уже наступила, Ормизд одержал победу над Ахриманом и теперь лишь осталось ашаванам одержать победу над другвантами.

Для этого праведник должен придерживаться четырех высших истин: не жалея сил ради торжества истины, не убий (если того не требует истина), люби всех братьев по истине, делись с ними состоянием своим.

И так обратился к собранию мужей:
«К амбарам пшеницы ступайте скорей!
Без страха берите и молод и стар,
Коль платы попросят — громите амбар».

В сотрясаемом войнами и смутами Иране проповедь Маздака — первая состоялась 21 ноября 488 года, сразу же по восхождении на престол Кавада. — произвела, что говорится, фурор. Ряды сторонников его — и не только среди стремящейся к разделу имущества бедноты — множилось. Не остался равнодушен к ним и новый шахиншах. Тому были две причины. Будучи заложником у эфталитов, он сумел оценить несомненные преимущества их простой жизни — в том плане, что относительное равенство и отсутствие титулованных выскочек как нельзя способствовали укреплению государства. Кроме того, Каваду попросту надо было опереться на преданную силу, что ограничивала бы претензии всевозможных начальников-шах-

ров и высокопоставленных мобедов. В этом и крылся прагматичный расчет шаханшаха.

Маздак был приближен ко двору и получил высокий пост. Немалым влиянием пользовались и его ближайшие приближенные. Знатнейшие из знатных спешили примкнуть к новому фавориту, как это сделал и старший сын Кавада Кавус. Маздакиты бросились делить имущество знати, в чем Кавад им не препятствовал. Кто же препятствовал, того убивали, ибо протестующий был несомненным другвантом. Но затем маздакиты — Маздак отменил закон о браке — начали обобщать женщин, выбирая тех, что помоложе и обликом краше. Кто знает, может быть, разбирали по рукам и мужчин.

Маздак говорил «Кто богат и силен,
Не выше бедняги, что нищим рожден.
На роскошь, богатство положен зарок.
Основа — бедняк, а богатый — уток.
И равенство в мире возникнуть должно,
В излишестве жить непохвально, грешно.
И жен и дома, — бедным надобно дать,
Богатого с нищим во всем уравнивать.
От веры святой отступать не должны,
Высокое с низким мешать не должны.
Кто к вере моей не захочет прийти,
Тот богом отвергнут, на ложном пути».

Это уже не понравилось многим. Ближняя к Каваду знать свергла его. Царя заточили в горном замке, откуда тот сбежал — по легенде, переодевшись в платье то ли служанки, то ли жены. Куда?

Ну конечно же к эфталитам. Те беглецу обрадовались — накормили, напоили, дали войско, с которым Кавад и вернул трон. Но вот Маздака он возвращать не пожелал, тем более что и шахры, и мобеда дружно уговаривали властителя не делать этого, общая полную лояльность. Кавад и сам понимал, что партия Маздака отыграна. Сам он не решился возглавить расправу с ним и его многотысячной свитой, он поручил это дело младшему сыну Хосрову. Передоверим рассказ об этом златоречивому Фирдоуси:

Был сад во дворце у Хосроя большой,
 Стеной обнесен был, как горы, крутой.
 Хосрой вырыть ров у стены приказал,
 Маздака людей он в него побросал
 И всех, как деревья, закрыли землей,
 Ногами наверх и в земле головой.
 Маздаку сказал тут царевич: «Иди,
 На сад мой прекрасный, ступай, погляди.
 Ты сеял — твои не пропали труды,
 О муж неразумный, поспели плоды!
 Деревья такие видал ли когда?
 Их даже не знали в былые года».
 Открыл тут Маздак дверь в царевичев сад,
 Он думал увидеть — деревья стоят...
 Увидел — лишился сознания старик,
 Глухой из груди его вырвался крик...
 Тут столб с перекладиной был утвержден,
 И крепкий аркан на конце укреплен.
 Несчастный был тотчас повешен — живой,
 За веру неправую — вниз головой.
 Из луков его расстреляли потом...
 Мудрец! Не ходи ты Маздака путем.

Вот уж действительно — и поучительно, и нравоучительно!
 После смерти Кавада Хосров унаследовал престол в обход
 старшего брата. Старший из принцев Кавус попытался вос-
 становить справедливость, но ему припомнили маздакитское
 прошлое и умертвили. Хосров воцарился под именем Ану-
 ширвана («Бессмертная душа»).

Это был последний из воплотившихся в истории царей. Он
 навел порядок в государстве, реформировал армию, создав на-
 емные полки саваран — тяжелых кавалеристов, и победоносно
 воевал с не менее великим Юстинианом Византийским и эф-
 талитами. На последних он натравил подошедших с востока
 тюрок, так что для персов победа оказалась бескровной, при-
 обретения ж — немалыми.

Судьба последующих царей — в последние полвека Саса-
 нидской державы — была печальной. Хормизд IV оскорбил
 своего лучшего и победоносного полководца Бахрама Чуби-
 на, или Ворона. Незадолго до этого Бахрам спас Иран, наголо-

ву разгромив вторгшееся тюркское войско при Герате и лично сразив неприятельского полководца. Известное дело, победитель всегда окружен завистниками. Нашлись такие и у Бахрама. Героя оклеветали, будто тот утаил часть добычи. Шахиншах не придумал ничего лучшего, как не просто сместить победителя тюрков с поста главнокомандующего, но еще и послал тому прялку и женское платье — намек на то, что эти атрибуты подобают тому больше, чем одежда воина.

Развитие событий было предсказуемо. Популярный в армии и в народе герой поднял мятеж. Перепуганные вельможи тут же схватили, ослепили, а потом и убили Хормизда, посадив на трон его сына. Но подобное извинение не удовлетворило Бахрама. Он захватил столицу и вопреки настроениям знати короновал себя.

Это привело к гражданской войне, в которой приняла участие Византия, как и тюрки заинтересованная в ослаблении соседа, препятствовавшего свободной торговле шелком, который ценился в те времена на вес золота: тюркские каганы содержали на доходы с торговли им войска, а византийцы вербовали наемников (см. великолепную статью Л. Н. Гумилева «Подвиг Бахрама Чубины»).

Ворон был разбит и бежал к побежденным им тюркам, где был принят с восторгом и получил в жены дочь кагана. Тогда новый шах Хосров II, в будущем получивший имя Победоносный, подослал наемного убийцу, который заколол Бахрама отравленным кинжалом.

Пользуясь развалом Византии и стабилизацией положения в Иране, Хосров послал армии на запад. Одна армия победоносным маршем прошла по Малой Азии, не захватив разве что Константинополь, другая заняла византийский Восток. В результате этой кампании персы захватили Малую Азию, Сирию, Палестину и даже Египет. Хосрова славили как «страшного охотника, льва Востока, от одного рычания которого содрогались дальние народы, а ближние от вида его таяли, как воск» (армянский историк VII века Каланкатуаци).

Но за триумфом последовало фиаско. Византийский император Ираклий пытался договориться, но шахиншах никаким доводам не внимал. Он решил окончательно сокрушить западного соперника, стереть Византийскую империю с лица земли.

Однако успехи персов были иллюзорны. Да, они награбили несметные сокровища — одного серебра в шахских сокровищницах хранилось семь тысяч тонн. Да, Иран мог выставить огромную армию. Но, несмотря на несметные богатства и численно военную мощь, страна пребывала далеко не в лучшем положении. Неурожаи и поборы разорили земледельцев, разбогатевшая на военной добыче знать все меньше считалась с шахиншахом. И главное, Хосров проводил непоследовательную религиозную политику. Он покровительствовал христианам — христианками были обе его жены, в том числе легендарная Ширин. Он отдавал предпочтение зерванитам, которые хороши в годину побед, но быстро теряли дух при поражениях.

Византийцы мобилизовали все свои силы. В 623 году Ираклий начал свою знаменитую кампанию, атаковав Иран не напрямую, а через Армению и Месопотамию. Это оказалось неожиданностью для Хосрова и его полководцев. Персы терпели поражение за поражение — они пали духом и не хотели сражаться. Сильнейшим моральным ударом стал захват византийцами храма Адур-Гушнасп. Святилище было разграблено, прихрамовое озеро было осквернено трупами людей и животных.

Перед лицом все новых поражений и множественных предательств Хосров позаботился о престолонаследии, попытавшись назначить наследником сына от любимой жены-христианки Ширин. Это вызвало бунт, и старший сын Кавад сверг Хосрова, а через несколько дней приказал его умертвить; заодно были умерщвлены семнадцать братьев Кавада.

Но счастье отца- и братоубийцы было недолгим. Вскоре он умер от яда, как подозревают, подсыпанного мстительной Ширин.

Ну а далее Иран оказался во власти всяческого рода местных вассалов-шахров и разбойничающих варваров — хазар и тюрок. Шахиншахи сменялись пачками. Так, захвативший власть знаменитейший из иранских полководцев Шахрварз процарствовал менее двух месяцев. Первую в историю Сасанидской державы шахиншахиню Буран задушили. Другую шахиню отравили.

«Трагична была его фигура, печальной судьба и безрадостной кончина», — так начал свое повествование о Йездигер-

де III, последнем шахиншахе Персии из династии Сасанидов, историк Сергей Дашков. Пятнадцатилетний мальчик был совершенно не готов к угованной ему роли — им, как марионеткой крутили искушенные и, по обыкновению, враждующие между собой вельможи; правители многих областей отказывались признавать центральную власть, воины не желали сражаться. Не помогала и обильная казна, наполненная поборами с разоренной страны. Шахиншаха и его окружение ненавидели едва ли не все вокруг. В такой ситуации серьезную угрозу представлял любой, даже не самый страшный враг. Ну а неприятель, надвигающийся с запада, был весьма грозен.

Двадцатью годами ранее в Аравии начал проповедческую деятельность очередной духовидец. Поначалу его всерьез восприняли лишь несколько сородичей и друзей, но человек энергичный, экзальтированный и красноречивый, он весьма быстро доказал умение обращаться в новую веру даже откровенных недоброжелателей. Нетрудно догадаться, что этого человека звали Мухаммедом.

Год от года Мухаммед привлекал к себе все больше приверженцев, действуя словом, а когда оно не помогало, и силой. К закату жизни его истовая проповедь покорила весь Аравийский полуостров и устремилась вовне. Одна волна воинов ислама двинулась на север — грабя и покоряя принадлежавший Византии Ханаан, вторая — на восток, в обескровленные смутами и войной с ромеями земли Сасанидской империи.

Сначала шахское правительство не придавало особого внимания тому факту, что в западные пределы империи вторглись банды неорганизованных и дурно вооруженных варваров. Но когда эта разношерстная, передвигающаяся по большей степени на верблюдах орда начала громить пограничные войска на Евфрате и грабить местное население, спяхбад Рустам, фактический правитель Сасанидской державы, оценил серьезность происходящего. С немалым трудом собрав со всех уголков империи 40-тысячную армию, Рустам двинулся навстречу неприятелю, который подступал уже не небольшими ордами, а вполне организованным полчищем, численностью лишь немного уступавшим персидскому войску.

Противники сошлись у крепостцы Кадисия. Битва продолжалась четыре дня. Поначалу персы едва не смяли врагов на-

тиском слонов, с которыми арабы прежде не сталкивались. Но армию пророка спасла от разгрома ночь.

Слоны в новом сражении на следующий день не участвовали: многие были накануне изранены, у других были изломаны башенки для воинов. Теперь арабы применили свой козырь животного рода, пустив в дело верблюдов, запаха и вида которых пугались персидские кони. Повторилась история Кира и Креза, только теперь не в пользу огнепоклонников. Персы выстояли, но потеряли едва ли не четверть войска.

На третий день арабы, как и учил Мухаммед, применили военную хитрость, ночью отведя один из отрядов от поля боя; к началу битвы он, вздымая зеленые стяги, вернулся, изображая из себя новое подкрепление. Но персов это мало смутило, а вот многие из арабских воинов приняли уловку за действительность. Целый день шло упорное сражение, причем персы потеряли нескольких слонов, а арабы лишились своего верблюжьего козыря: иранские кони больше невиданных животных не пугались, ибо те уже перестали быть таковыми.

Все решил четвертый день, когда в разгар сражения в лицо персам вдруг подул сильный западный ветер. Ураганные порывы сбросили в ближайший канал шатры персов; арабы же решили, что им помогает Аллах, и бросились в атаку с умноженным пылом. Рустам погиб в ожесточенной схватке с прорвавшими центр его армии врагами, арабы захватили святыню Сасанидов — Знамя Кави из леопардовых шкур, расшитое драгоценными камнями. После гибели военачальника уцелевшие иранские полки начали отступать через канал. Многие воины погибли в беспощадной к тяжелой броне воде, другие были истреблены. Ожесточенное сопротивление оказал лишь трехтысячный гвардейский отряд, но и он не устоял под натиском втрое превосходящего неприятеля.

Итоги битвы при Кадисии были катастрофичны для иранцев. Погибло две трети армии, уцелевшие воины были деморализованы. Пали в бою или при отступлении лучшие военачальники. Теперь почти ничего не мешало арабам приступить к покорению империи Сасанидов.

Но надежда покуда еще оставалась. Персы попытались дать новую битву под Вавилоном, но потерпели неудачу и здесь. Не устояла и неважно укрепленная столица Ктесифон. Остатки

персидского воинства комком пустынной колючки покатились далее — на восток. Арабские историки с восторгом перечисляют добычу, доставшуюся победителям, которая немалым уступала той, что захватила армия Александра Великого в сокровищницах Дария. Чего стоит дворцовый парадный ковер тридцать метров на тридцать же, расшитый драгоценными камнями, который победители разодрали на куски. То, что копилось столетиями, было потеряно в одночасье.

Набив вьюки золотом и серебром, арабы продолжили преследование беглецов. Время от времени персы пытались организовать отпор, но терпели поражение за поражением. Последняя битва произошла под городком Нихавенд в Мидии. Персы призвали под знамена всех, кто только мог держать оружие или же хотя бы держаться за него. Особо строптивых сковали для крепости духа и строя цепями. Но и это не помогло. В упорном сражении арабы одолели последнюю армию Сасанидов.

Несчастный в общем-то Йездигерд продолжил свой бег на восток, покуда не достиг границ империи — Мерва. Здесь он и закончил свою жизнь после ссоры с местным марзпаном. Осведомленный, что правитель Мерва строит против него — сокровища-то у Йездигерда еще оставались! — козни, лишившийся царства шахиншах попытался спастись бегством, зашел переночевать на ближайшую мельницу, хозяин которой, прельстившись дорогими одеяниями незнакомца, банально и очень по-человечески прирезал последнего Сасанида.

На том завершилась эпоха великой, действительно великой династии и началась финальная фаза заката зороастризма, вернее, зерванизма, ибо зороастризм в его маздаистской версии к тому времени фактически выродился.

Победители-арабы позаботились о том, чтобы поставить на колени веру, чуждую исламу, ибо сами взывали к Аллаху коленопреклоненными и искренне возмущались, что рабы-огнепоклонники взывают к какому-то Ормазду, гордо вытянувшись к небу, солнцу и звездам.

Но учение Заратустры не кануло втуне, оно продолжало существовать в Иране и иных азиатских странах, угасая и вновь возрождаясь, однако уже никогда не сумело вернуть статус веры, претендующей на всемирное величие.

На Востоке зороастризм постепенно выродился в химеру, оставшись верой небольшой кучки людей. На Западе же идеи Мани вдруг воспрянули.

Пришли они с Востока, через страну, находившуюся на задворках истории, однако в свое время достаточно сильной. После османского завоевания о Болгарии не слышали долгие пять столетий. Однако до появления турок на Балканах существовало сильное болгарское государство, соперничавшее с самой Византией. В IX веке Болгария крестилась, а вскоре на Балканы проникла ересь, имевшая к христианству скорее формальное отношение.

Новое учение принес «поп» Богомил, личность загадочная. Он не стал оригинальничать, а, подобно гностикам или манихеям, жестко разделил догматику Ветхого и Нового Заветов. Иудейский Бог был объявлен Сатаниилом — само уже имя характеризует его сущность; Иисус, искупив грехи человеческие мученической смертью, отправил Сатаниила напрямик в ад, отчего у человека появилась возможность спасти душу и обрести вечное блаженство в раю.

В общем, ничего оригинального в проповеди Богомила не было, но ее популярности помогло нечаянное обстоятельство. В XI веке Болгария попала под власть Византии, во все времена равнодушной к духовным исканиям. Через Византию богомилство проникло в Италию, откуда понеслось дальше — по городам и весям Европы, пустив крепкие корни в процветающей Ломбардии и соседних территориях, живших ремеслом и торговлей и жадных до новых веяний. Затем ересь двинулась на запад — в Южную Францию, где также жаждали новизны.

Еретиков именовали разное, но чаще всего катарями — «чистыми», но больше они известны по прозвищу главного центра ереси города Альби — альбигойцы.

Идеология катаров — это искаженная и не столь изощренная доктрина манихейства. Все те же два начала — благой Бог и демон зла Люцифер. Последний сотворил материю, в том числе и людей, после чего принялся насаждать пагубу собственным же порождениям — потопами, содомами с гоморами. Досталось и Моисею с Марией Магдалиной, да и Христа низвели на уровень ангелов, отрицая его воплощение и рас-

пятие и утверждая, что при рождении он вышел из уха Девы Марии.

Сначала праведные католики пытались воздействовать на еретиков словом — в диспутах, заодно извращая догматы катарства, да и само имя учения, трактуя название как котополклонничество — мол, катары сожигательствуют с кошками.

Особенно досаждали папистам катары, обосновавшиеся Лангедоке, что в Южной Франции, по месту главного их проживания прозывавшиеся альбигойцами. Здесь существовало настоящее еретическое королевство, где катарами были местные главы, бароны, священники, да и простые обыватели. Катары, в общем, были людьми недурными, плохое же на них, по обыкновению, наговаривали. Симонией и педерастией, в отличие от католической братии, они не увлекались, а Лангедок в те времена был родиной труверов, гуляк и людей просто радостных. Этим-то он и пугал католическую церковь.

Когда слово не возымело воздействия, истинные католики перешли к делу. Для начала Третий Латеранский собор осудил ересь катаров, а спустя тридцать лет папа Иннокентий III призвал к крестовому походу против них. В ходе войн, получивших название Альбигойских, города захватывались, катары беспощадно избивались — мечом и огнем. Когда один из крестоносцев спросил папского легата Амальрика, как отличить католиков от еретиков, тот простодушно ответил: «Caedite eos! Novit enim Dominus qui sunt eius» — «Убивайте всех! Господь узнает своих!».

Всего перебили до миллиона человек, превратив цветущий край в выжженную пустыню. Однако на этом не успокоились — за еретиками гонялись по всей Франции еще много лет. Последних уничтожили лишь спустя сто лет после начала Альбигойских войн.

Следом истребили еще одну ересь, обвинив ее приверженцев в пренебрежении к церкви. Благоденствовал в те времена в Европе орден храмовников, или тамплиеров. Он отличился в войнах с язычниками, а потом, вытесненный из Азии, обосновался в Европе. Тамплиеры оказались парнями практически и быстро променяли острый меч на торговые операции. В те времена, когда рыцарство толпами отправилось за моря,

в Европе осталось много бесхозных земель, значительной частью которых и завладели тамплиеры — без малого два миллиона гектаров! На тех землях они построили множество замков, заодно, будем справедливы, и храмов, и занялись делом не самым благородным, но очень востребованным. Европейского банка тогда не существовало, и тамплиеры взяли на себя обязанность исполнять его функции — стали всеевропейскими ростовщиками, на чем и непомерно нажились.

Однако чужое счастье завистливо. Вот и позавидовал Филипп IV Французский, прозванный Красивым, этому счастью рыцарей Храма. Король и впрямь был красив, а еще редкостный склочник и не менее редкостный транжира. Скандалил с соседями-королями, римским папой. Тамплиеры короля раздражали непомерно — и богатством, и высокомерием. К тому же нелишне упомянуть, что Филипп был их должником, причем самым большим.

Недолго думая, Филипп начал кампанию против тамплиеров. В чем только не обвинили несчастных рыцарей — самое малое в богохульстве, похищении для оргий невинных детей и кончая скотоложством. Ну и, конечно же, в поклонении дьяволу.

Тамплиеров хватали пачками, пытали, быстренько признавали виновными и тащили на костры. Среди обвинений было и такое, будто бы идолы — главным из которых был козлоподобный Бафомет, — которым поклонялись тамплиеры, заставляли плодоносить землю и цвести деревья!

Идолы идолами, но один грешок за тамплиерами все же вошел. Не будучи злостными еретиками, они признавали двойственную природу Христа — как Иисуса и его брата-близнеца Фому, который после казни Христа и объявился пред апостолами, почему и не поверил в воскрешение (ведь воскресшим был он сам) и вошел в историю как Неверующий. Поговаривают, что тамплиеры вывезли из Иерусалима древние манускрипты, поведавшие об этой невероятной истории.

Однако это им в вину не вменили, ограничив обвинение злостным идолопоклонством. Магистр ордена храмовников Жак де Моле с костра проклял короля, на славу погревшего руки на этой истории, и все его потомство — и надо сказать, проклятие сбылось: на сыновьях Филиппа (числом три) за-

кончилась династия Капетингов и началась Столетняя война. Хотя это совсем другая история.

С гибелью катаров и тамплиеров грандиозная арийская ересь в Европе была уничтожена, хотя отрожки ее еще долго прорывались через официальную веру в разных странах. А спустя столетие был положен конец древней арийской культуре и на Востоке... Походы Тимура в Иран и Индию нанесли ей решающий удар, добив ее и этнически, и ментально.

Содержание

Глава 1. Гипотеза эпохи ледников	5
Глава 2. Чудесная Гиперборея	10
Глава 3. Вересковый мед	16
Глава 4. Под знаком Лунной Матери	27
Глава 5. Изгнанные из рая	36
Глава 6. Страна городов	49
Глава 7. Захмелевшие от браги	64
Глава 8. Рыцари степей	81
Глава 9. Многоликий герой	92
Глава 10. Заплутавшие в джунглях	124
Глава 11. Так говорил Заратустра	139
Глава 12. Взрыв времени	151
Глава 13. Код Бехистуна	164
Глава 14. Еретики	173
Глава 15. Запад и Восток: взлет и падение	184
Глава 16. Конец химеры	202

- Колосов Д.
К61 Арии / Дмитрий Колосов. — М. : Ломоносовъ, — 2015. — 224 с. — (История. География. Этнография).
ISBN 978-5-91678-246-2

Книга кандидата исторических наук Дмитрия Колосова рассказывает о племенах и народах, которые называли себя ариями — «полноправными людьми», говорили на близких языках и дали начало иранским и индоарийским народам. Основываясь на древнейших литературных памятниках — Ведах и Авесте и более поздних эпических сказаниях «Махабхарате», «Рамаяне», «Шахнаме», привлекая результаты лингвистических, этнографических и археологических исследований, автор описывает формирование праарийской общности, приводит гипотезы о прародине древних ариев и путях их миграций, описывает их появление на исторической сцене и разделение в начале II тысячелетия до н. э. на два потока. Потомками ариев ныне с полным правом считают себя, с одной стороны, персы и талджики, пуштуны и курды, осетины и памирские этносы, с другой — многочисленные народы, живущие в Индии, Пакистане, Шри-Ланке, Непале, Бангладеш и в других странах. Этот грандиозный мир, насчитывающий полтора миллиарда человек, и является истинным наследником культуры ариев.

УДК 94(3)
ББК 63.3(0)2

Книга изготовлена в соответствии с Федеральным законом
от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ, ст. 1, п. 2, пп. 3.
Возрастных ограничений нет

История. География. Этнография

Дмитрий Колосов

Арии

Редактор М. Семашко
Верстка А. Петровой
Корректор М. Малоян

Подписано в печать 19.12.2014.

Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 14. Тираж 1000 экз. Заказ 7666.

ООО «Издательство «Ломоносовъ»
119034 Москва, Малый Левшинский пер., д. 3
Тел. (495) 637-49-20, 637-43-19
info@lomonosov-books.ru
www.lomonosov-books.ru

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93

www.oaompk.ru, www.oaompk.rf тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

**Дмитрий
Колосов**
Арии

Книга кандидата исторических наук Дмитрия Колосова рассказывает о племенах и народах, которые называли себя ариями — «полноправными людьми», говорили на близких языках и дали начало иранским и индоарийским народам. Основываясь на древнейших литературных памятниках — Ведах и Авесте и более поздних эпических сказаниях «Махабхарате», «Рамаяне», «Шахнаме», привлекая результаты лингвистических, этнографических и археологических исследований, автор описывает формирование праарийской общности, приводит гипотезы о прародине древних ариев и путях их миграций, описывает их появление на исторической сцене и разделение в начале II тысячелетия до н. э. на два потока. Потомками ариев ныне с полным правом считают себя, с одной стороны, персы и таджики, пуштуны и курды, осетины и памирские этносы, с другой — многочисленные народы, живущие в Индии, Пакистане, Шри-Ланке, Непале, Бангладеш и в других странах. Этот грандиозный мир, насчитывающий полтора миллиарда человек, и является истинным наследником культуры ариев.

ISBN 978-5-91678-246-2

9 785916 782462